

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

Д.Я. Майдачевский

**МЕНЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОТ «РАСШИРЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ»
К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИСТОРИИ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2012

УДК 330.8 + 338 (091)
ББК 65.02 + 65.03
М14

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р экон. наук, проф. М.П. Рачков
канд. экон. наук, доц. Ж.З. Тагаров

Майдачевский Д.Я.
М14 Меняющееся пространство экономической историографии:
от «расширенной библиографии» к дисциплинарной истории /
Д.Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 152 с.
ISBN 978-5-7253-2523-2

Рассматривается становление и развитие экономической историографии как исследовательского направления в экономической истории. Расширение перспектив направления освещается в контексте преодоления традиционных, конвенциональных форм представления прошлого, сложившихся в экономической науке.

Для специалистов в области истории экономической мысли и экономической истории, преподавателей и аспирантов.

ББК 65.02 + 65.03

ISBN 978-5-7253-2523-2

© Майдачевский Д.Я., 2012
© Издательство БГУЭП, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Звучащие порой оптимистичные заявления о настоящем и будущем дисциплины экономической истории в отечественной науке и подкрепляемые, как правило, ссылками на факты возвращения исследовательского внимания к историко-экономической проблематике, появления новых организационных структур и специализированных периодических или повременных изданий (*Виноградов, Бородин, 2008; Баканов, 2008*), относятся исключительно к экономической истории как области исследования исторической науки. Экономическая же история как исследовательская область науки экономической демонстрирует скорее пример маргинализации, если не упадка, утраты дисциплинарного статуса.

В заблуждение относительно дисциплинарного ее здоровья не должны вводить выпавшие на вторую половину 1990-х—начало 2000-х гг. возвращение экономической истории в учебные планы подготовки экономистов, появление соответствующих кафедр, подготовка и издание учебной литературы по дисциплине и т.д. Направленность учебных курсов и изданий на «повышение общей культуры» экономистов и отсутствие таковых для будущих специалистов в данной области, подготовка которых экономическими вузами не осуществляется даже на уровне магистратуры, заставляет задуматься скорее об учебном, а не научном характере дисциплины, нежели о функционировании знания в образовании как показателе степени его дисциплинизации.

Читаемая, как правило, первокурсникам, дисциплина традиционно носит «исторический характер», поскольку опирается лишь на полученные в средней школе знания всеобщей истории и обществознания. Она изучается параллельно с курсом экономической теории и не может в полной мере отталкиваться от базовых понятий экономической науки, опираться на ее теории, что, в конечном итоге, и не позволило ей сохраниться в учебных планах подготовки бакалавров. Причина — в «избыточности» в них исто-

рии: сообщество экономистов уже давно поставило знак равенства между историей «гражданской» (дисциплиной гуманитарной) и «экономической» (дисциплиной социальной), которая воспринимается всего лишь частью первой, делающей акцент на описании экономического прошлого.

В начале нового тысячелетия экономическая история утратила самостоятельную позицию, прежде ею занимаемую в перечне научных специальностей ВАК, что, впрочем, стало всего лишь закономерным результатом уже давно шедшего на убыль количества защищаемых ежегодно диссертаций по истории народного хозяйства — показателя снижения исследовательского к ней внимания. Несмотря на это экономическая история все же присутствует в перечне как целостное образование — область исследований, чего нельзя сказать об историко-экономической проблематике в паспортах исторических специальностей, разбросанной между многими областями исследований, что, однако, не мешает именно историкам реализовать успешные исследовательские проекты в этой предметной области.

Благодаря историкам же (прежде всего, историкам-квантификаторам) отечественная наука медленно, но верно, интегрируется в мировое научное сообщество, представлена на международных конгрессах по экономической истории. Историки оказались в известном смысле «экономичнее» отечественных экономистов-историков, в большинстве своем далеких от использования неоклассической экономической теории, исторической статистики и экономико-математических методов анализа последней. Но, вместе с тем, и не отождествляющих экономику с прикладной математикой и не разделяющих точку зрения математически подкованных историков, что только осознание экономической истории неотъемлемой частью количественной истории позволит ей «самоорганизоваться» в будущем в качестве составной части мировой историко-экономической науки (Ломова, 1997)¹.

¹ Любопытно, однако, сравнить подобные заявления с точкой зрения зарубежных исследователей, полагающих, что именно засилье количественных исследований маргинализирует экономическую историю в рамках экономической науки (Whaples, 2010).

Нередко во всех бедах экономической субдисциплины винят лишь неблагоприятную «внешнюю» (политическую, экономическую, идеологическую) среду, в которой приходится существовать, а порой и просто выживать, многим отраслям социогумантарного знания. Вследствие чего возможность очередного возрождения былого ее «величия» усматривают в противодействии исключительно институциональным факторам снижения дисциплинарного статуса, и в этой связи ратуют за пересмотр учебных планов, обретение самостоятельной позиции в перечне научных специальностей и т.д. (Маркова, 2000, Маркова, Федулов, 2008). Между тем, основную вину за утрату такового следует возложить на нерешенность, прежде всего, внутридисциплинарных проблем. Как справедливо заметил оказавшийся (после того как возглавил сектор экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН) по другую сторону дисциплинарных границ историк Ю.П. Бокарев, «исследования в области экономической истории не признаются частью экономической науки, а относятся к историческим дисциплинам. Экономисты настолько привыкли к такому положению вещей, что не задумываются над тем, является ли оно справедливым» (Бокарев, 2007б, с. 7)².

На страницах учебной литературы, призванной систематизировать научное знание, задавать предметную его область и унифицировать используемые методы, экономическая история предстает наукой, описывающей хозяйственные процессы в их хронологической последовательности, т.е. дисциплиной, главной задачей которой является получение достоверного знания о фактах, характеризующих экономические отношения минувших эпох. Совпадение познавательных характеристик — предмета исследования, используемых методов и способов теоретизирования — с аналогичными когнитивными характеристиками эко-

² Весьма красноречив, в этой связи, факт укомплектования штата сектора этой экономической научной институции шестью докторами и одним кандидатом исторических наук (Бокарев, 2007а, с. 55).

номической истории как области исторической науки (за исключением уже упомянутой клиометрики), содержит главную угрозу утраты экономической областью своего статуса, безотносительно к действию факторов социального, институционального характера. Будучи не в состоянии предложить интеллектуальных альтернатив исторической дисциплине, экономическая история как область экономической науки, для которой исследование прошлой экономической реальности лежит на периферии исследовательских интересов, неизбежно уступит решение этой задачи той, для которой она является центральной³.

Стратегии поддержания дисциплинарного статуса экономической истории должны уделять основное внимание когнитивным аспектам, быть направлены на обоснование содержательной самостоятельности экономической истории как области исследования экономической науки, т.е. основываться на понимании интеллектуального ее содержания. Совершенно очевидно, что без переопределения когнитивного содержания, нового понимания предмета изучения, переформулировки научных задач, стоящих перед областью, отграничения ее содержания от других областей, как и последующего институционального закрепления изменений, сохранить ее статус вряд ли удастся.

Первоочередным шагом на пути к пониманию интеллектуального и институционального содержания экономической истории как области исследования экономической науки, а, следовательно, и к выработке стратегии по поддержанию ее статуса, является обращение к дисциплинарной истории как способу установления ее целей, методов и границ. Именно в дисциплинарном прошлом можно рассмотреть корни многих современных проблем, обнаружить причины, по которым траектория когнитивного и институционального развития дисциплины привела ее к упадку.

³ Как справедливо подметили современные исследователи, изучение прошлой, «исчезнувшей» социальной реальности современными обществоведами «явно не вписывается в ту часть науки, которая ценится их сообществом и оплачивается властью предрержащими» (*Савельева, Полетаев, 1997, с. 22*).

На сегодняшний день дисциплина довольствуется лишь своеобразным «историографическим суррогатом», что изредка излагается в предисловиях, введениях или разбросанных по тексту учебных изданий «вставках», отсылающих читателя к биографиям и/или трудам ученых, принявших участие в ее «строительстве», школам, направлениям, этапам в развитии науки. Суррогатом, который не способен оказать конструктивного воздействия на дисциплину, вычленив ее из прочих дисциплин в соответствии с предметом, методами, задачами, содействовать формированию дисциплинарного самосознания, консолидации дисциплинарного сообщества. Создаваемая этими немногочисленными историографическими экскурсами путем механического соединения историографических фактов (имен, этапов, школ, направлений и т.д.) картина помещает на одной линии экономистов, использовавших исторические факты для обоснования своих теоретических построений, а также историков, прибегавших к экономическим методам, приемам их анализа и истолкования. набросанная широкими мазками и игнорирующая дисциплинарные границы, подобная историография призвана убедить в рождении новой «синтетической» дисциплины, нового дисциплинарного единства.

Однако, повторяемые авторами, словно заклинания, декларации о свершившемся междисциплинарном синтезе, зачастую не что иное, как ностальгия по ставшим уже достоянием истории науки представлениям о структуре, предметных областях и методах исследования экономического и исторического знания. Ностальгия, заставляющая вспомнить о недалеком прошлом, когда историко-экономическое знание рассматривалось исключительно под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития.

Между тем, именно в период господства марксизма в отечественной науке стало складываться новое исследовательское направление — экономическая историография. Пройдя несколько этапов в своем развитии, оно за-

кономерно сформулировало задачу изучения истории экономической истории как науки, или ее дисциплинарной истории, не преуспев, однако, в ее решении в силу ограниченности имевшегося в ее распоряжении историко-научного инструментария. Цели настоящей работы состоят, во-первых, в реконструкции пути пройденного данным исследовательским направлением и выявлении выполнявшихся экономической историографией функций; во-вторых, в извлечении уроков из ее истории и установлении наметившихся в развитии негативных тенденций, уводивших прочь от историко-научных изучений; и в-третьих, в выработке путей дальнейшего развития экономической историографии, способствующих, прежде всего, ее выходу за пределы историографических подходов, преследующих исключительно внутри-дисциплинарные цели «обзорно-библиографического» обобщения накопленного экономической историей научного потенциала, его осмысления и оценки с точки зрения состояния дисциплины на том или ином этапе ее развития.

Достижение последней и главной из поставленных целей неизбежно выводит исследование за рамки экономической историографии, заставляет включиться в обсуждение более широкого круга проблем историографии экономической науки, используемых ею подходов. Фактически — осуществить ревизию методологических концепций, имеющих в распоряжении современного историка экономической науки, как тех, что сложились в марксистский период ее бытования, так и тех, что осваивались отечественным историко-научным сообществом в постсоветский период, будучи заимствованы из арсенала западной историографии экономической науки.

Ревизия историографических подходов к изучению прошлого экономической науки с целью выбора среди них наиболее релевантных поставленной цели расширения перспектив экономической историографии в ее движении к дисциплинарной истории, сопровождается в исследовании переоценкой традиционных, конвенциональных форм представления прошлого экономического знания. Отвер-

гая господствующую в историографии установку на построение непрерывности, преемственности в развитии идей, достигаемой во многом благодаря «возвратному» движению, реконструирующему прошлое науки с помощью существующих теоретических взглядов, историко-научные исследования нового типа настаивают на расширении перспектив исторической реконструкции, на дисконтинуальных представлениях об историческом развитии.

Как результат, на повестку дня встает вопрос об оптимальной единице историографического анализа науки (объекте анализа), на уровне которой более отчетливо могут быть выявлены уже не только интеллектуальные/когнитивные, но и социальные/институциональные аспекты научной деятельности. В свою очередь, выбор такой структурной единицы науки делает актуальной проблему выбора предпочтительного метода (методов), который можно применить для ее, а, следовательно, и науки в целом, исторического изучения. Обсуждение перечисленных проблем применительно к экономической историографии, решение которых одновременно может способствовать развитию методов и стандартов историцистского подхода в историографии экономической науки, завершает предпринятое автором исследование.

Глава 1

ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И УРОКИ РАЗВИТИЯ

Не является ли история историографии отчасти историей анахронизмов, порожденных идеями, скроенными *a priori*?

П. Вейн

Приступая к характеристике предметной области исследования и подходов к ее познанию, прежде всего укажем на сложившиеся к настоящему времени институциональные различия в ее изучении. С одной стороны, прошлое историко-экономического знания как субдисциплинарная историография выступает неотъемлемой частью исторической науки. С другой — «экономическая историография» («историко-экономическая историография», «историография экономической истории») является самостоятельным исследовательским направлением в экономической истории⁴ как отрасли науки экономической.

При этом следует учесть, что термин «историография» используется сегодня не только в его «узком» значении как знания о развитии исторического знания, науки, либо даже истории изучения какой-либо проблемы, но и как синоним терминов «история» (историческое знание) или «историческая дисциплина». Это заставляет исследова-

⁴ Здесь и далее (за исключением цитируемых работ других авторов) мы будем пользоваться данным названием дисциплины, хотя наукой и образованием используются как синонимичные и другие, явно несущие различную смысловую нагрузку — «история экономики», «история хозяйства», «историческая экономика», «история экономического развития» и др., что может служить ярким свидетельством раздробленности историко-экономического знания на относительно самостоятельные части или даже существования нескольких самостоятельных дисциплин, к вопросу о которой мы обратимся по ходу изложения.

телей прошлого последних прибегать для обозначения предметной области своего исследования к использованию конструкции «история (экономической) историографии», вносящей дополнительную терминологическую путаницу в изложение. Поскольку же словом «экономика» обозначается как объект, так и знание об этом объекте, понятие «экономическая историография» зачастую используется и историками экономической мысли для обозначения своей предметной области, т.е. истории экономического знания, науки (в дальнейшем изложении мы будем использовать для этой цели понятие «историография экономической науки»). И, думается, не случайно «экономическая историография» в принятом в нашем исследовании «узком» значении этого словосочетания в паспорте научных специальностей ВАК занимает пограничное положение между экономической историей и историей экономической мысли как исследовательскими областями экономической науки⁵.

В работах как историков, так и экономистов в качестве автора, впервые пустившего в научный оборот понятие «экономическая историография», называется Е.В. Тарле. Такой, едва ли не единодушный, выбор объясняется, на наш взгляд, лишь тем, что и в названии — «Чем объясняется современный интерес к экономической истории» — и в содержании статьи, где оно впервые было использовано (Тарле, 1903, стб. 741), присутствует элемент рефлексии относительно историографирования экономической истории. Историк определяет границу между причинами, обусловившими общественный («в широких слоях читающего общества») и научный («среди людей науки») интерес к экономической истории, фактически как границу между

⁵ Действовавший в течение десяти лет (с 2000 г.) Государственный стандарт высшего профессионального образования по направлению «Экономика» магистерской подготовки в рамках программы «Экономическая история и история экономической мысли» и вовсе присваивал «историко-экономической историографии» статус специальной научной и образовательной дисциплины. Отличая ее при этом от таких специальных дисциплин как «историография экономической мысли» и «экономическая история в классической русской историографии».

«внешней» и «внутренней» историей науки, рассматривает отклонение историографического процесса в направлении изучения экономической стороны истории как порождение социального контекста эпохи и т.д.

Между тем, используемое Е.В. Тарле выражение «произведения экономической историографии» совпадает по смыслу со словосочетанием «экономическое направление в историографии», десятилетием ранее употреблявшимся в широко известных статьях Н.И. Кареева, посвященных «экономическому материализму в истории» (*Кареев, 1894, с. 10*). В том и другом случае речь фактически идет об исторических сочинениях, посвященных экономической стороне исторического процесса, и выяснению причин роста совокупной массы подобных трудов, то есть словосочетание «экономическая историография» используется в «широком» его значении как «специального» направления в исторической науке — экономической истории⁶.

Отечественная историческая наука обратилась к обсуждению проблем экономической историографии в «узком» смысле как направления науки, занятого изучением процесса развития историко-экономического знания (науки), только в середине XX столетия. Это является лишним свидетельством того, что сами историко-экономические исследования находились в нашей стране на крайне низком уровне. Явно недостаточном для того, чтобы рефлексия по поводу историографирования этого процесса могла выделиться в самостоятельное исследовательское направление исторической или экономической науки.

Зачинателем этого исследовательского направления в стране стал В.К. Яцунский, хотя сам ученый и не рассматривал занятия экономической историографией в качестве самостоятельного направления научных поис-

⁶ Добавим, что Н.И. Кареев был в праве использовать его и для обозначения истории экономической науки, поскольку включал «в область экономической истории» также и экономические идеи и теории, изучаемые «не только со стороны их филиации, но и в их отношениях к породившей их экономической действительности» (*Кареев, 1893/1890, с. 256*).

ков, называя их частью «работы по выяснению основных линий развития историографии Запада» (*АРАН, д. 120, л. 34*). Однако с учетом материалов, отложившихся в личном архивном фонде, его с полным правом можно назвать первопроходцем, автором первых фундаментальных исследований по истории историко-экономической науки. Немногочисленные публикации ученого в этой области демонстрируют отличное от сложившегося к тому времени в отечественной историографии видение экономической истории как науки, особенностей зарождения этой отрасли знания.

В октябре 1946 г. на заседании историографической комиссии Института истории АН СССР В.К. Яцунский выступил с докладом «Возникновение экономической историографии», в котором признал наличие значительной диспропорции между развитием мировой историко-экономической науки и степенью ее изученности, при этом уточнив, что «по историографии экономической в нашей советской литературе мы не знаем ничего» (*АРАН, д. 120, л. 33*).

Обсуждение доклада (в котором приняли участие В.П. Волгин, Н.М. Дружинин, В.М. Лавровский, А.В. Ефимов и др.) показало, что на пути такого изучения немало «подводных камней». И первый, о который «споткнулись» едва ли не все участники дискуссии — это уже упоминавшаяся дихотомия понятия «экономическая историография», под которой присутствующие понимали и собственно историко-экономическое знание как совокупность научных трудов о хозяйстве какого-либо периода, и работы по истории зарождения и последующего развития самой науки — хозяйственной истории.

Двойственность эта присутствовала уже в заглавном докладе. В.К. Яцунский «экономической историографией... назвал тот отдел изучения, который интересуется изучением истории хозяйства» (*АРАН, д. 120, л. 93*), т.е. «ветвь» или отрасль исторического знания. При этом, однако, оговаривая, что «когда мы изучаем историографию, то мы должны показать две стороны этой проблемы: т.е. как изучалось хозяйственное прошлое, и как развивалась эта идея

о роли этого хозяйства в прошлом...» (*АРАН*, д. 120, л. 94), фактически признавая право на существование экономической историографии как истории исторического знания.

Возникновение экономической историографии ученый связывал с появлением специальных сочинений или, по крайней мере, глав специального экономического содержания в общих работах в достаточном количестве (*АРАН*, д. 120, л. 35). Предпринятый им анализ таких сочинений позволил сформулировать два положения. Во-первых, экономическая историография, т.е. экономическая история как отрасль исторической науки, занятая изучением хозяйственного прошлого, стала складываться в основных своих чертах в XVIII столетии. Во-вторых, формирование ее происходило вне рамок исторической науки (в его терминологии — «общей историографии»).

Творцами науки были экономисты в широком смысле этого слова, не столько «теоретики», сколько авторы, писавшие по вопросам экономической политики и статистики. И это, считал ученый, было характерно для всех отраслевых историографий (истории права, литературы, искусства и т.д.), свои первые шаги делавших на страницах работ юристов, литературоведов, искусствоведов (*АРАН*, д. 120, л. 67)⁷. Позднее В.К. Яцунский усилил этот свой вывод: экономическая история не только формируется за пределами общей историографии, но и развивается параллельно ей, расширяя проблематику исследований отнюдь

⁷ Параллель, проводимая В.К. Яцунским, может показаться некорректной. Тем более что изучение истории литературы, искусства и права и по сей день осуществляется преимущественно литературоведами, искусствоведами и юристами, тогда как познание прошлого экономики стало вотчиной историков. Причину этого усматривают в том, что «специализация “по времени” возникает в рамках научного знания о социальной реальности. Другие виды знания — философия, мораль, искусство, идеология и т.д. — хотя и конструируют не только нынешнюю, но и прошлую и будущую социальную реальность, но в основном делают это с помощью вневременных, атемпоральных категорий» (*Савельева, Полетаев, 2003, с. 239*). Сей факт, однако, не подрывает доверия к выводу историографа о возникновении историко-экономического знания за пределами исторической науки.

не благодаря историкам (АРАН, д. 127, л. 49, 54). Ученый крайне скептически оценил и успехи экономической историографии в деле «внедрения» в общую историографию, как в прошлом, так и в «наши дни» (АРАН, д. 120, л. 66).

Нет ничего удивительного поэтому в том, что по ходу возникшей дискуссии сразу же был поднят вопрос об уместности использования самого термина «экономическая историография» в историко-научном контексте. По мнению одних ее участников, утверждение В.К. Яценского о генезисе экономической истории за пределами исторической науки автоматически выводило обсуждаемые вопросы за пределы проблемного поля историографии как истории исторической науки. Для корректной постановки проблем зарождения экономической истории как науки в «порядке историографического исследования» их надлежало формулировать «уже, конкретнее и определеннее» (АРАН, д. 120, л. 76–77).

Другие, напротив, настаивали на необходимости расширения рамок анализа, перехода от изучения «истории книг» к исследованию «истории идей». Проблемы экономической историографии надлежало рассматривать в кругу истории развития экономических наук, занимаясь поиском проблесков теоретической обобщающей мысли, концепций, прослеживать связь отдельных, частных исследований в области экономической истории с общим развитием экономической науки, с изменениями ее теоретических и методологических оснований (АРАН, д. 120, л. 80).

Компромиссом выглядела (и, заметим, была реализована в историографической практике) позиция третьих, усмотревших основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом, начиная от «экономического направления» буржуазной исторической науки, вульгарного материализма, и завершая «научным решением проблемы» классиками марксизма-ленинизма (АРАН, д. 120, л. 85–88).

Дискуссия в ходе обсуждения доклада продемонстрировала очевидные колебания представителей исторического

цеха в деле включения «экономической историографии» или «истории научной дисциплины, посвященной истории экономических отношений» в круг проблем исторической науки. Колебания, объясняемые нежеланием историков нарушать «конвенцию», вторгаясь в «епархию» экономистов, в изучение истории экономических идей. Сопровождавшийся регулярными «реверансами» в адрес «теоретической экономической мысли» и «методологических и теоретических оснований экономической науки», в союзе с которыми должно идти изучение прошлого экономической истории, вывод прозвучал в выступлении Н.М. Дружинина: «Конечно, в известной мере, это, все-таки, история» (АРАН, д. 120, л. 89).

Если доклад на заседании историографической комиссии был сделан В.К. Яцунским преимущественно на материалах западной историографии, то впоследствии вектор историко-научных интересов ученого переместился к достижениям в области экономической истории отечественных исследователей. В подготавливаемой в начале 1950-х гг. для «Исторических записок» статье «Возникновение экономической историографии в России», В.К. Яцунский охарактеризовал экономическую историографию как малоизученный участок истории отечественной науки: «Историки исторической науки, сосредоточив свое внимание на отдельных историках и на ведущих течениях исторической мысли в России, вообще уделяли мало внимания историческому рассмотрению проблематики исторических исследований и в частности изучением истории экономической историографии совсем не занимались» (АРАН, д. 120, л. 106).

В.К. Яцунский не просто констатировал факт отсутствия специальных работ по истории экономической историографии России, написанных историками, но подверг критике общие историографические работы, авторы которых стали заложниками схемы — «направлений» и «течений» развития исторической науки, «встраивая» или «вычлняя» из нее целые отрасли исторического знания. Объектом критики ученого стала «Русская историогра-

фия» Н.Л. Рубинштейна, в которой зарождение экономической историографии неоправданно отнесено к 60–80-м гг. XIX в., а, главное, — представлено как процесс выделения экономической истории в качестве специальной исторической дисциплины из недр «общей историографии» (АРАН, д. 120, л. 106)⁸.

Рецензенты дали по существу отрицательные отзывы на эту статью (которая, очевидно, по этой причине так и не была опубликована). Они подвергли, думается, справедливой критике «обзорно-библиографический» способ подачи автором материала. Однако совершенно безосновательно упрекали его за отсутствие попыток «вскрыть различные направления ... литературы и борьбу этих направлений», «наметить различные течения, классовый подход к изучению экономических явлений» (АРАН, д. 665, л. 1, 3), встроить в уже привычные схемы, т.е. как раз за то, от чего пытался отказаться историограф в своем анализе историко-экономических работ.

В известной мере В.К. Яцунскому удалось реализовать задуманное в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», для которого ученый написал параграф «Изучение экономической истории» (Яцунский, 1955а). Историк повторил основной вывод своего доклада на заседании историографической комиссии о возникновении

⁸ «В этом расчленении исторической науки (на историю экономики, историю права, историю культуры. — Д. М.) были определенные условия для роста специальных знаний, для совершенствования научной техники, и в этом смысле, — отмечал в своей работе Н.Л. Рубинштейн, — историческая наука делает безусловно крупные успехи в своем развитии» (Рубинштейн, 1941, с. 349). Примечательно, что Н.Л. Рубинштейн возводит выделение экономической истории в русской историографии к «известной попытке раскрыть материалистический фактор в самом историческом процессе» силами представителей «исторической школы» в политической экономии, стоявшей у истоков экономической истории как самостоятельной отрасли исторической науки (!). И, как следствие, наряду с творцами экономической истории в нашей стране — историками, упоминает и экономистов — народников, вынося в специальный раздел своей работы «экономическую историю в народнической историографии».

экономической историографии вне рамок общей историографии, подчеркнув, что это не было «специфически русским явлением». «Авторы большинства историко-экономических работ не были историками. Они были экономистами или администраторами, в большинстве случаев связанными по своей практической работе на государственной службе с правительственной политикой по отношению к той или иной отрасли народного хозяйства. Нередко прошлое данной отрасли народного хозяйства их интересовало в непосредственной связи с мероприятиями текущей экономической политики» (*Яцунский, 1955а, с. 595*).

Давая характеристику отечественной историко-экономической литературе конца XVIII–начала XIX вв., указывая на привлекаемые авторами работ для целей анализа источники, он группирует исследования по их проблематике: история промышленности, торговли, сельского хозяйства, денежного обращения и государственных финансов. Однако не столько следуя за «отраслевым характером» историко-экономической литературы этого периода, сколько стремясь перенести акценты историографического анализа с изучения «отдельных историков» и «ведущих течений исторической мысли» на «историческое рассмотрение проблематики исторических исследований» (*АРАН, д. 120, л. 105*)⁹. Очерчивая тем самым контуры предметной области экономической историографии, вырабатывающей собственные классификаторские подходы к историографическому материалу, пытаясь нащупать наиболее репрезентативную единицу анализа.

⁹ Современные историки исторической науки полагают, что появление «Очерков...» ознаменовало собой переход к «отраслевому принципу проблемной историографии» (*Корзун, Колеватов, 2006, с. 224*). «Потеря» в процессе этого перехода, как это будет показано нами ниже, «экономической историографии», заставляет усомниться как в его (перехода) последовательности, так и в уместности именовать предшествующее состояние историографии «концептуальным осмыслением истории исторической науки». За «очерковым» же построением исследования мог скрываться не один только «социальный заказ» на «разрыв» преемственности в развитии отечественной исторической науки, но и методологические проблемы историографии как науки.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что рассматриваемый параграф завершал главу, посвященную источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. «Узкий» и «конкретный» взгляд на экономическую историографию фактически вынес экономическую историю на периферию исторической науки, поставил ее в один ряд с дисциплинами, изучающими отдельные исторические процессы и явления и поставляющими результаты своих исследований исторической науке для нужд более широких обобщений.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ высказывание самого Яцунского о месте исторической географии в системе исторического знания, можно сказать, что экономическая история, даже превратившись в самостоятельную отрасль исторической науки, не теряет своего значения в качестве вспомогательной (специальной) исторической дисциплины (*Яцунский, 1955б, с. 11*). Такой парафраз оправдан тем, что он сам в работе, посвященной истории возникновения и развития науки исторической географии, проводит параллель с возникновением и развитием экономической истории, привлекая с ее помощью внимание к малоизученному наукой феномену расширения содержания исторического знания, что «было делом рук не историков, а представителей соответствующих специальностей» (*Яцунский, 1955б, с. 314*).

Подобная «периферийность», однако, могла бы способствовать самоопределению этой отрасли знания, обретению ею предмета, собственных методов и содержания, а также активному привлечению для целей исторических исследований достижений экономической науки. Историк неоднократно настаивал на необходимости получения историками специальных экономических знаний, которые позволили бы разобраться в специфических областях исторической информации, демонстрировал открывающиеся на этом пути возможности на примере творчества ведущих экономистов-историков, которые благодаря специальным знаниям сумели «прочитать» в источниках то, что ускользало от историков, ратовал за включение экономической

истории в учебные программы исторических факультетов в качестве специального курса¹⁰.

Последующие тома «Очерков истории исторической науки в СССР», однако, вовсе не содержали параграфов, посвященных экономической историографии. Однако не в силу изменившегося к ней отношения. В книгах, освещающих ход развития исторической науки в XIX и XX вв., в период зарождения и торжества марксистской историографии, было бы непростительной оплошностью отвести экономической истории место на периферии историографического процесса. Восторжествовала точка зрения тех, кто усматривал основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом, а точнее одного — марксистско-ленинского. Тем более что авторский коллектив этих томов возглавила М.В. Нечкина — яркий ее апологет, считавшая главной задачей исторической науки анализ влияния экономики на политику, право, идеологию, и еще в ранних своих историографических трудах выносившая экономическую историю за пределы исторической науки.

¹⁰ Заметим, что еще свою кандидатскую работу (1915) В.К. Яцунский посвятил «Вопросу о происхождении русской крестьянской общины в исторической литературе», т.е. фактически частному вопросу экономической историографии (*АРАН, д. 115, 116*). Солидаризируясь с точкой зрения экономиста-историка А.А. Кауфмана и опираясь на его публикации, он выходит за пределы «данного частного случая» формулируя «очень жгучий методологический вопрос» историко-экономической науки — «насколько возможно вообще научное исследование экономических и социальных отношений прошлого» (*АРАН, д. 117, л. 125*). В период же своих активных занятий проблемами экономической историографией, в лекциях по историографии истории СССР, прочитанных на историческом факультете МГУ, ученый ставил в пример будущим историкам «буржуазного экономиста А.А. Кауфмана», достигшего больших успехов в изучении писцовых книг, к которым тот подошел «как специалист по экономике земледелия. Он сумел в этих писцовых книгах увидеть то, чего не увидели историки. ... Каким образом он мог это сделать — потому что он знал земледелие хорошо, а историки, изучавшие писцовые книги, не сумели этого прочесть. Буржуазный экономист Кауфман с этой точки зрения подошел к писцовым книгам, а мы подойти не удосужились» (*АРАН, д. 127, л. 42*).

В.К. Яцунский, характеризуя состояние отечественной экономической историографии, отметил крайне недостаточное внимание к ней со стороны экономистов: «Историки русской экономической мысли интересовались развитием в России экономической теории и оставляли совершенно вне поля зрения развитие историко-экономических исследований» (АРАН, д. 127, л. 106). Справедливость этого замечания подтвердили увидевшие свет практически одновременно с «Очерками истории исторической науки...» первые книги фундаментальной «Истории русской экономической мысли», на страницах которой не нашло отражение развитие историко-экономических исследований.

Лишь конец 1950–начало 1960-х гг. были отмечены обращением к проблемам экономической историографии экономистов. Появляются статьи С.И. Крандиевского (Крандиевский, 1959; Крандиевский, 1960; Крандиевский, 1962)¹¹, а затем и его монография «Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.)» (Крандиевский, 1964).

На фоне поисков «коренного различия» между буржуазной и марксистско-ленинской экономической историей С.И. Крандиевский касается многих важных проблем, как самой науки, так и подходов к изучению ее прошлого. В книге, а также в своей более поздней статье, уже прямо озаглавленной «Проблемы экономической историографии» (Крандиевский, 1972), он, не отрицая факта формирования экономической истории как отрасли исторического знания, последовательно отстаивает мысль об экономической истории как самостоятельной экономической науке. «И в недалеком прошлом, и в наши дни экономическая история — не только отрасль, но и самостоятельная наука, имеющая свой предмет и специфическое содержание» (Крандиевский, 1972, с. 61).

¹¹ Также как и в случае с В.К. Яцунским отметим факт пробуждения интереса к проблемам экономической историографии у С.И. Крандиевского в процессе занятий частным ее вопросом — экономической историей отдельного предприятия (Крандиевский, 1932; Крандиевский, 1933).

Под экономической историографией ученый понимал субдисциплину экономической истории — «самую историю этой науки, начиная с первых работ, посвященных этим вопросам и кончая современным ее состоянием» (*Крандиевский, 1966, с. 5*), особо подчеркивая связь ее не только с борьбой различных школ и направлений в исторической науке, но и с развитием науки экономической, политической экономии. Истории политической экономии надлежало стать образцом для подражания и не только в смысле заимствования используемых ею историографических схем (домарксовский период, зарождение и развитие марксистско-ленинского учения, критический анализ буржуазных теории эпохи империализма и общего кризиса капитализма), но и в смысле нацеленности на изучение исключительно истории мысли. «Историография экономической истории, т.е. собственная история этой науки, ... связана с зарождением и эволюцией историко-экономической мысли» (*Крандиевский, 1972, с. 63*).

Впрочем, применительно к структуре, да и содержанию монографии можно с полным основанием говорить об унификации (в смысле установления единого образца и устранения разнообразия) поля историко-научного знания. Причем унификации на основе историографических принципов исторической науки, на что недвусмысленно указывает введенное им в оборот понятие «экономическая историография», нивелирующее различия между «историко-экономическим направлением в историографии» и «историко-экономическим направлением в экономической мысли». Не случайно перечисление круга вопросов, которые должны решаться в историко-научном исследовании (характеристика главнейших школ науки и ее направлений; установление связи изменений в развитии науки с переменами в социально-экономической и идейной жизни общества, с характером классовой борьбы; критическая оценка научной продукции, т.е. демонстрация классовой сущности исторических концепций, используемых ее авторами и т.д.) венчает вывод автора о само собой разумеющейся необходимости отнесения требований, предъявляемых к

общей историографии, и к историографии экономической (Крандиевский, 1964, с. 4).

Работа в известном смысле учла претензии, прозвучавшие ранее в адрес работ В.К. Яцунского как сторонника тематической (отраслевой) историографии, или историографии проблемы. Загоняя материал в «прокрустово ложе» традиционных классификационных подходов, автор проследил возникновение и развитие историко-экономической литературы в докапиталистический период, в период победы и утверждения капитализма, особо выделив главу, посвященную экономической истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в период домонополистического капитализма, последовательно реализовал классовый подход к изучению прошлого историко-экономической науки.

Любопытен пассаж из единственной рецензии, появившейся в печати после выхода книги в свет. Рецензент увидел главное достоинство монографии в том, что она «поможет как советскому, так и зарубежному читателю найти необходимую историко-экономическую литературу» (Бахтмадзе, 1966, с. 129)¹². Уместная более в рецензии на библиографическое пособие оценка указывала на болевую точку большинства подобных работ, содержащих преимущественно библиографическую, нежели историографическую информацию. Впрочем, автор и сам ставил перед собой задачу дать «обзор главнейших историко-экономических работ», не загромождая работу излишними деталями и подробностями, за которыми «трудно было бы уловить основные тенденции и закономерности в развитии историко-экономической науки», лишило бы работу «четкой прямолинейности и целеустремленности» (Крандиевский, 1964, с. 5)¹³.

¹² Мы оставляем за скобками во многом справедливую критику, прозвучавшую в адрес авторского видения предмета экономической истории, который определялся как «история производства во всем его конкретном многообразии на различных этапах истории народа».

¹³ Обратим внимание на «очерковое построение» и этого историографического исследования, которое автор объяснил как недоступностью многих историографических источников, так и обилием историографического, а фактически — библиографического, материала.

Примечательно при этом, что исследователь усматривал порочность подходов к изучению истории науки, используемых буржуазными историками-экономистами, не только в игнорировании ими «марксистского метода материалистической диалектики», но и в стремлении ограничить свои сочинения именно библиографическим обзором, перечнем историко-экономических произведений. Задача же историографического изучения, на его взгляд, — «систематизировать эту литературу по принципу принадлежности авторов к определенным школам и направлениям» (*Крандиевский, 1964, с. 14*), а фактически — «встроить» такой библиографический обзор в априорно выработанную схему марксистско-ленинской историографии.

Схема же эта в случае с экономической историей практически не оставляла исследователю выбора, навязывая экономический редукционизм официального марксизма и кумулятивный путь развития научной рациональности. Основная проблема экономической историографии виделась исключительно в изучении «научного», т.е. марксистско-ленинского подхода к экономическому обоснованию исторического процесса, и критике буржуазного «экономизма». «Характерные черты этого “экономизма” — выхолащивание революционной сущности марксизма, игнорирование классовой борьбы и роли народных масс в истории, взгляд на экономику как обычный составной элемент общественной жизни наряду с такими равноправными элементами, как право, религия, государство, общественная идеология и т.д.» (*Крандиевский, 1964, с. 255*).

Рассматривая историко-экономические работы отечественных буржуазных историков и экономистов, С.И. Крандиевский дополняет и подчиняет отнесение их к либерально-буржуазному, народническому, легально-марксистскому и др. направлениям, «личностным» историографическим подходом — акцентируя внимание на исследованиях наиболее репрезентативных их представителей. Все прочие классифицируются им в соответствии с проблематикой их работ: история промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансов и т.д.

Предметная область экономической историографии не обретает в результате сколько-нибудь четких очертаний: единицами историографического анализа выступают не только школы (направления, течения) исторической и экономической мысли, индивидуальные фигуры и проблемы, но и теории исторического развития, вопросы философии истории, устанавливающей, в том числе, движущие силы исторического процесса. Что ведет к расширительной трактовке проблем экономической историографии, привлечению к анализу дополнительного историографического материала, неминуемо отражается на его результатах.

Исходная посылка о «стыковом», междисциплинарном характере науки, выделившей в самостоятельную область экономического знания из родственных дисциплин — общей истории и политической экономии, несущей на себе их родовые черты и философско-методологические основания, мало что оставляет от заявленного автором намерения рассматривать вопросы экономической историографии в кругу проблем экономической науки. Историограф не только не проводит, но и не оговаривает возможных различий в подходах историков и экономистов к познанию прошлого экономики, объединяя последних в общую группу «представителей экономической истории». Впрочем, и предпринимаемые им обзоры собственно экономической литературы, позволяют говорить в лучшем случае лишь об активизации историко-экономических исследований, росте числа соответствующих публикаций, но отнюдь не о свершившемся факте «выделения истории народного хозяйства в самостоятельную экономическую дисциплину» и начавшемся процессе ее специализации (*Крандиевский, 1964, с. 297*)¹⁴.

Оживление интереса со стороны экономистов к проблемам экономической истории как науки, содержательно-

¹⁴ Показательно, что даже применительно к «прогрессивной» марксистско-ленинской экономической истории историограф оказался, фактически, бессилён в определении предмета этой науки, проведении границ с политической экономией, размежевании их исследовательских сфер, в ответе на вопросы кто должен заниматься изучением экономической истории: историки или экономисты, является ли наука эмпирической или теоретической и др. (см.: *Крандиевский, 1974*).

предметных ее оснований (Авдаков, 1958; Шемякин, 1965; Голубничий, 1965), появление учебников и учебных пособий по дисциплине в 1960-е гг., не сопровождалось, однако, историко-научными разысканиями. «Мы еще не создали историографических трудов по экономической истории... В историко-экономических пособиях обычно нет историографических экскурсов. Мы не созываем научных конференций..., где могли бы заслушиваться и полемические доклады историографического характера», — вынужден констатировать участник совещания по проблемам экономической истории 1965 г. (Полянский, 1965, с. 61–62).

Впрочем, обращение к прошлому своей науки рассматривалось вовсе не как фактор ее развития; с отсутствием историографических работ связывалось исключительно только ослабление критики все того же буржуазного «экономизма». Именно такой «разоблачительный» характер носили редкие историографические экскурсии в учебных изданиях, помещавшиеся в разделах «История народного хозяйства — классовая, партийная наука» или «Критика реакционной сущности основных направлений буржуазной историко-экономической науки» (Чунтулов, 1959, с. 9–16; *Экономическая история капиталистических стран*, 1973, с. 14–22)¹⁵. Именно с этих позиций приходится воспринимать и небезынтересную в целом попытку

¹⁵ О том, что остается за вычетом идеологической составляющей подобных историографических экскурсов позволяет судить сравнение текстов учебных изданий, появившихся из-под пера одного автора с интервалом в четверть столетия. Одно из первых пособий по истории экономики, увидевших свет в постсоветский период, менее чем на одной странице текста информировало читателя о возникновении науки истории экономики в недрах политической экономии еще в XVIII в.; появлении в первой половине XIX в. трудов уже специально посвященных истории хозяйства; создании на рубеже XIX–XX вв. первых кафедр истории хозяйства в европейских университетах; возникновении в первой трети XX в. специальных историко-экономических периодических изданий; и, наконец, как о вершине процесса институционализации науки, создании международной ассоциации историков-экономистов в 1960 г. (Лойберг, 1997, с. 3). То есть о том же, о чем автор сообщал на восьми страницах двадцатью пятью годами ранее, но в обрамлении соответствующей идеологической риторики (*Экономическая история капиталистических стран*, 1973, с. 14–22).

ку взглянуть на историю науки как историю создаваемых и развиваемых ею понятий, сведшуюся, в конечном итоге, к выводу о приоритете К. Маркса в выработке и введении в научный оборот термина «экономическая история», далеко не однозначного терминам, утвердившимся в буржуазной историко-экономической науке (*Романов, 1972*)¹⁶.

В последующие годы экономисты, во-первых, продолжали отстаивать обусловленные наличием специфики анализа экономической литературы права экономистов заниматься историей своей науки, и, во-вторых, расширяли плацдарм исследований, включая в их орбиту новые периоды развития науки, новые имена и историко-экономические сочинения. О возникновении новой отрасли уже не только в целом экономического, но непосредственно историко-экономического знания — историографии экономической истории, занятой изучением истории экономической истории, писал, например, Р.М. Гусейнов, анализируя экономическую литературу по истории советского хозяйства 1917–1937 гг. (*Гусейнов, 1977а; Гусейнов, 1977б; Гусейнов, 1990*)¹⁷.

В последнее десятилетие минувшего столетия главы, посвященные развитию историко-экономических исследований, были включены в состав фундаментальной «Всемирной истории экономической мысли». И первая же из них, подготовленная для этого издания, М.М. Солодкиной, в известной мере порывала с традицией подменять историографический анализ обзором историко-экономической литературы, призванным охарактеризовать состояние науки соответствующего периода или продемонстрировать степень разработанности какой-либо проблемы. В тексте мы находим указания на «внешние» и «внутренние»

¹⁶ При всей их идеологической нагруженности выводы автора уже серьезно отличались от немногим более чем десятилетней давности заключения о другом приоритете — России как «родине истории народного хозяйства как самостоятельной отрасли научного знания» (*Авдаков, 1958, с. 157*).

¹⁷ Справедливости ради заметим, что первым историографическое исследование этого периода предпринял С.И. Крандиевский (см.: *Крандиевский, 1957*).

факторы развития науки, формирование национальных школ, процессы институционализации, развитие представлений о предмете науки и ее категориальном аппарате, оценку роли и функций дисциплины в системе экономических наук, наиболее актуальные научные проблемы, решаемые ею, т.е. все элементы «дисциплинарной» историографии — истории экономической истории как науки (Солодкина, 1989а).

Такое исключение, лишь подтверждающее правило, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, особенностью научно-биографической траектории исследователя — занятиями автора теоретико-методологическими проблемами этой науки, поиском причин кризисного ее состояния на исходе советской эпохи (Солодкина, 1989б). Во-вторых, обращением к периоду «строительства» новой дисциплины, а не ее «предыстории» или периоду «нормального» состояния. И, наконец, в-третьих, что более важно, преимущественным вниманием к истории зарубежной историко-экономической науки, которая, хотя и не была безоблачной, демонстрирует, тем не менее, логику процесса оформления экономической истории в самостоятельную отрасль экономического знания.

К сожалению, почин М.М. Солодкиной не был поддержан, и аналогичные главы в последующих томах издания демонстрируют все тот же традиционный историографический подход «обзорно-библиографического» движения вспять по научным результатам, в основу которого положена группировка материала в соответствии с историческими периодами (античность, средневековье, новое и новейшее время и т.д.) (Дроздов, 1990). В силу чего в орбиту исследования попали преимущественно работы историков. Впрочем, даже последующий отказ от включения таковых в обзор мало повлиял на способ анализа историографического материала или хотя бы его подачи. На смену марксистской историографической схеме пришла группировка работ в соответствии с марксистской же периодизацией экономической истории. Лишь мимоходом перечисляются основные центры, занятые разработкой историко-

экономической проблематики, называются специальные историко-экономические издания, выход которых в свет способствовал активизации научных исследований. Крайне бегло, автор касается вопросов теории и методологии историко-экономических исследований — предмета науки, используемых ею методов и подходов, проблемы периодизации (*Дроздов, 1997*). Такой подход во многом обусловлен трактовкой автором этих глав историографии как «литературы вопроса» и «истории исторических знаний» в области экономической истории, в силу чего основными задачами исследования становятся выявление литературных источников, а также определение круга проблем, в них рассматриваемых, т.е. проблемная историография (*Дроздов, 1998а; Дроздов, 1998б; Дроздов, 1998в*)¹⁸.

Начало нового тысячелетия в развитии отечественной экономической историографии примечательно лишь фактом ее деидеологизации. Отмена идеологической цензуры и исчезновение прежних «фигур умолчания» хотя и расширили горизонты историографических исследований, не сопровождалась обращением к новой историко-научной методологии.

Наглядным примером тому может служить попытка историографической идентификации целого историко-экономического направления, предпринятая историками как исторической, так и экономической науки. Однако, если историки рассматривают так называемое «новое направление» в контексте развития исторической науки в пост-сталинский период, с точки зрения небезынтесных поисков «на гранях» марксистской исторической парадигмы (или напротив, разыскания новых цитат в марксистско-ле-

¹⁸ Мы оставляем за рамками нашего исследования значительный пласт исследований, созданных историками в жанре проблемной историографии, посвящены ли они «синтезу результатов конкретно-исторических изысканий» по проблеме формирования социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, «выявлению и формулированию системы представлений» по социально-экономической истории империалистической России (*Тарновский, 1964*), или «исследованию процесса развития представлений» о различных аспектах экономической истории России того или иного периода (*Ланской, 2010*).

нинском наследии, призванных лишь «внешне» обновить науку), то историки экономической науки вновь «встраивают» направление в не столько лишенную, сколько поменявшую идеологическую окраску схему истории экономической мысли. «Новое экономическое направление» идентифицируется ими как часть экономической науки, своеобразное «подполье» экономической теории тех лет, а профессиональные историки, входившие в него, объявляются «школой российского институционализма» (*Погребинская, 2000; Погребинская, 2001*). При этом полностью игнорируется, если не логика развития экономической истории как самостоятельной научной дисциплины, то уж во всяком случае, движение эмпирических исследований представителей данного направления.

Примечателен и механизм такой идентификации — модернизация прошлого науки, в частности, придание устаревшему, а иногда и эзопову, языку сочинений тех лет современного «институционального» звучания. По мнению таких историков науки, для обозначения большинства понятий, используемых представителями «нового направления», просто «напрашивается использование термина “институт” в современном его понимании». Переосмыслить прошлое науки в терминах сегодняшнего дня тем более актуально, считают они, что сделать последний шаг на пути выработки адекватной методологии и соответствующего категориального аппарата самой «школе российского институционализма» помешало «жесткое массовое противодействие апологетов классовой борьбы» (*Фролов, 2002*)¹⁹.

Приверженность традиционной историографии с достаточно жестко заданными границами познания предметной области историко-экономической науки, демонстрируют и

¹⁹ Нельзя не согласиться с выводом о наступившей в отечественной истории экономической мысли «моде» на институционализм: «подобно тому, как в советские годы у всех заметных представителей науки искали проблески марксизма, теперь ищутся следы институционализма, не говоря уже о традиционном стремлении показать, что в России он давно существовал» (*Макашева, 2007, с. 423*).

немногочисленные работы, посвященные видным ее представителям, т.е. созданные в жанре «биоисториографии»²⁰. История мысли с характерными для нее схемами-классификациями, дискредитировавшими себя, всего лишь уходит на второй план, уступая авансцену «биографии мысли». Задача выявления из текстов источников объективных сведений о зарождении и последующем развитии авторских подходов и принципов исследования прошлого экономики, используемых методов и т.д. чаще всего декларируется. На деле их авторы остаются заложниками сложившихся историографических схем, исходят из принадлежности историка-экономиста к той или иной школе или направлению экономической науки.

Автор исследования о Б.Д. Бруцкусе как историке народного хозяйства России Н.Л. Рогалина, заявляя в предисловии к книге об отсутствии различий в объектах изучения «истории мысли» и «истории хозяйства», рассматривает исследовательские методы своего героя сквозь призму его принадлежности к либеральному направлению экономической мысли, акцентируя внимание не столько даже на экономико-теоретических, сколько на мировоззренческих установках последнего (*Рогалина, 1998; Рогалина, 2001*)²¹. С.М. Виноградов — автор работ о И.М. Кулишере (*Виноградов, 2002; Виноградов, 2002а; Виноградов, 2003*), И.И. Иванюкове (*Виноградов, 2007а; Виноградов, 2007б*), М.М. Ковалевском (*Виноградов, 2007в*) — напрямую увязывает «историко-экономические воззрения» своих героев с принадлежностью к «исторической школе в

²⁰ Мы сознательно оставляем за пределами анализа работы, которые через обращение к текстам того или иного автора лишь «раскрывают черты российской экономики» и «объясняют их происхождение» (см., например, *Лузан, 2001*).

²¹ Можно согласиться с критикой попыток представить Б.Д. Бруцкуса «крупнейшим специалистом по истории народного хозяйства» (*Бокарев, 2004, с. 605*). Попыток, объяснить которые можно, в том числе, и стремлением историографии откликнуться на возросший «спрос» на представителей либерального направления экономической мысли в период либеральных рыночных реформ, что увязало друг с другом задачи и методы историографического исследования.

политической экономии» и шире — к «российской школе экономической истории». В силу вхождения в последнюю не только экономистов-историков, но и историков-экономистов, исходный пункт анализа — присущие этим ответвлениям научной истории общие философско-методологические установки.

Примечательно при этом, что изучение «историко-экономических воззрений», «исследовательских методов и научного менталитета», «теории, методики и практик историко-экономического анализа» (здесь приведены названия соответствующих разделов их работ) своих героев перечисленными авторами фактически выносятся за скобки «собственно историографии». Под историографией понимается описание вклада того или иного автора в разработку конкретных историко-экономических проблем: периодов хозяйственной истории, прошлого отдельных отраслей экономики, экономических институтов и т.д.

Предпринятый нами обзор более чем полувекового процесса формирования и развития области исследования экономической историографии в нашей стране позволяет констатировать факт осуществления экономической историографией главным образом регистрирующей, учетной функции, дополненной попытками упорядочения преимущественно библиографического материала при помощи историографических схем. Схем, заимствованных, как правило, из «общей историографии» или истории экономической мысли (политической экономии) и носивших жестко заданный идеологический характер, попытки вырваться за рамки которых неизбежно приводили к историческому рассмотрению проблематики научных исследований, или к проблемной экономической историографии. Используемые классификационные схемы, фиксируя поверхностное сходство историографического (библиографического) материала, препятствовали формированию раздела историографии, ответственного за создание специфического облика экономической истории как науки и изучение дисциплинарного ее бытия — дисциплинарной историографии.

Дисциплинарная история в силу этого невольно превращалась в рассказ о некоем объеме историко-экономического знания, накопленного дисциплиной на протяжении соответствующего периода ее истории, в историю историко-экономической литературы, а фактически — в «расширенную библиографию» историко-экономических работ, акценты в которой расставлялись сообразно принятой исследователем историографической схеме. Актуальные вопросы истории экономической истории как науки, будь то проблема ее начала, определение содержательно-предметных оснований или национальной специфики ее дисциплинарного бытия, либо не поднимались вообще, либо решались независимо от осуществляемого историографического анализа.

Накопленный материал позволяет извлечь из истории развития экономической историографии ряд методологических уроков с тем, чтобы наметить основные пути преодоления обозначившихся в ней негативных тенденций, а также тех ограничений, что накладывают на ее развитие традиционные историографические подходы.

Первая из таких тенденций уже была охарактеризована нами как регулярное расширение границ историографии, понимаемой не иначе как история исторического познания в самом широком смысле слова, и сливающейся в этом качестве с философией истории. Уточним, марксистской философией истории, предметом которой является создание общей теории всемирно-исторического процесса, и которая существует относительно самостоятельно от исторической науки и науки экономической, в марксистском ее варианте имевшей статус исторической дисциплины.

«Исторический детерминизм» в его ультрареволюционном, а затем и догматическом варианте, представляющий собой своеобразный симбиоз «материалистического историзма» с историзмом «классическим» и позитивизмом, официально осуждавшимся, но принесшим с собой значительный элемент научной «респектабельности», а также — присущий ему социальный и когнитивный «кумулятивизм» (Перлов, 2007, с. 74–80), был востребован, прежде

всего, с точки зрения его «практических приложений», возможности установления каузальных связей между экономикой, с одной стороны, и политикой, правом, идеологией — с другой.

«Научный» анализ экономического строя общества под углом зрения «исторического детерминизма» с неизбежностью превращал экономическую интерпретацию истории в социологическую концепцию, теорию классовой борьбы. А экономическую историю — в обслуживающую ее нужды вспомогательную дисциплину. Экономическая история против ожидания оказалась не конечной, а промежуточной «станцией» на пути движения отечественной исторической науки после революции, поскольку стала поначалу подменяться рабочей историей, историей рабочего движения, а в конечном итоге — историей идеологии этого движения, историей рабочей организации, партии. Однако в системе координат такого «механического детерминизма» не совсем точным будет даже утверждение о том, что экономическое направление в историографии оказалось на периферии советской исторической науки. Напротив, все направления исторической науки могут быть названы «экономическими», притом, что сама экономическая история полагалась скорее как тенденция, нежели самостоятельное направление исторической науки, если вовсе не изгонялась за ее пределы.

Подобный подход наглядно иллюстрирует одна из первых попыток «навести порядок» в историографическом хозяйстве, предпринятая еще на заре советской эпохи М.В. Нечкиной. Значительное число исследований, выполненных как экономистами, так и историками, были объявлены ею персоной *non grata* и выдворены за пределы исторической науки в самом широком ее смысле, притом, что их авторы объявлялись не только приверженцами, но в ряде случаев и видными теоретиками «экономического материализма». На взгляд историографа, они оказались никудышными «прилагателями» этой теории к конкретному историческому материалу, ибо совершенно не задавались «вопросом проследить влияние экономики на

политику, право, моральные воззрения эпохи» (*Нечкина, 1922, с. 48*). Уделом «неисторических» в этом смысле работ Вл. Ильина (В.И. Ленина), П.Б. Струве и Н.А. Рожкова становился экономический департамент науки (еще не обретшей статуса исторической) и такая его отрасль как экономическая история²².

О том что ситуация мало изменилась и на исходе минувшего столетия ярко свидетельствует интересная по замыслу, но в целом безуспешная попытка использования для целей историографического исследования библиометрического анализа. Полагая, что библиографические указатели научных публикаций представляют интересный источник, характеризующий состояние какой-либо отрасли науки и проблемно-тематическую структуру ведущихся в ее рамках исследований, ее автор, однако, был вынужден фактически признать непригодность для этих целей указателя «Экономическая история», отразившего более 30 тыс. работ, опубликованных в стране с 1960 по 1989 г. Основная причина крылась в том, что «далеко не все публикации, содержащиеся в указателях, могут быть действительно отнесены к историко-экономическим исследованиям. Среди литературы, посвященной проблемам новейшего времени, — а на ее долю приходится свыше 2/3 публикаций, как по отечественной, так и по зарубежной экономической истории, — значительное место занимают политологические и социологические работы, а также чисто экономические, экономико-географические, демографические. Разделы, посвященные отечественной истории новейшего времени, насыщены публикациями

²² С той же решительностью, с какой «легальные» и «нелегальные» дореволюционные марксисты-экономисты выдворялись за пределы исторической науки в начале советской эпохи (а присутствие в их рядах историков станет в дальнейшем предметом особого внимания), по ее окончании они стали обвиняться в грехе распространения «заразы» экономического редукционизма (игнорирующего важные для народного хозяйства политические, религиозные и культурные события) на отечественные историко-экономические исследования (*Бокарев, 2004, с. 594–597*).

по «историко-партийной» тематике. Но многие из них фактически не содержат исторического анализа» (Бовыкин, 1996, с. 19)²³.

В области экономической историографии, следовательно, необходимо отличать «философские амбиции» концепции материалистической интерпретации истории и научные амбиции многочисленных ее «социолого-политологических приложений», уводящие в сторону от практики историко-экономических исследований, от тенденций, присущих самой исторической науке, включая акцентирование экономической обусловленности исторического процесса на определенном этапе ее развития.

Пример подобного подхода демонстрирует «История экономического анализа» Й.А. Шумпетера, до сегодняшнего дня способная служить образцом аналитического подхода, исключающего столь характерное для отечественной истории экономической науки мифотворчество вокруг марксистской философии истории как методоло-

²³ В.И. Бовыкин увидел существо проблемы в отсутствии четких границ «экономической истории», осложнившим составителям задачу отбора литературы, однако проигнорировал сами принципы его осуществления. Неудивительно поэтому, что учтенные в указателях «историко-экономические» публикации оказались, на взгляд историографа, «не связаны единством общей цели», а библиографические пособия в целом — оставили лишь «впечатление» незавершенности в нашей стране процесса «самоопределения» экономической истории в качестве самостоятельной научной дисциплины (*там же*. С. 20). За стремлением представить библиографические указатели научных публикаций в качестве историографического источника, характеризующего проблемно-тематическую структуру науки или указывающего на ее статус, скрывается вера не просто в выполнение исторической библиографией систематизирующей функции, а в приведение ею выявленной и отобранной литературы в систему, соответствующую структуре самой науки. Между тем, «библиографию» следует рассматривать скорее в качестве одной из многих «инстанций восприятия» дисциплины. В данном случае «инстанции», которая благодаря использованию определенной документальной классификационной системы «приписывает» дисциплине когнитивное содержание, структуру, статус. Последние лишь до некоторой степени связаны с «объективными» признаками дисциплины, являясь субъективными — то есть ценностными и избирательными — суждениями, имеющими, правда, вполне «объективные» для дисциплины последствия (*Шпигель-Резинг, 1980, с. 127–129*).

гической предпосылки экономической историографии. Обращение к фундаментальной работе американского ученого обусловлено не одной только ее актуальностью для отечественного сообщества историков экономической мысли, осваивающего новые «предметные поля» своей науки. «История» Шумпетера — в силу ее «всеохватности» — стала с середины XX столетия своеобразным проблемным камнем для «всех новых исследователей в данной области» (Дин, 2002, с. 31).

«Философский детерминизм» как совокупность взглядов, философских воззрений марксистов, связанных с поддержкой идеи экономической интерпретации истории, на взгляд австро-американского историка экономической науки, не имеет ничего общего с «методологическим детерминизмом» как логически необходимым содержанием гипотезы, выдвинутой К. Марксом. Если для последнего экономическая интерпретация истории «была в большей степени программой исследования, чем научным достижением, которое должно быть оценено само по себе» (Шумпетер, 2001, т. 2, с. 579), то для марксистов — взгляд «с гегельянских высот, откуда взирал на все Маркс, действие и рассуждение, реальность и мысль становятся тождественными; на этом уровне анализ нельзя отделить от практики» (Шумпетер, 2001, т. 2, с. 505).

Уделяя в своем исследовании немалое внимание этой гипотезе, и даже называя ее «мощным аналитическим достижением», Й.А. Шумпетер, тем не менее, полагал, что позитивная разработка содержащихся в ней проблем способна увести исследователя за пределы собственно историко-научных изучений в области экономической науки в целом и экономической истории в частности. «Надеюсь, я достаточно ясно показал, что важны не общие “теории истории”, т.е. обстоятельные гипотезы о движущих силах (если таковые имеются) исторического процесса, из которых (теорий) так называемая материалистическая интерпретация истории ... добилась наибольшего успеха. Намного важнее в долгосрочном периоде были усилия, направленные на разрешение более узких проблем» (Шумпетер,

2001, т. 3, с. 1035)²⁴. Таких как постепенное овладение исторической наукой «экономическим полем», совершенствование методов исследования, акцентирование количественных аспектов, и даже заключение ею альянса, но не с марксистской исторической социологией, а с экономической наукой своего времени, т.е. проблем, относящихся к области фактической методологии.

«Ложными» или «затушевывающими истинный смысл филиации научных идей» называл Шумпетер объяснения эволюции экономической науки, придающие излишнее значение философским ее предпосылкам. В таком подходе можно увидеть предтечу установки на изучение фактической методологии экономических исследований на основе описания и интерпретации их практик в ходе историко-научных изучений, установки, не допускающей в качестве предпосылок доводы «извне» дисциплины. Фактическая методология, будучи осмыслением практики историописания рефлексивна и аналитична, тогда как нормативная методология (и в частности, спекулятивная философия истории) стремится дать науке произвольные основы, в силу чего не может считаться обоснованной (Weintraub, 1989).

Поэтому, вряд ли можно согласиться с непрекращающимися в отечественной историко-экономической литературе попытками не только «опираясь на имеющиеся в области философии истории знания ... отобрать те из них, которые могут дать наиболее успешный результат в исследовательской деятельности ... историков-экономистов» (Богомазов, 2006, с. 60), но, отталкиваясь все от тех же умозрительных философских предпосылок, обращаться к прошлому историко-экономической науки, трактовать,

²⁴ Заметим, что задолго до Й. Шумпетера о том же писал русский историк Н.И. Кареев, настаивавший на том, что от экономического материализма следует отличать «экономическое направление в историографии, которое выражается не столько в теоретическом провозглашении экономики основой истории, сколько в особом интересе к экономической жизни, проявляющемся в целом ряде отдельных работ исторического содержания» (Кареев, 1894, с. 10).

например, проблему множественности школ экономической истории (*Богомазов, Дроздова, 2000*)²⁵. Даже если при этом марксистской философии истории отводится роль поставщика не «единственно научного», а лишь одного из многих подходов к изучению экономической истории²⁶.

Преодоление стереотипов, оставшихся в наследство от господствовавшей прежде методологии не должно ограничиваться критикой «экономического детерминизма» как гипертрофирующего «классовый подход» или игнорирующего «духовную сферу». В рамках историко-научного исследования он должен рассматриваться в качестве сугубо фиктивной конструкции, блокирующей научную (дисциплинарную) рефлексию, и, как показывает историографическая практика, крайне удобной для целей едва ли не «религиозного» поклонения и борьбы с научным инакомыслием. Допущение в качестве предпосылок доводов «извне» дисциплины и привело во многом к тем ошибкам и заблуждениям, в результате которых она «выбрала» неверную траекторию своего развития, зафиксированную и отраженную историографией.

Не менее очевидной, чем расширение границ экономической историографии за счет включения в анализ философско-методологических предпосылок и их социолого-политологических «приложений», тенденцией развития экономической историографии стало рассмотрение истории дисциплины сквозь призму свершившегося «синтеза», слияния истории и экономики в единую науку, с формированием соответствующего научного сообщества.

²⁵ Рефлексия по поводу философско-методологических оснований рассматривается, в частности, в качестве характерной черты «петербургско-ленинградской историко-экономической школы», отличающей ее от «московской школы», придерживающейся «хронологического подхода и историко-описательного метода» (*Благих, 2009, с. 88*).

²⁶ О том, что такие попытки не являются случайными эпизодами, свидетельствует монография Р.Я. Подоль (*Подоль, 2008*), задавшаяся целью показать процесс развития отечественной историографии в русской историко-философской мысли, и включающая специальный параграф, посвященный историко-экономическому направлению в историософии начала минувшего века.

Иначе говоря, фактически игнорировались дисциплинарная принадлежность экономической истории, наличие у истории и экономики собственных способов познания прошлого экономики, не говоря уже о фактах невнимания к возможному институциональному закреплению различий между ними.

Различий, впрочем, действительно долгое время практически неуловимых в отечественной науке, рассматривавшей историко-экономическое знание под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития. Унификация, в данном случае порождаемая претензией последней на создание «глобальной» или «тотальной» истории, будь то с точки зрения объекта исследования, или универсальной исторической «отмычки»-метода к его познанию, не просто не замечает уже осуществившегося и институционально оформившегося раздела социального знания на отдельные науки — «историю» и «экономику», и продолжающегося процесса их дисциплинарной фрагментации, но может рассматриваться как безуспешная попытка противостоять объективной тенденции в развитии этих частных наук.

«Дифференциация наук, — отмечает А.Л. Никифоров, — представляет собой универсальную тенденцию или даже закономерность развития научного познания. Попытки интеграции, синтеза, редукции если и приводят к успеху, то лишь в отдельных научных областях и на короткое время. Последующее развитие приносит с собой новую, более глубокую и тонкую дифференциацию. Дифференциация выражает *движение* (здесь и далее в цитате курсив автора. — Д. М.) науки, поэтому она универсальна и абсолютна как само движение; интеграция, синтез — временная *остановка*, приведение в порядок и обзор интеллектуальных сил, наступавших по разным направлениям. Устранение или остановка дифференциации означает устранение или стагнацию самой науки. Единство человеческого познания в разные эпохи обеспечивалось мифом, религией или фило-

софией. Это единство никогда не было *единством науки*» (Никифоров, 1998, с. 275).

Безуспешность попыток противостоять процессам дисциплинарной фрагментации, являющейся оборотной стороной формирования междисциплинарных областей исследования в предметном поле той или иной дисциплины, лишь подчеркивается последующими, вырабатывавшимися с завидной регулярностью, «видениями исторического синтеза», к производству которых с энтузиазмом подключились отечественные историки в постсоветский период. Их, однако, ждал вполне закономерный сюрприз: «вместо ожидаемой когнитивной интеграции, создания условий для обретения нового исторического синтеза появилось “много историй”, процесс “фрагментации исторической науки” стал практически необратим, а ее “дисциплинарное семейство”, теряющее хрестоматийный облик, постоянно пополняется новыми проблемными полями, настоятельно стремящимися к обретению своего дисциплинарного статуса» (Попова, 2011, с. 476–477).

Как небезосновательно отмечает современный специалист в области исторической эпистемологии А. Мегилл, «вера в то, что синтез — это достоинство, а фрагментация — недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков... Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу — это попытки навязать интерпретацию» (Мегилл, 2007, с. 256). В том числе, добавим, и историографическую интерпретацию, когда становление экономической истории, основные векторы развития или состояние на том или ином его этапе оцениваются исходя из принятого тем или иным автором видения «исторического синтеза», будь то простая декларация о «стыковом» характере дисциплины или вывод о ее «мультидисциплинарности». Проблему междисциплинарного синтеза истории с другими общественными науками, по мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, нельзя рассматривать без учета факта наличия у социальных наук собственных областей исследования, связанных с изучением прошлого. «В принципе, при возникновении междисциплинарного направления в нем задейству-

ются две дисциплины, и его создание и функционирование может либо автономно проходить в рамках каждой из двух дисциплин, либо только в одной из них. “Разделение труда” в смежных науках между специальностями и специалистами, в данном случае историками и неисториками, происходит очень по-разному» (Савельева, Полетаев, 2007, с. 14).

Появление на пересечении дисциплин новых форм научной жизни отнюдь не равнозначно ликвидации «границ» между ними или обретению единства на эпистемологическом уровне. А это обязывает историографа реконструировать историю этого новообразования, во-первых, оставаясь в рамках «своей» дисциплины, и, во-вторых, избрать в качестве первоочередного шага историографического анализа обращение к истокам проблемы, к состоянию первоначального, «додисциплинарного» синтеза. Применительно к нашему случаю — к исходному пункту в становлении дисциплинарной организации экономической истории как результата дифференциации экономического знания, происходившей под влиянием исторической науки.

В поисках образца подобного подхода вновь обратимся к исследованию Й. Шумпетера, который рассматривал прошлое историко-экономического знания исходя из раздельного развития «истории» и «экономики», а отнюдь не унитарного видения эволюции этих наук. Если экономическая история для него — фундаментальная область экономической науки, то «общая историография» — неотъемлемая часть «интеллектуального ландшафта». Науки, его представляющие, рассматриваются исследователем в их «параллельном развитии» с позиции того влияния, что они оказали или оказывают на экономическую науку, наличия с нею пограничных зон или предоставления в ее распоряжение «специальных методов знания» (Шумпетер, 2001, т. 1, с. 14, 30).

Столкнувшись с отсутствием в реальности демаркационной линии между «историческими экономистами» и «экономическими историками», и признавая важность учета вклада последних (т.е. историков) в развитие историко-экономического знания, он, тем не менее, счел возмож-

ным и необходимым оставить «историческую литературу» за рамками своего исследования. Его вывод о необходимости «провести черту» в соответствии с дисциплинарной принадлежностью авторов историко-экономических работ напрямую вытекал из факта профессионального самоопределения «экономических историков» к начальному моменту погружения в океан исторических фактов экономистов. Появление из-под пера последних исторических монографий, ставших показателем начавшейся в рамках экономической науки специализации, породило скорее противостояние с исторической наукой, нежели тенденцию к интеграции, синтезу с нею (*Шумпетер, 2001, т. 3, с. 1064–1065*)²⁷.

И, наконец, заслуживает быть упомянутым тот факт, что в результате более чем полувековой эволюции экономическая историография осталась частью самой историко-экономической науки, в силу чего ей и присущ преимущественно «обзорно-библиографический» характер обобщения накопленного научного потенциала, его осмысления и оценки с точки зрения современного ее состояния. Проблемы экономической историографии так на деле и не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки, в рамках которой не произошло становления особого исследовательского направления, имеющего своим предметом саму экономическую историографию — истории экономической истории как науки, своеобразной «профессиональной» истории этой научной дисциплины.

²⁷ Точку зрения Шумпетера любопытно сравнить с видением проблемы отечественной историографией тех лет. Если американский историк экономической науки оставляет за скобками своей работы значительный круг историков, «кто расширил наши познания в области экономических и социальных институтов и процессов средневековья в значительно большей степени, чем кто-либо из экономистов» (*там же, с. 1065*), советский историк Е.В. Гутнова напротив объединяет в рамках некоего общего «историко-экономического направления в медиевистике», как историков (в том числе и отечественных: М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина), так и экономистов — представителей исторической школы в политической экономии, превращая одного из них в основоположника этого направления в Англии (*Гутнова, 1960, с. 349–373*).

Направления, формулирующего и решающего собственные исследовательские задачи, не связанные с решением исключительно внутринаучных проблем. Освещающего разнообразные аспекты складывания экономической истории как дисциплины, процессы профессионализации и институционализации этой отрасли знания и т.д.

Создаваемая в рамках самой дисциплины «упрощенная» историография, в своем стремлении восстановить траекторию развития научной области сглаживает острые углы последней, задает линейность процесса истории дисциплины. Востребованная образованием, но явно недостаточная с позиций науки, такая схема в изложении преимущественно склонных к «синтезу» историков, способна поместить на одной линии меркантилистов, экономистов-классиков и приверженцев исторической школы как использовавших историко-экономические факты для обоснования своих теоретических построений, а также исследователей-историков, прибегавших к количественным методам их анализа сначала на микро-, а затем и макро- уровнях. набросанная широкими мазками подобная историография не только «вольно» обходится с границами дисциплинарными, но и весьма легко преодолевает национальные границы²⁸.

Написание же «профессиональной» истории дисциплины требует принципиально «внешнего» взгляда на предмет историко-научного изучения, «сознательной “перпендикулярности” избранного угла зрения относительно внутрипредметных дисциплинарно-историографических перспектив с их неизбежно партикулярной телеологией и упорядочивающей переакцентировкой прошлого “своей” отрасли знания» (Козлов, Дмитриев, 2006, с. 8). Отказ от историографических подходов, преследующих исключительно цели внутри-дисциплинарного порядка, позволит

²⁸ Подобного схематизма не лишены, впрочем, и разделы научных работ, в которых эволюция экономической истории, не являясь предметом самостоятельного изучения, служит лишь иллюстрацией, например, освоения исторической наукой предметного поля «экономики» (Савельева, Полетаев, 2003, с. 352–354; Савельева, Полетаев, 2004, с. 17–19).

анализировать историко-экономические работы, прежде всего, с точки зрения выявления авторского видения предмета науки, отражения в них изменений природы и содержания знания, но не как собрание интересных с точки зрения дисциплины фактов или идей.

Примером подобного «внешнего» взгляда на историю экономической истории может (хотя и отчасти, в силу своей незавершенности) вновь послужить исследование Й.А. Шумпетера — одно из немногих и в западной историографии, не ограничившееся изучением прошлого исключительно экономико-теоретического знания, признавшее экономическую историю частью экономической науки, а технику исторического исследования инструментарием экономического анализа.

В начальных главах своей книги Шумпетер не только отстаивает тезис о возможности изучения истории экономической науки как истории любой отрасли знания, но и знакомит читателя с программой изучения истории экономической науки с позиций «социологии науки». Работа американского историка науки, предложившего, по мнению исследователя историко-научной компоненты его творчества М. Перлмана, одну из трех наиболее влиятельных интерпретаций истории экономической мысли, фактически закладывала основы того направления в науке, которое, в противоположность «истории экономической мысли» (*history of economic thought*), носит ныне название «истории экономической науки» (*history of economics*) (*Perlman, 1986; Perlman, 1983*).

Поставленная Шумпетером задача «объяснить экономическую науку в терминах динамической социологии знания» (*Перлман, 2001, с. XXIII*) предполагает изучение ситуаций социального производства знания как наведение мостов между внутренними и внешними контекстами этого процесса. Будучи, по сути, противником кумулятивной, прогрессистской теории знания, он подчеркивал, в этой связи: «Научный анализ — это не просто логически последовательный процесс, начинающийся с какой-то примитивной стадии и идущий по пути неуклонного прогресса.

Это не поступательный процесс открытия новой объективной реальности... Процесс научного анализа напоминает, скорее, непрерывную борьбу с тем, что уже создано нами и нашими предшественниками. Его прогресс (насколько он существует) диктуется не логикой, а влиянием новых идей, наблюдений, потребностей и не в последнюю очередь особенностями характера новых исследователей. Поэтому любой трактат, претендующий на освещение “современного состояния науки”, в действительности излагает методы, проблемы и выводы, которые исторически обусловлены и имеют смысл только в контексте исторических условий их возникновения» (*Шумпетер, 2001, т. 1, с. 5*).

Одна из причин того, что проблемы экономической историографии так и не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки, кроется в состоянии последней в нашей стране, уже не одно десятилетие существующей в качестве самостоятельной области исследования и выработавшей собственные методологические подходы историко-научного исследования. При этом, однако, по существу сводившейся к предыстории марксизма, с неизбежным акцентом на истории научных идей и преемственности в их развитии — прогрессивном, непрерывном и кумулятивном.

Перемены в сегодняшнем состоянии истории экономической науки возможны лишь в случае обращения к новой историко-научной методологии, способной преодолеть сложившиеся в ней конвенциональные формы представления прошлого и расширить перспективы исторической реконструкции. Сместив при этом внимание исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой исследовательской программы, школы, экономического направления, дисциплины — в том числе и экономической истории — в контексте собственного времени, места и окружения. Обсуждению новых подходов к изучению прошлого экономической науки и открывающихся на этом пути перспектив для экономической историографии и будет посвящена следующая глава нашей работы.

Глава 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Искушение переписать историю ретроспективно всегда было повсеместным и непреодолимым. Но ученые более подвержены искушению переименовывать историю...

Т. Кун

Критика подходов к познанию прошлого экономической науки, сложившихся в советский период истории, началась уже на его (периода) исходе. Ее острее поначалу было направлено против ограничения науки экономико-теоретическим знанием, в то время — политической экономией, и первоочередного внимания исключительно к истории ее школ и направлений. В рамках такого подхода вся история экономической науки сводилась к предыстории марксизма, с неизбежным акцентом на истории научных идей и преемственности в их развитии, стремлением отследить развитие идей в терминах их внутренней динамики или привычной логики. Как результат, за пределами исследовательского внимания оказывались другие структурные уровни: история отраслевых и функциональных экономических дисциплин, история методов научного экономического анализа, история отдельных экономических теорий, эволюция категориального аппарата, история научных публикаций и т.д., которые надлежало реабилитировать в качестве равноправных объектов историко-научного изучения (*Солодкина, 1989б, с. 33*).

Отметим, что в рамках этой критики «история экономического анализа» и «история научного инструментария» занимают достаточно скромное место одного из возможных и равных по статусу объектов историко-экономического познания. Однако в скором времени им будет отведена куда более самостоятельная и важная роль, как в реформирова-

нии отечественной историографии экономической науки, так и в оценке прошлого последней.

Недостаточность критики излишне узкого взгляда на прошлое экономической науки наглядно продемонстрировали тома «Всемирной истории экономической мысли», содержавшие главы, посвященные прошлому «конкретных экономических наук», и даже, как это было показано в предыдущей главе, сделавшие объектом самостоятельного внимания историю наук историко-экономических. На примере параграфов, посвященных историографии одной из них — экономической истории (истории народного хозяйства), со всей очевидностью была продемонстрирована ограниченность «марксистско-ленинской» историко-научной методологии, в приверженности которой авторского коллектива издания не давало усомниться коллективное введение: «научная всемирная история экономической мысли может быть создана лишь на основе марксистско-ленинской методологии. Обоснованный Марксом и Энгельсом материалистический поход к анализу общественной мысли является единственно научным и плодотворным, обязывающим историка экономической мысли вскрывать ее “земные корни”, материальную основу формирования и развития тех или иных идей» (*Предисловие к изданию, 1987, с. 11*).

На фоне выводов об «общем поступательном процессе развития» экономической мысли и возникновении экономического учения марксизма как «переломном, революционном событии в истории экономической мысли» не столько неубедительной, сколько неконструктивной, идеологически заданной, выглядела критика двух основных, по мнению руководителей авторского коллектива, подходов к изучению прошлого науки, развиваемых «буржуазными» ее представителями. В качестве таковых назывались традиционный, или «кумулятивистский» подход, сводившийся к простому накоплению знаний, прежде всего экономического инструментария, и противостоящий ему — «антикумулятивистский», в основе которого лежала теория научных революций Т. Куна, негативной стороной которой призна-

валось отрицание преемственности в развитии экономического знания (*Предисловие к изданию, 1987, с. 13–14*).

На преодоление господствовавшего в отечественной истории экономической науки «вульгарного социологизма», под которым понималась не только обретенная в советский период привычка ограничиваться изучением классовых позиций экономических теорий, но и характерная для российской историко-экономической науки в целом традиция отслеживать непосредственное воздействие внешних социальных факторов на содержание экономического знания, были направлены основные усилия на рубеже советской и постсоветской эпох. Уже в учебном пособии 1989 г., все еще настаивавшем на «примате материальных условий и классовых интересов в качестве факторов движения экономических идей», выражалось робкое опасение за их абсолютизацию и «недооценку роли внутренней логики прогресса экономической теории» (*Жамин, Субботина, 1989, с. 6*).

Поскольку «грубому материализму» противопоставлялась «господствующая в мире» традиция «истории экономического анализа» как истории его предпосылок, важнейшая роль в деле обновления методологии историко-научного анализа отводилась освоению «восходящих к Й. Шумпетеру принципов критической истории инструментария экономистов». По мнению реформаторов историографии экономической науки, «Истории экономического анализа» австро-американского экономиста предстояло сыграть в развитии отечественного академического сообщества роль, подобную той, что сыграл опубликованный в 1960-е гг. учебник П. Самуэльсона (*Кузьминов, 1998, с. 19–20*).

Роль «проводников» по заповедной для отечественных исследователей территории истории экономического анализа предстояло выполнить переведенным на русский язык учебникам, основанным на этой традиции. Автор предисловия к русскому изданию учебника М. Блауга, указывал на последний фактически как на ориентир, задающий траекторию движения отечественных историко-экономических исследований, образец современной историко-научной методологии, примерить пока еще великоватые

«одежды» которой («книга “на вырост”») предстояло их авторам-экономистам (*Автономов, 1994, с. IXX–XXII*).

Увидевший свет год спустя учебник Т. Негиши²⁹, хотя и другими средствами, решал те же задачи, что и книга Блауга, достраивая здание той модели историко-экономической науки, методологический фундамент которой был заложен Й. Шумпетером. Продолжатели установок последнего, по мнению научного редактора обоих переводов, «пишут историю не людей или направлений, а идей, причем точкой отсчета служит не прошлое, а настоящее, сегодняшнее состояние теории. В основе такого подхода, очевидно, лежат предпосылки о единстве экономической теории как науки, решающей некоторый постоянный набор проблем во все времена, о кумулятивном росте экономического знания и прогрессе инструментов экономического знания» (*Автономов, 1994, с. XXI*).

Учебнику М. Блауга, призванному выполнять функцию проводника указанных историографических установок вплоть до перевода на русский язык их первоисточника, суждено было, однако, сыграть куда более самостоятельную роль. Тем более что оригинальная шумпетерианская историография оказалась на деле не только много богаче и сложнее, но попросту не соответствовала формуле, использованной для выражения ее содержания. С этим, по сути, согласился и ее автор, вынужденный в предисловии к русскому переводу указывать скорее на отличия в подходах к познанию прошлого Шумпетера и Блауга, нежели на сходства и преемственность в них. «“История” Шумпетера, — признавался он, — содержит намного больше, чем собственно историю анализа... В отличие от того же Бла-

²⁹ Используя ранее приведенную метафору, можно сказать, что учебник Т. Негиши находится уже в специализированном отделе «больших размеров». Заказчиками в последнем выступают специалисты в области экономической теории, рассчитывающие получить от историков экономической мысли изложение идей, выработанных экономической наукой прошлого, «современным формализованным языком, что дает возможность ввести их в контекст современной экономической теории» (*Автономов, 1995, с. 6*).

уга Шумпетер предпосылает истории анализа изложение ее чрезвычайно широко понимаемого контекста. Здесь находится место для описания исторических событий, социально-экономического “фона” и “духа эпохи”, параллельного развития других областей научного знания (от математики до теологии и психологии) и даже искусства» (Автономов, 2001б, с. X).

Как показывает наш собственный опыт использования методологических установок Й. Шумпетера в ходе выявления негативных тенденций, сложившихся в процессе развития отечественной экономической историографии, столь же сомнительными являются приписываемые ему ключевая роль в формировании ретроспективного взгляда на развитие науки, вывод о единстве экономической теории как науки и кумулятивном росте экономического знания. Можно согласиться с утверждениями исследователей творчества ученого о том, что ортодоксальная экономическая наука немало потрудились над приведением оригинальных его идей в соответствие собственным представлениям о развитии экономической науки. Представляя, в частности, Й. Шумпетера «...ведущим абсолютным авторитетом в области экономической историографии, ортодоксальные экономисты могут утверждать, что возможности развития унаследованного богатства объективного и автономного экономического знания обязательно интерпретируются и оцениваются с точки зрения критерия “наилучшей практики”, отвечающей современным стандартам; идеи воспринимаются, если они не противоречат доминирующим в литературе положениям и могут быть в них встроены» (Винарчик, 2003, с. 16).

Именно учебник М. Блауга немало способствовал формированию «шумпетерианской традиции» в истории экономической науки. Не столько глубоким исследованием историографических установок ученого, сколько их во многом априорным превращением в один из двух полюсов континуума подходов к изучению ее прошлого. Благодаря учебнику Й. Шумпетер превращался в родоначальника «абсолютистского» подхода, отслеживающего исключи-

тельно интеллектуальное/когнитивное развитие предмета, неуклонное движение экономической мысли к истине — современной ортодоксии, подхода, оппозиционного «релятивизму», призванному учесть многообразные влияния на это движение контекста.

Именем Шумпетера фактически освящалось стремление вписать собственные идеи в контекст этой ясной и очевидной оппозиции, носящей к тому же идеологический характер. В предисловии ко второму изданию книги, датированном, заметим, 1968 г., М. Блауг со всей определенностью сформулирует ее цель — противостоять «типично марксистским», «квазимарксистским», «ультрамарксистским» подходам в истории экономической науки. Со всей решительностью будет «настаивать» на тезисе (истинность которого и сам в дальнейшем не раз поставит под сомнение), что «значительная часть истории экономической мысли сосредоточена вокруг ошибок в логике и пробелов в анализе и не имеет связи со злободневными событиями» (*Блауг, 1994, с. XXVI*)³⁰.

Использование восходящих к Й. Шумпетеру понятий «история экономического анализа» и «история инструментов» не должно вводить в заблуждение относительно цели, провозглашенной и фактически достигнутой в «Истории экономического анализа» — написания истории экономической науки в жанре «социологии знания». Невозможность выявления простых, универсальных, научных экономических принципов на всех выделенных этапах развития науки заставила определить науку как «совокупность плохо упорядоченных и пересекающихся между собой областей знания» и предложить читателям историю последних (включая и экономическую историю) в исторических, статистических, теоретических, социологических, политических и других измерениях. И не очищенную от кон-

³⁰ Думается, именно эта сторона книги Блауга вызвала неприятие у части отечественных историков экономической мысли, утверждавших, что «экономическая теория России — не анонимна, это история планов реформ, программ перестроек, это деятельная логика, история в лицах...» (*Соколов, 1998, с. 53*).

текста эволюцию экономического инструментария, как это пытаются представить, а историю областей экономического знания, «полную взаимодействия людей, идей и событий» (*Perlman, 1986, p. 18*).

Со страниц учебника Блауга оппозиция абсолютизм — релятивизм, или ее адаптированная для российского читателя научным редактором перевода версия — логический/логицистский vs. исторический/историцистский подход к познанию прошлого экономической науки (*Нужно ли оглядываться назад? 1998, с. 466–468*), шагнула в отечественную учебную и научную литературу. Стала использоваться не только для характеристики «предмета» дисциплины истории экономических учений, присущих ей подходов к его изучению (при этом, практически не отражаясь на стратегии построения курсов, перечне ученых и школ, хронологических рамках), но и оценки прошлого отечественной экономической науки, выработки представлений об исследовательских подходах в современной историко-экономической науке.

Цикл публикаций И.П. Гуровой, основой которых стала докторская диссертация (*Гурова, 2000*), помимо небезынтересных экскурсов в историю развития метода истории экономических учений (*Гурова, 1999; Гурова, 2001; Гурова, 2004*) и бесполезных для экономистов сведений об основных философских концепциях науки, оказавших влияние на методологию этой дисциплины (*Гурова, 2007б*), включает статью (являющуюся несколько расширенной версией одноименной главы монографии), формулирующую «методологический выбор, доступный современному исследователю истории экономических учений» (*Гурова, 2007а*).

Выбор, а точнее — набор исследовательских подходов, который, по мысли автора, должен заполнить историографическое пространство (методологический континуум) между двумя его полюсами — абсолютизмом и релятивизмом, стать олицетворением некоего историографического синтеза, оказывается крайне скудным. Экономистам-историкам фактически предлагается довольствоваться фак-

тически еще одной дилеммой: написанием либо истории экономического анализа/когнитивной истории (истории экономической теории, «дисциплинарной истории» в ее понимании), либо социальной истории своей науки.

Реальный, а не условный методологический континуум, непрерывность историографического пространства достигается при этом чисто «механическим» путем выбора исследователем «типа истории» в зависимости от той роли, какую внешние факторы оказывали на экономическую науку в тот или иной рассматриваемый им период. При этом подразумевается, что для ранних периодов развития экономического знания характерен релятивизм, для «современного» — абсолютизм (*Гурова, 2007а, с. 41*). Следуя в этом вопросе по стопам М. Блауга, автор сталкивается с той же проблемой, что и ее «проводник». Начавший движение с заявления о «значительной части» истории экономической науки, не имеющей связи с контекстом, утверждавший по ходу, что только с превращением экономики в академическую дисциплину в 1880-е «переход от одной идеи к другой» стал господствующим в развитии предмета, дойдя до рассмотрения этого переломного периода, тот вынужден был признать: «профессионализированная наука с необходимостью генерирует свой собственный импульс, влияние внешних событий ограничивается “оболочкой” и не достигает “ядра” дисциплины. Но в 1870, 1880, и даже 1890 г. “оболочка” и “ядро” были еще неразрывны. Экономическая наука стала профессионализироваться в последней четверти XIX в., но ей предстоял еще долгий путь до становления в качестве глубоко профессионализированной научной дисциплины» (*Блауг, 1994, с. 287*).

Неприятности, однако, поджидают идущего по этому пути и на «конечной» стадии движения. «Глубокая профессионализация» сопровождается принципиальными изменениями в структуре самого объекта изучения — экономической науки, утрачивающей единство и целостность научной дисциплины. Экономическая наука, на взгляд современных исследователей, уже давно идет в направлении релятивизма, последний является общим вектором дви-

жения экономической мысли (Ольсевич, 1995; Ананьин, 2001). Дифференциация и фрагментация экономического знания обуславливают релятивизацию не только самой экономической науки, но и ее историографии, определяют актуальность выяснения исторических и культурных корней каждого экономического направления, дисциплины или школы.

На фоне сокращающегося как шагреневая кожа пространства абсолютистского подхода в историографии И.П. Гурова, настойчиво продолжающая продвигать концепцию «методологического континуума», обращается к первоисточнику абсолютистского вдохновения — «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера, а точнее — выделяемым тем в качестве элементов структуры предметной области историко-экономической науки экономическому анализу, системам политической экономии и экономической мысли. Тип истории определяется теперь уже не хронологическими рамками исследования, а его предметом: изучению истории экономического анализа соответствует абсолютистский подход, двум остальным релевантен подход релятивистский (Гурова, 2007а, с. 43–44).

Вот только достигается в этом случае историографический синтез весьма дорогой ценой. «Жертвой» авторского стремления соединить два берега методологической реки — абсолютизм и релятивизм — становится не желающая прибаваться к одному из них история экономической мысли, которая подменяется социальной историей экономической науки, изучаемой при помощи экстерналистского подхода в «широком его значении» (для изучения «систем политической экономии» используется экстернализм в «узком смысле»). В дальнейшем исчезает и история политической экономии, уступая место истории экономической профессии. Впрочем, не уцелеет и история экономического анализа, будучи приравнена к истории того, чего уже *de facto* нет — «такой научной дисциплины как экономическая наука» (Гурова, 2007а, с. 49).

Тип истории даже не диктуется, а подгоняется сначала под методы историко-научного исследования — «техниче-

ский», микро- и макросоциологический (которые призваны заменить сходящие со сцены абсолютизм/интернализм и релятивизм/экстернализм), а затем и под философские концепции науки. Дисциплинарная история экономической науки соответствует рационалистической теории роста знания К. Поппера — И. Лакатоша, история экономической профессии — иррационалистической теории научных революций Т. Куна, а социальная история науки — социальному же подходу к развитию научного знания, в рамках которого свое законное место находит марксистская история экономических учений (*Гурова, 2000, с. 34*).

Ведущееся на столь абстрактном уровне обсуждение историографических подходов отнюдь не приближает историю экономических учений к желанному методологическому континууму, сохраняя изначальное состояние методологической альтернативы. Очевидное и понятное желание автора идти навстречу современным тенденциям в историографии экономической науки, заставляет ее встать на путь терминотворчества и употребления как равнозначных понятий, несущих разную смысловую нагрузку, внося, тем самым, дополнительные нюансы и в без того терминологически запутанную проблему.

Искомая типология возможных историй экономических учений превращается в изображение лестницы, на верхней ступени которой стоит «история экономического анализа» (дисциплинарная история), изучающая внутреннюю, когнитивную историю. Пишущие такую историю — «элита» историко-экономического сообщества. Если использовать сравнение с медициной — «нейрохирурги», работающие на микроуровне невидимых невооруженному философией науки глазу «сосудов», по которым движется экономическая мысль. Ступенькой ниже стоят «врачи общей практики», проводящие «профосмотр» и пытающиеся установить как неинтеллектуальные «психологические и социальные факторы научного сообщества» влияют на результативность труда ученых-экономистов. И, наконец, в самом низу работают «санитарные врачи», принимающие в учет совсем уж далекие от содержания научного знания

факторы — текущие экономические проблемы, политику, классовую и социальную структуру общества и др.

Появление четкой иерархии приоритетов исследователя является лучшим свидетельством доминирования какой-либо одной конкретной методологии историографического исследования, занимающей верхнюю ступеньку этой лестницы, а не существования континуума историографических подходов.

Авторитетное же мнение на сей счет самого Й. Шумпетера отнюдь не двусмысленно: не только системы политической экономии и экономическая мысль, но и «экономический анализ и его результаты безусловно исторически ограничены, относительны» (*Шумпетер, 2001, т. 1, с. 16*). Вопрос лишь в степени этой относительности, менявшейся от эпохи к эпохе; и решать этот вопрос историк предпочел не путем типизации исследовательских подходов к изучению прошлого экономической науки, построенной на основе бесплодной дилеммы абсолютизм — релятивизм, а посредством детального рассмотрения влияния, оказываемого на науку историческим контекстом в ходе конкретного историко-научного исследования.

Предвосхищая будущие недоразумения с использованием понятия релятивизм, часто, на его взгляд, неправильно употребляемым, Шумпетер очерчивает круг ситуаций, когда речь может идти об исторической относительности применительно к историко-экономическому исследованию. Первая ситуация связана с ограниченностью источников историографической информации, имеющейся в распоряжении исследователя в каждый момент времени. И, следовательно, с неполнотой знаний об экономической науке прошлого, в силу чего его «выводы вполне могут быть опровергнуты в дальнейшем». Вторая — с «заинтересованностью экономиста в проблемах своей эпохи», что неизбежно сказывается на его подходе к экономическим явлениям (*Шумпетер, 2001, т. 1, с. 16 (прим.)*). Таким образом, Шумпетер имеет в виду релятивность научного знания, обусловленную не одной только проблемой выбора тем исторических сочинений, замыслом исследований или

отбора относящихся к теме фактов, но и его (знания) включенностью в исторический и социальный контекст.

Нужно обладать изрядной долей научной фантазии, чтобы замечание австро-американского экономиста о том, что подобная относительность историко-экономического знания не имеет «ничего общего с философским релятивизмом», интерпретировать как приверженность абсолютистской позиции, гипертрофирующей фундаментализм научного познания и основывающейся на признании абсолютной истинности знания, отражения последним действительности. Столь же далек он от позиции, «абсолютизирующей» момент релятивности в науке, настаивающей на относительности «исторической истины». Скорее можно говорить о релятивизме методологическом, утверждающем, что в научном познании отсутствуют исторически и социально независимые критерии научности. Релятивизм у Шумпетера — неотъемлемый методологический принцип построения динамической социологии экономического знания, в соответствии с которым познавать прошлое историко-экономического знания можно только посредством конкретных исторически и социально относительных, меняющихся описаний. И в этом смысле справедливо классифицировать подход, реализованный им в «Истории экономического анализа», как историцистский (Поletaев, 2009, с. 21)³¹.

Именно попытка отделения экономического анализа от «проблем эпохи», в гуще которых тот развивался, привела Й. Шумпетера к «открытию» им ретроспективного подхода в истории экономической науки. Единственного, позволяющего разглядеть прогрессивные изменения в последней, однако ценой мифологизации историографии, поскольку критерием прогрессивности научных достижений прошлого выступает в ней современное состояние

³¹ Ср.: «В наиболее систематическом виде он (абсолютистский подход. — Д. М.) нашел свое выражение в “Истории экономического анализа” (1954) Й. Шумпетера, в которой логический подход фактически противопоставлен историческому» (Гурова, 2007а, с. 48).

экономической науки. Имеющая более высокий статус, выступающая критерием истины, своеобразным стандартом, современная наука позволяет выстроить непрерывность идей между настоящим и прошлым, списав все не вписавшиеся в нее на «происки» истории или «внешних влияний».

Й. Шумпетер не воспользовался в «Истории экономического анализа» плодами своего открытия, хорошо известного в общей историографии «взгляда на историю с точки зрения современности», «вигской интерпретации истории» (Whig history)³² или «презентизма»³³. Что вынужден был признать П. Самуэльсон, спустя четверть века предпринявший попытку переориентировать (!) историю экономической науки на изучение прошлого с позиций современного ее состояния и предложивший программу «либеральной (вигской) истории экономического анализа». Называя «Историю» Шумпетера наглядным и выдающимся примером подобного подхода к истории экономической науки, он, со ссылкой на незавершенный характер работы, отметил: «Господь указал Моисею путь к земле обетованной, но не дал ступить на нее» (*Samuelson, 1987, p. 56*).

Подход, именуемый абсолютистским, при котором исследователь «следит только за строго интеллектуальным развитием предмета, которое он рассматривает как не-

³² Название восходит к историкам-вигам XIX в., интерпретировавшим систему управления в средневековой Англии в свете «современности»: английская политическая история рассматривалась исключительно как прогрессивное совершенствование либеральной парламентской демократии (*Toth, 2000, с. 166*). Уничижительная характеристика «либеральная интерпретация истории», выйдя за пределы общей историографии, получила распространение и в историографии науки, где стала ассоциироваться с практикой описания процесса формирования или развития экономической теории вплоть до современного ее состояния или демонстрации связи современных идей с наследием «старых мастеров». Как результат, развитие экономической мысли приняло форму линейной прогрессии к существующим истинам.

³³ Некоторые исследователи небезосновательно полагают либеральную (вигскую) историю экономической науки специфическим, «предельным» типом презентизма, превращающим современные экономические теории в «судью» прошлого (*Emmett, 2003, p. 532*).

уклонный прогресс от ошибки к истине» (Блауг, 1994, с. 1), строго говоря, предусматривает возможность написания истории экономического знания, отталкивающейся от перспективы целого ряда представлений, взглядов или теорий, принятых в качестве стандартов суждений для ее понимания, толкования или интерпретации. Поэтому, избирая те, что используются современной (на том или ином этапе ее развития) экономической наукой, мы рискуем отождествить абсолютизм/интернализм с историографией «читающей назад», т.е. презентизмом.

Между тем, если презентизм предполагает абсолютизм, то абсолютистская позиция, признающая существование абсолютной истины и возможность ее познания, никоим образом не связана с историей движения к ней. И, конечно же, «либеральная история» не тождественна «внутренней истории» как рациональной реконструкции, восстанавливающей внутринаучную логику развития науки, только в случае такого отождествления превращающейся в реконструкцию «задним числом» (М. Блауг), порождающую псевдоисторические головоломки.

Классическим примером презентистской (и в силу этого абсолютистской), истории может служить марксистская история экономической мысли, сложившаяся в советский период, когда вся история экономической науки сводилась к предыстории марксизма. Причем создаваться такая история могла как с акцентом на внутреннюю историю научных идей, так и путем описания исторических событий в терминах прогрессивного, поступательного развития экономической науки, их оценки с позиций презентистской/абсолютистской перспективы³⁴. Тем любопытнее

³⁴ На абсолютистский (равно — идеалистический) характер методологии советской истории экономических учений еще в 1989 г. обратили внимание В.А. Жамин и Я.И. Кузьминов, подчеркнув, что «притягательной чертой подобного метода исторической критики является исключительная простота в обращении: вместо того, чтобы исследовать уникальные исторические условия создания того или иного произведения, достаточно “приложить” его к Марксу. Квалификационные требования к специалисту-историку стали с тех пор очень скромными» (Жамин, Кузьминов, 1989, с. 9–10).

столкнуться с отнесением именно марксистской историко-экономической науки и ее представителей к числу основных приверженцев релятивизма, традиции которого обнаруживаются и в постсоветской историографии экономической науки (*Гурова, 2007а, с. 35*).

Если что и обнаруживает современная отечественная историография экономической науки, то не столько презентистскую/абсолютистскую традицию в чистом ее виде, сколько эклектику эпистемологических установок, лишней раз подтверждающую бесплодность использования самой дилеммы абсолютизм — релятивизм для целей историко-экономических изучений. Эклектику, лишь отчасти объяснимую учебным характером изданий, на страницах которых авторы вынуждены делать заявления о своих историографических установках. Поэтому нередко презентистская/абсолютистская установка на построение непрерывности, линейной прогрессии, связавшей прошлое и настоящее науки, выявление закономерностей процесса развития экономического знания, мирно соседствует с заявлениями об относительности и субъективности экономических истин, о «проблеме двойной субъективизации» как факторе релятивизации экономической науки и ее историографии (*Квасов, 2011, с. 3–4*).

Установление связей экономических теорий с интересами отдельных социальных слоев и групп, политических партий и движений, в творчестве отдельных авторов может безболезненно сочетаться с поиском законов истории экономической мысли. Пусть действие таковых и обнаруживается всего «лишь как тенденция, заметная на историческом материале продолжительных промежутков времени (никак не менее одного столетия), в масштабах всего цивилизованного мира и мировой науки в целом». При этом озадачивает авторское недоумение по поводу того, что подобные законы не ищут и не находят записные приверженцы абсолютизма, затрагивающие вопрос о законах эволюции экономической мысли не иначе как «в полужутливой форме» (*Худокормов, 1998, с. 4; Худокормов, 2005, с. 93*).

Исследователи, настаивающие на актуальности установления в ходе историко-экономического исследования взаимосвязи и взаимовлияния истории экономики и истории экономической мысли, да еще рассматриваемых в контексте общегражданской истории, избирают в качестве ведущего методологического приема поиска «истинного отражения» изучаемого историей экономической мысли объекта презентизм. «Это важно потому, — поясняют они, — что цель таких исследований состоит в том, чтобы показать роль конкретного ученого, той или иной научной школы в развитии, обогащении экономической науки новыми знаниями, учитывая ее состояние в определенное историческое время. В конечном счете, речь идет о том, чтобы показать роль и место конкретного ученого или научной школы в истории экономической науки. А это невозможно сделать, не учитывая ее современное состояние» (Богомазов, 2009).

Дилемма презентизм — историцизм в неявном виде присутствует в позиции В.С. Автономова, использующего шумпетерианскую дихотомию истории экономического анализа (науки) и истории экономической мысли для целей изучения истории экономического знания в России. Экономическое знание в стране на протяжении большей части ее истории было до-, не- или псевдонаучным, поскольку, на взгляд последнего, его «производители» «не владели или не пользовались специальной техникой анализа». В силу чего приоритетное развитие получила история экономической мысли, в арсенале которой лишь «аргументация дилетантов и практиков — “хозяйственников”, рассуждающих с позиций здравого смысла». Ее сокровищницу Россия продолжала обогащать даже в период господства марксистской «псевдонауки», хотя оценить этот вклад и не представляется возможным за отсутствием критерия прогресса генерируемых идей. В качестве последнего может выступать лишь современное состояние техники экономического анализа, коим «мысль» не вооружена по определению (Автономов, 2001а, с. 42–44).

В отличие от создателей «псевдоисторий», под прикрытием истории экономического анализа продвигаю-

щих собственные интерпретации современной экономики, В.С. Автономов попал в достаточно жесткие рамки презентистского подхода, стремясь вырваться из порочного круга предвзятых оценок истории русской экономической мысли, несущей печать социального, политического и идеологического контекста (см.: *Абалкин, 2001*). Ценой выхода за которые стало сведение «анализа» (науки) к инструментарию для ее построения. Как пишет один из критиков подобного подхода, «конечно, улучшение техники экономического анализа и использование более совершенных моделей раскрывает важную линию в определении прогресса экономической науки, особенно применительно к реализации ее познавательной функции. Вместе с тем она не единственная. Если же выделять ее как сугубо автономную, то это равнозначно превращению самой науки в некую разновидность “игры в бисер”» (*Рязанов, 2010, с. 76*).

На исходе минувшего столетия абсолютистские позиции в историографии покинул, пожалуй, самый стойкий на протяжении более чем тридцати лет их защитник, благодаря учебнику которого, переведенному на различные языки, не только оценивались, но и пересматривались историографические традиции, в том числе и в нашей стране. В грехе «абсолютизации абсолютизма» покался М. Блауг, одновременно реабилитировавший Й. Шумпетера³⁵, история экономического анализа которого на деле оказалась «интеллектуальной историей» или «*Geistesgeschichte*». И отрекся от доминировавшей на протяжении десятилетий в истории экономической мысли абсолютистской интерпретации М. Блауг, прежде всего, из-за скрывающегося за ней презентизма, стремления «наряжать прошлые идеи в современные одежды, часто в форме математических моделей». В результате чего история экономической мысли в современных ее образцах нередко

³⁵ В отечественной историко-научной литературе такой реабилитации Шумпетер обязан А.В. Полетаеву, как мы уже отмечали, справедливо назвавшему его *magnum opus* «главным образцом историцистской истории экономической мысли», лишь по иронии озаглавленным «История экономического анализа» (*Полетаев, 2009, с. 21*).

превращалась в рассказ о технических достижениях в моделировании, в своеобразную «технократическую» версию презентизма (*Blaug, 1990; Blaug, 2001; Blaug, 2003*).

Абсолютистский подход к изучению истории экономической науки Блауг предпочитает именовать отныне ее «рациональной реконструкцией», подчеркивая, что последняя «более известна под уничижительным ярлыком либеральной интерпретации истории» (*Blaug, 2001, p. 151*). Иными словами, Блауг применяет термин «рациональные реконструкции» для обозначения интерпретаций, принимающих проблемы современной экономической науки в качестве исходной позиции историка экономической науки.

И в этом шаге, думается, нет ничего удивительного: у читателя методологического введения к учебнику М. Блауга никогда не возникало сомнений в природе его абсолютизма. Крайне трудно интерпретировать конфликт между стремлением «видеть только их [экономистов прошлого] ошибки и недостатки без учета таких объективных ограничений, как состояние анализа, с которого им пришлось начинать, и исторические условия, в которых им довелось работать» и «возвеличивать их достоинства в стремлении открыть идеи, опередившие их время, а часто и их собственные намерения», как конфликт между установками релятивизма и абсолютизма (*Blaug, 1994, с. 1*). Даже с учетом исторических условий, в которых приходилось работать экономистам прошлого, только презентист, может расценивать их исключительно как неверные и ошибочные. Только сторонник историографии «читающей назад» списывает все зигзаги, что выделяет на своем пути к истине экономическая наука, на исторический контекст.

Историографии, запятнавшей себя связью с «либеральной интерпретацией истории» и тем подорвавшей признание научных достоинств и образовательной ценности истории экономической мысли, отныне противостоит не релятивизм, а «историческая реконструкция». Каковая предполагает объяснение старых теоретиков в

терминах, которыми те пользовались сами, а их ученики и последователи приняли бы, как верное описание того, что учителя намеревались сказать. И хотя историческая реконструкция, строго говоря, невозможна³⁶, только она, как бы трудна ни была, по мнению Блауга, является единственным законным подходом к изучению истории экономической мысли, учитывающим уникальную природу изучаемого материала, вместо того, чтобы превратить его в сырье для нужд современных аналитических методов (Blaug, 2001, p. 152).

Пятое издание учебника М. Блауга помимо ставшего уже традиционным указания на существование двух диаметрально противоположных точек зрения на историю экономической мысли — абсолютизма и релятивизма, содержит отсылку и к оппозиции рациональная vs историческая реконструкция. Последняя явилась плодом долгих размышлений автора над выбором между абсолютизмом и релятивизмом и самими терминами, в которых его выбор излагался все эти годы. Преимущество вводимых в оборот историко-экономической науки понятий состоит, на его взгляд, в том, что они «обостряют контраст» между ними. И рациональная и историческая реконструкция, являющиеся законными способами писать историю экономической мысли сами по себе, должны держаться обособленно друг от друга. (Что, по его словам, не всегда последовательно он все же постарался реализовать в новом издании учебника, изменив трактовку многих спорных вопросов в истории экономических идей.) Имеющие тенденцию накладываться друг на друга в практике историописания, они, в этом случае, являются угрозой «методологической ясности» исследования (Blaug, 1997, p. XVII, 8).

³⁶ Как представитель современного научного знания историк неизбежно привносит современные проблемы в исследование прошлого, склонен к презентизму и кумулятивистским представлениям. Поэтому дисциплинарная история науки, полагают многие исследователи, возможна лишь в рамках презентистской модели науки, создающей мнимую, а не подлинную историю (Кузнецова, 2004а, с. 106).

По существу, вводимая Блаугом в оборот оппозиция является не столько смягченной дилеммой презентизм — историцизм³⁷, приверженцем второй стороны которой позиционирует себя ученый, сколько свидетельством происходящей поляризации историографических позиций исследователей истории экономического знания, которым надлежит сделать свой методологический выбор. Презентизм и историцизм не могут рассматриваться в качестве двух сторон одной «медали» — картины истории экономической мысли, которые по воле исследователя могут быть объединены ради создания «объемного» изображения; каждый из историографических подходов создает собственную картину, не просто отличающуюся, но исключающую другую.

Некоторые исследователи небезосновательно рассматривают столь кардинальные изменения историографических предпочтений М. Блауга как неотъемлемую часть критики им интерпретаций классической политической экономики П. Сраффой и его последователями (*Signorino, 2003b*; см. также: *Blaug, 2003*; *Signorino, 2003a*)³⁸. В его учебнике содержится преимущественно разбор содержания их трудов и лишь в названиях разделов («П. Срафф-

³⁷ Стоит отметить, что презентистской (вигской) истории экономической мысли в этой оппозиции часто противопоставляют не историчистскую, а «антикварную», название которой носит очевидный пейоративный характер, сравнивающий работу историка с раскапыванием «могил», анализом давно забытых идей, непригодных с точки зрения современной науки. В тени обвинений в антикваризме остается, как правило, то, что и позволяет именовать историка экономической науки историком.

³⁸ Мы не останавливаемся на критике Р. Синорино понятия «рациональная реконструкция» Блауга с позиций подхода, развивавшегося И. Лакатошем, полагая, во-первых, идею рациональной реконструкции последнего принципиально презентистской, и, во-вторых, что смысл термина «рациональная реконструкция истории науки» во многом определяется контекстом, в том числе и историографическим, в котором используется (*Порус, 2009. с. 144*). Аналогична ситуация и с «исторической реконструкцией», которая в эпистемологических построениях Лакатоша не существует отдельно от «рациональной», фактически превратившись в «остаточную категорию» последней (*Klaes, 2003, p. 502*).

фа: Рикардо в современном стиле» и «Рикардо в еще более современном стиле») может быть усмотрена критика историографических подходов в них реализованных, неочевидная из-за ретроспективного подхода самого Блауга (*Блауг, 1994, с. 125–131*)³⁹. Однако работы последнего десятилетия минувшего века обнаружили неприятие уже «сраффианской» историографии, демонстрирующей «минимальное расстояние» между рациональной и исторической реконструкцией идей классической школы, пример крайне узкой презентистской интерпретации классического наследия (*Blaug, 1999*).

Наш интерес к историографическим установкам неорикардианцев обусловлен, прежде всего тем, что они не только получили хождение в отечественной науке, но и, найдя своих приверженцев, применяются для изучения истории русской экономической мысли. Речь идет о публикации перевода статьи «Куда идет история экономических учений: медленно движется никуда?» Х. Курца (*Курц, 2008*; полный текст см.: *Kurz, 2006a*), в основу которой было положено президентское послание последнего Европейскому обществу истории экономической мысли (см.: *Kurz, 2006b*). Послание, не только выражающее озабоченность маргинализацией истории экономической мысли как экономической дисциплины, но и предлагающее пути выхода из сложившегося положения, среди которых важное место принадлежит соображениям о приоритетных подходах к изучению прошлого экономической науки.

Формально Х. Курц противопоставляет презентизму П. Самуэльсона, в соответствии с которым изучение про-

³⁹ Впрочем, нельзя не упомянуть о том, что, на взгляд Блауга, «книга Сраффы “Production of Commodities By Means of Commodities” [“Производство товаров посредством товаров” (1960)] в последние годы стала основой далеко идущего пересмотра всей истории экономической мысли», согласно которому выделяются «два великих направления»: первое, ведущее к современному мейнстриму, и второе, неорикардианское, идущее от Рикардо и Маркса к Сраффе и его последователям, что, «является грубым преувеличением, способным в значительной мере дезориентировать читателя» (*Блауг, 1994, с. 135*).

шлого экономического знания должно осуществляться с позиций современного его состояния, зеркально противоположный подход исследования «современного состояния экономической науки с точки зрения ученых прошлого» (Кури, 2008, с. 8). На деле же речь идет отнюдь не об историческом, а, следовательно, ретроактивном, как можно было бы подумать, подходе к познанию прошлого, а еще об одной разновидности рациональной реконструкции, осуществляющейся путем поиска в прошлом альтернативы.

Прогресс экономического знания не ограничен движением к современному его состоянию. Если научный прогресс уподобить древу решений, то те его ветви, что были проигнорированы в прошлом, вполне могут обеспечить движение вперед к истине, в особенности, если ныне господствующая ветвь исследований (мейнстрим) не оправдывает возлагавшихся на нее надежд в деле объяснения экономической реальности. Либеральная историография игнорирует прошлые «развилки», способствует забвению важных идей, в силу чего и оказывается актуальным историографическое движение «назад к будущему» с целью построения исторической родословной для новой альтернативной теории.

Возвратное историографическое движение, ведет, в данном случае не к «первому разветвлению» неоклассической ветви науки, а к «стволу» последней⁴⁰. Как ранее уже отмечалось, абсолютистский подход предусматривает возможность написания истории экономического знания, отталкивающейся от перспективы целого ряда представлений, взглядов или теорий, принятых в качестве стандартов суждений для ее интерпретации. И не обязательно «точкой возврата» в прошлое должны быть представления «победителей»: инструкции о том, как интерпретировать прошлое науки могут давать не одни только представители мейнстрима, но и альтернативных (маргинальных) научных на-

⁴⁰ Подробнее о «древовидных» моделях развития науки, в том числе экономической, и характерном для их сторонников презентизме описаний развития науки, см.: Полетаев, 2009, с. 40–43.

правлений (будь то марксизм или «сраффианство»). В этом смысле неорикардянцы, предпринимающие движение назад с целью вдохнуть новую жизнь в классическое наследие, вряд ли могут считаться создателями принципиально новых историографических установок.

Меняется цель, но не средства ее достижения. Эта новизна истории экономической мысли часто начинается с обсуждения текущих проблем в экономике, дающего толчок историческому движению назад во времени, чтобы возвратиться к развилке с целью поиска в прошлом «источника вырождения» экономического знания, характеризующего и современные исследования. В своем стремлении не допустить с помощью истории экономической мысли «провинциализации» экономической науки во времени, Х. Курц ратует за фактически стандартный в традиционной историографии подход, выстраивающий непрерывный диалог между экономистами, «пронизывающий» различные исторические периоды.

Среди отечественных авторов идея эта близка, например, П.Н. Ключину, который, как и его западные коллеги, полагает, что «наложение границ исторического периода на логику развития мысли ущемляет ее права и возможности и отказывает ей в способности быть первичной реальностью» (*Ключин, 2010б, с. 12*). Вследствие чего требование непрерывности развития экономической мысли ставится выше принципа линейности, вытекающего из периодизации истории последней.

Свой подход к изучению прошлого экономического знания он предпочитает называть «аналитическим» (аналитической реконструкцией)⁴¹, противопоставляя его подходу «историографическому» (консервативному), который, на его взгляд, тождественен классификации исторического

⁴¹ Элементы «аналитического метода» Ключин обнаруживает среди отечественных историков экономической мысли у И.Г. Блюмина, противопоставляя его «логический метод критики» доктринерству марксистов (*Ключин, 2009а, с. 813–816*).

материала, ценой утраты его теоретического потенциала⁴². Историографический подход предполагает лишь поступательное историческое движение, которому аналитическая историография предпосылает движение возвратное с исходным пунктом в настоящем. Возвратное движение позволяет представить ту или иную теорию, концепцию, идею, метод в виде определенной мыслительной традиции, то есть сущностей важных не сами по себе, а в их соотношении, связи с современностью, избежав при этом презентистского «соблазна» — считать идеи признанного последним представителем традиции окончательной вершиной и «аршином» для измерения ее прошлого.

Преимущество подобного подхода его автор определяет сколь витиевато, столь и образно, что не позволяет удержаться от соблазна привести обширную цитату. «Такой подход, взятый в своей абстрактной полноте, направлен на освобождение от деления истории *a priori* на предысторию (прошлое) и действительную историю, — деления прочно восседающего в современном предубежденном уме и уничтожающего таким образом вообще всякую историю, кроме той, которая еще в памяти; он рассматривает историю не как “мертвую собаку”, не как шлейф или бремя, годное для того, чтобы тащить его за собой, а при случае избавиться и вздохнуть, наконец, свободно. Он мыслит ее как пространство, которое, коль скоро в нем происходит драматическая борьба идей,

⁴² С данной критикой трудно согласиться в силу неправомерности отождествления историографического подхода исключительно с инвентаризацией, учетом и регистрацией экономических концепций, направлений, школ, авторов, публикаций, при отсутствии элементарных форм историографической рефлексии. Существование низшего, «фактофиксирующего» уровня в историографии науки неизбежно, как и появление работ, ограничивающихся выполнением регистрирующей функции (см., например: *Егоров, 2011*). Хуже, когда проблема классификации экономических учений и доктрин объявляется «первой ключевой методологической проблемой, встающей перед историком экономической мысли», а решение вопроса целесообразности погружения экономической идей в породивший их контекст или «приложения» к описанию той или иной теории ее «аналитического исследования» — к числу дидактических, находящихся на периферии истории экономических учений как экономической науки (*Орехов, 2009, с. 156–158*).

делает возможным и криволинейное движение, поначалу, правда, не имевшееся в виду; это самопроизвольное отклонение атома, тем не менее, происходит, как выясняется, по внутренней логике и по принципам, по которым хранилище свободной мысли можно отличить от мечтательного мира, остающегося в вакууме» (Клюкин, 2007а, с. 12–13).

Историографический подход если и обеспечивает синтез прошлого и настоящего, то не органический, а механический, «простую экстраполяцию прошлого на настоящее», пытающуюся стереть границу между ними, но не достигающую этой цели⁴³. Органический же синтез достигается

⁴³ С этим утверждением легко согласиться особенно после знакомства с работами современных отечественных историков экономической мысли, например, Г.Д. Гловели, стремящегося осуществить реконструкцию концепции геополитической экономики как «имплицитной» традиции российской экономической мысли. Вот только вину за подобный «механизм» стоит возложить не на «историографический» подход, к тому же крайне узко понимаемый, а все на тот же презентизм/абсолютизм. Уже само направление политической экономики — геополитическая экономика — является искусственно созданным, своей «жизнью» и столь пристальным вниманием к родословной обязанным настоящему и даже будущему — перспективе его перехода «в геоэкономику как изучение условий реализации национальных интересов (включая интересы будущих поколений) в глобальной системе “много государств — один рынок”» (Гловели, 2009а, с. 10). Вот и занят автор поисками в прошлом, прежде всего, тех следов, что ведут к настоящему, «предвосхищают» его. Он не упускает, пожалуй, ни одного случая обнаружить у отечественных экономистов прошлого «аналитические достижения, предвосхищающие современные реальности и концепции» (Гловели, 2009б, с. 10). Авторы начала прошлого и позапрошлого веков, в результате, на десятилетия, а то и на столетие «предвосхищают» появление концепций «периферийного капитализма», «самоподдерживающегося роста», «механизма формирования устойчивой цивилизации», «экономической триполярности мира» и многих других. Новое геозкономическое содержание обретают использовавшиеся ими понятия и категории. Реинтерпретируются как экономико-геополитические концепции империализма русских марксистов, богдановская тектология, кондратьевская — длинных волн и т.д. И даже приверженность исследователя хронологическому принципу изложения, насыщение работ биографическим материалом и присутствие немалой доли контекстуализма, не должны вводить в заблуждение относительно принадлежности его построений к крайним формам абсолютизма/презентизма. Как тут вновь не вспомнить сетование М. Блауга на минимальное расстояние, отделяющее подчас рациональную и историческую реконструкцию.

благодаря возвратному движению мысли — «истории, отталкивающейся от настоящего» («подлинно исторической компоненте», «настоящей исторической ретроспективе»), которая обогащает традицию. Последнее отчетливо проявляется на этапе поступательного исторического движения, уже опосредованного предшествующим возвращением, что равнозначно «собиранию» той или иной мыслительной традиции. Автор даже предлагает «схему» поступательного движения мыслительной традиции, «формулу истории», долженствующую продемонстрировать процесс ее обогащения/обеднения (Клюкин, 2008а, с. 16–19; Клюкин, 2010б, с. 26–32).

При этом, однако, следует отчетливо сознавать, какой ценой достигается это обогащение. Автор и не скрывает, что «процедура возвратного движения выявляет еще одну свою особенность: она предполагает непосредственное вмешательство исследователя в изучаемый исторический материал, доходящее до своеволия» (Клюкин, 2008а, с. 19). На деле, речь идет о конструировании традиции, осуществляемом с использованием современного категориального и понятийного аппарата, и шире — аналитического инструментария, современного «стиля мышления». Такое «свободное конструирование прошлого» историком экономической мысли, как полагает П.Н. Клюкин, оправдывается благой целью освобождения его от подгонки под настоящее. «В противном случае, что удивительно, пострадает не прошлое, а само настоящее, которое оказывается прошедшим, неспособным к движению вперед, потому что ему остается воспроизводить себя только посредством исчерпания фиксированного прошлого, т.е. посредством потребления его и эксплуатации» (Клюкин, 2010б, с. 31–32).

Однако, конструируя историю, с использованием собственных представлений и теоретических взглядов (в силу чего презентизм неизбежно присутствует в работе любого историка), необходимо помнить о том, что подобная методология познания прошлого (объекта исследования) предполагает активное взаимодействие с ним исследова-

теля исключительно на языке этого объекта, а никак не на языке исследователя. В противном случае избежать не удастся не только подгонки прошлого под настоящее, но и разрушительного в него вторжения, если только именно это, а не его познание, изначально и не было целью исследователя, движущегося «назад в будущее»⁴⁴.

Автор называет предлагаемые им процедуры «умением связывать прошлое и настоящее, ... непосредственно находить между ними общее» или «исторической способностью воображения», которой — и с этим его утверждением трудно не согласиться — «вряд ли можно научить в школах». Несколько успокаивает, однако, то, что роль фактора, сдерживающего «игру воображения» и ограничивающего «субъективность восприятия истории», все же отдана им старой доброй историографии, благодаря которой и очерчивается граница области предельно допустимого применения логической реконструкции, «обретается более объективный критерий содержательного развития традиции» (Клюкин, 2010б, с. 18–19).

В конечном итоге двумя этими факторами (к которым стоит добавить еще наличие предшествующего опыта подобных построений) определяется «успех» или, точнее, убедительность создаваемых автором исторических ретроспектив, конструирующих ту или иную отечественную мыслительную традицию. Работы П.Н. Клюкина, посвященные российской аналитической мыслительной традиции в теории воспроизводства и кругооборота общественного продукта (Клюкин, 2007б; Клюкин, 2008б; Клюкин, 2009б; Клюкин, 2010а), интересны своей источниковедческой основательностью, обращением к неопубликованным материалам, присутствием известной доли контекстуализ-

⁴⁴ П. Бёттке, противопоставляющий «либеральной (Whig) истории» историю экономической мысли, создаваемую «проигравшими» (Contra-Whig), т.е. представителями неортодоксальных ее течений, напрямую связывает инструменталистское направление последней с современным *конструированием* теории. В то время, как «победители» создают, на его взгляд, рациональные *реконструкции* (Boettke, 2000).

ма, а также присущей им «чувствительностью к развитию метода». Степень их убедительности или «методологическая ясность» заметно снижается, когда «историческая способность воображения» неизбежно перерастает в методологический анахронизм ретроспективного прочтения текстов, а историографические «детали» обретают интерес исключительно в контексте теоретических достижений отечественных экономистов.

С наличием у «медали» двух указанных сторон можно было бы смириться и уповать на ниспослание историкам мысли «исторической способности воображения», если бы сторонники аналитической реконструкции не стремились только за ней усматривать научный подход к познанию прошлого экономического знания, только ей делегировать право устанавливать стандарты и наводить порядок в историко-научной области. Соответственно, оставляя на долю историцистского/историографического подхода ненаучное коллекционирование фактов и сведений, повышающих общую культуру экономиста. Между тем, закрепляя дело превращения истории экономической мысли в научную дисциплину за той частью экономической науки, «которая в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого» (*Клюкин, 2010в, с. 155*), они невольно лишают историю экономической мысли собственного предмета и методов, отличных от современной экономической теории.

История экономической мысли в этом случае — неотъемлемая часть экономической теории, что закрепляет за ней презентистскую традицию обсуждения прошлого экономического знания с позиций современного теоретического дискурса. Рациональные/презентистские реконструкции потому и оказались приоритетным историографическим направлением, что обеспечивают современное понимание старых идей и теорий, создают основание для новой теоретической работы. Истории экономической мысли, следовательно, отводится роль инструмента в строительстве современной теории, будь то мейнстрим или альтернативные направления, потребителя истории

ко-экономического знания, в лучшем случае доводящего его до готовности в целях текущих исследований, а в некоторых — использующего лишь в качестве своеобразной «приправы»⁴⁵ к ним, но никак не производителя нового историко-экономического знания⁴⁶.

Обретение историей экономической мысли собственного предмета связано, в первую очередь, с преодолением презентизма, будь он наследием марксистского периода ее бытования, результатом «шарахания» к неоклассическому мейнстриму или «увлечения» неортодоксальными направлениями. Освобождение от интеллектуальной зависимости от развития предмета экономической теории/теорий, отказ от выполнения роли поставщика «новых» аналитических

⁴⁵ Это, на наш взгляд, удачное сравнение использовала в своем президентском послании, адресованном Европейскому обществу истории экономической мысли и названном «Имеет ли история экономической мысли “серьезный” предмет?» М.-К. Маркуццо для характеристики тех исследований в рамках рациональной реконструкции истории экономической мысли, авторы которых осуществляют текущий экономический анализ с использованием ссылок на авторов прошлого, добавляя, тем самым, исторический «аромат» своим моделям, обеспечивая им родословную и, тем самым, некоторую легитимацию. Подобная «приправа» готовится зачастую без обращения к оригинальным историческим источникам и сводится к приспособлению, интерпретации оригинальных понятий, выработанных «старыми мастерами», с тем, чтобы они соответствовали нуждам современного экономического анализа. И такую «приправу» сторонники рациональных реконструкций считают «серьезным» вкладом в развитие историко-экономического знания (Marcuzzo, 2008, p. 110–111).

⁴⁶ Показательна в этом смысле точка зрения О.Ю. Мамедова. Называя историко-экономические исследования «излюбленным занятием наших западных коллег», превратившимся у нас в «дикивинку», он отнюдь не имеет в виду упадок и маргинализацию дисциплины истории экономической мысли в стране. Историко-теоретическое (!) исследование проблемы, на его взгляд, это один из важнейших способов обоснования последней, выступающий неперенным условием ее внутринаучной постановки, демонстрирующий исследуемую проблему как «итог внутринаучного развития экономической теории» (Мамедов, 2007, с. 8). Не секрет, что значительная часть статей, появляющихся на страницах западных специализированных историко-экономических периодических изданий представляет собой вводные главы теоретических работ их авторов, посвященные «историографии вопроса».

достижений или интерпретатора «старых», неизбежно ведет к противоположному полюсу оппозиции презентизм — историцизм, к необходимости определения предметной области дисциплины, нацеленной на изучение собственно/собственной истории мысли (а не пред- или недоистории, как ее именуют оппоненты), с неизбежной же оценкой иррациональных моментов в ней⁴⁷.

На роль историографического манифеста сторонников исторической реконструкции, или историцистского/контекстуалистского подхода в отечественной историко-экономической науке в известном смысле может претендовать небольшое введение к учебному пособию (очень мало, к слову, своим содержанием соответствующее этому жанру) вот уже десятилетие стереотипно переиздающемуся в стране и красноречиво озаглавленное «Развитие экономической мысли: исторический контекст». Задачу истории экономической мысли его автор определяет как восстановление утраченных смыслов знания: «Вопреки распространенному мнению, история науки — нечто большее, чем кунсткамера, хранящая память о заблуждениях былых времен. Это способ лучше, т.е. полнее и глубже, овладеть тем, что накоплено в арсенале современной науки» (Ананьин, 2000, с. 7).

Определяет, заметим, несколько двусмысленно, поскольку под таким определением охотно бы «подписались» и противники контекстуализма. Например, самая обширная группа исследователей прошлого истории экономической мысли, занятых поиском более полного и правильного «понимания» идей экономистов прошлого — толкованием или интерпретацией их текстов в свете современных экономических познаний толкователя. Делом, по меткому

⁴⁷ В своем президентском послании М.-К. Маркуццо констатировала, что рациональные реконструкции утратили в современной западной истории экономической мысли былой статус легитимного и уважаемого способа создания историко-экономических работ, что обеспечило более высокую степень ее дисциплинарной автономии, правда, ценой некоторого отчуждения историков экономической мысли от общества экономистов (Marcuzzo, 2008, p. 111).

замечанию Д. Биддла, подобным работе «богословов, ищущих истинные интерпретации библейских текстов или правоведов и судей, ищущих истинные намерения законодателей» (*Biddle, 2003, p. 2*).

Другое дело, когда восстановление подлинного смысла научной идеи или концепции ведется с учетом исторического контекста, задаваемого принадлежностью экономической мысли миру экономики, миру науки (в котором на определенном этапе начинает играть свою важную роль научное экономическое сообщество) и миру идеологии. Особо отметим, что аналитический инструментарий экономистов, используемые ими методы, в системе координат рационалистического подхода не только претендующие на приоритетное внимание историков мысли, но и обретающие внутреннюю логику своего развития, рассматриваются всего лишь как порождение историко-культурного контекста эпохи (*Ананьин, 2000, с. 8*).

Помещение экономического знания в контекст, равнозначное признанию факта его создания в режиме реального времени, смещает центр исследовательского внимания от научных идей к процессам их производства, т.е. к экономистам и их интересам, конкретным научным сообществам и характерной для них практике, научным институциям или месту, где знание было произведено. Объект исследования уже не ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста, или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Объект, будь то дисциплинарная практика, механизмы рождения и распространения идей или знакомая по учебникам «борьба и смена экономических теорий», рассматривается как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов.

Конечные цели исследований, ориентированных в большей мере на историографические, нежели телеологические или доктринальные критерии, являются уже не теоретическими или педагогическими, а эмпирическими. Основанные на архивных разысканиях их ав-

торов, а не на идеях изложенных в канонических текстах, они ставят под сомнение «эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров» (*Дин, 2002, с. 47*).

Если сторонники рационального/аналитического подхода, как правило, допускают возможность работы лишь с опубликованными текстами, то их оппоненты из исторического/контекстуалистского лагеря ратуют за обращение к архивным материалам, широкое привлечение исторических источников. Историческая реконструкция науки невозможна, на их взгляд, без обращения к эпистолярному наследию ученых, материалам автобиографического характера, мемуарам, документам научных институций, что позволяет проследить становление научных взглядов и их последующую эволюцию, влияние на них многообразных социокультурных факторов, институциональной среды и т.д. В историографический оборот в этом случае вовлекается значительный круг оригинальных исторических источников, позволяющих много шире, а, нередко и иначе, взглянуть на содержание научного знания, доносящего до нас опубликованными документами, монографиями или научными статьями⁴⁸.

В этом случае было бы логично видеть историю экономической мысли неотъемлемой частью интеллектуальной истории, понимая под последней по аналогии с политической или экономической историей дисциплину, проявляю-

⁴⁸ Среди «наследственных болезней» советской истории экономических учений, страдавшей кроме всего прочего «апологетикой настоящего как лучшего», значились и отсутствие какого бы то ни было внимания к источниковедению экономической науки как дисциплины, и отсутствие элементарных навыков архивной работы (*Жамин, Кузьминов, 1989, с. 17–18*). Впрочем, призыв тех лет «идти на выучку» к гражданским историкам звучит не менее актуально и для современной западной истории экономической мысли, пораженной «вирусом» презентизма (*Weintraub, Stephen, Gayer, Banzhaf, 1998; Moggridge, 2003; Weintraub, 2005; Economists' Lives, 2007 и др.*).

щую интерес к формам человеческой деятельности, а не к «жизни» абстрактных «идей».

Интеллектуальная история, претендующая на роль дисциплинарной истории социального и гуманитарного знания⁴⁹, «осуществляет реконструкцию прошлого знания, выявляет исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания наук, формирование научной картины мира, стиля научного мышления, различных средств и форм научного исследования — на фоне общей духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи» (*Репина, 1999, с. 9*).

Ранее и охотнее других под «крышу» интеллектуальной истории под флагом обновления профессиональной историографии переместились многие отечественные историки исторической мысли. В своем стремлении соответствовать традициям западной науки, осознавшие, «что историография как история исторической науки, безусловно, является частью интеллектуальной истории, которая демонстрирует в ретроспективе сложный, противоречивый, часто прерываемый процесс познания ... истории» (*Бычков, Корзун, 2001, с. 10*). Результатом чего, заметим, стали попытки предложить новые модели историографии науки, в основу которых положен был не науковедческий, а культурологический ракурс видения последней, с акцентом на изучении «историо-

⁴⁹ Эти претензии выглядят обоснованными, если согласиться с делением современной истории знания на интеллектуальную историю и историю науки (естествознания). Такое деление обусловлено признанием факта существования лишь истории естественнонаучного знания, но отсутствием истории обществознания — не предусмотренной философией науки, проводящей непреодолимую границу между объектами естествознания и обществознания. Впрочем, в последнее время философы все чаще берут на вооружение тезис о сближении естественных и социально-гуманитарных наук. «В области методологии их жесткое противопоставление налагает запреты на переносы уже отработанных методологических схем на новые области. Но этим закрывается один из важнейших путей получения новых результатов» (*Гуманитарная наука..., 2007, с. 60*).

графического быта», «культурных гнезд», «культуры повседневности», «интеллектуального ландшафта» и т.д.⁵⁰

В отличие от западной историографии экономической науки, уже не одно десятилетие выстраивающей свои отношения с интеллектуальной историей как дисциплиной, обеспечивающей связь с процессами, идущими в общей историографии, и активно рефлектирующей по поводу привносимых ею способов контекстуализации, отечественные историки экономической мысли остались практически в стороне от движения в ее направлении. Немногие исключения, реализующие традиционный для истории экономической мысли персонализированный, или биографический подход (Нейман, 2002), не сопровождались рефлексией по поводу обновления историографических подходов, расширения перспектив исторической реконструкции прошлого экономической науки. В силу чего в равной мере могут быть отнесены как к интеллектуальной истории, так и к социальной истории науки или даже традиционной истории экономической мысли, предлагающей одну из возможных интерпретаций истории экономической мысли, создаваемую под влиянием современных идеологических и политических обстоятельств⁵¹.

⁵⁰ Площадками для обсуждения проблематики новой историографии исторической науки в контексте развития интеллектуальной истории стал созданный в 1998 г. Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, регулярно проводимые под его эгидой конференции, а также страницы издаваемого с 1999 г. журнала (первоначально — альманаха) «Диалог со временем».

⁵¹ Показательна в этом смысле реакция У. Сэмюэлса на содержание сборника статей по истории русской экономической мысли (среди них присутствуют и российские исследователи), который содержит указание на жанр интеллектуальной истории в своем названии. Рецензент фактически усомнился в правомерности отнесения очерков, настаивающих на ключевой роли фактора политизации экономической мысли в России в деле объяснения ее истории, к интеллектуальной истории. Последняя, на его взгляд, «не может быть сведена к одной или двум проблемам, как бы важны они ни были, интеллектуальная история — это многофакторный процесс». Несмотря на то, что идеи рассматриваются в отношении к их контекстам, избирательный к ним подход позволяет говорить лишь об одной из возможных интерпретаций истории экономической мысли (*Economics in Russia...*, 2009).

Началом, объединяющим историцистскую историю экономической мысли с интеллектуальной историей и социальной историей науки, выступает лишь разделяемое ими утверждение об исторической относительности знания. Различает — существующая у исторических субдисциплин возможность попросту игнорировать многие проблемы, крайне важные для написания истории экономической мысли. В том числе и потому, что гражданская история, частью которой они являются, никогда не изучала познавательные, когнитивные процессы, в силу чего «ее собственная методология предельно далека от подлинных потребностей историко-научных исследований» (Кузнецова, 2002, с. 97)⁵².

Сам проект интеллектуальной истории, ставящей своей целью контекстуализацию истории знания, может, поэтому, рассматриваться как порожденный стремлением привести исследования в этой научной области в соответствие с привычными стандартами академической истории. Связанная преимущественно с изучением прошлого социальной реальности — социальных, политических или экономических процессов, последняя в «нарушение конвенций» все активнее осваивает предметные поля социальных дисциплин, своими силами изучавших прошлое собственных дисциплинарных практик (Савельева, Полетаев, 2003, с. 238).

Интенсивность такого «освоения» не позволяет игнорировать фактор развития и обновления самой интеллектуальной истории. Уже сегодня очевидно, что статус дисциплинарной истории для гуманитарных и социальных наук был промежуточной станцией в ее движении от истории идей к культурно-интеллектуальной истории, чьи интересы лежат в области истории исторической культуры и «которая включает в себя весь комплекс представлений о про-

⁵² М.-К. Макуццо в своей классификации методов или стилей написания истории экономической мысли даже предпочла вынести работы, рисующие более «широкие картины», за рамки собственно «контекстуального анализа» и назвать такой стиль «историческим нарративом» (Marcuzzo, 2008, p. 112–113).

плом и способов его репрезентации» (Репина, 2001б, с. 6). По справедливому замечанию П. Берка, само уточнение — «культурная», уже «указывает на тяготение к ментальностям, стихийным представлениям и чувствам, которые... явно предпочитают идеям и системам мысли», в силу чего культурно-интеллектуальной истории свойственна, мягко говоря, «некоторая расплывчатость» (Берк, 2005, с. 78). Первоначально использовавшееся для обозначения предметной области исследования, понятие интеллектуальной истории ныне определяет скорее подход к истории как «истории понимания прошлого», круг проблем которой близок проблематике эпистемологии и методологии истории (Репина, 2006; Репина, 2008).

Свою роль, безусловно, играют и национальные особенности развития этой исторической субдисциплины. Область интеллектуальной истории формировалась в нашей стране во многом путем сознательного эклектизма, механического объединения традиционных исторических жанров и дисциплин, в силу чего востребованными (заимствованными из западной науки) оказались те подходы, что подводят к общему знаменателю, отбрасывая «спефику», для некоторых решающую при определении их предмета (Дмитриев, 2004, с. 14).

Признавая безусловные заслуги интеллектуальной истории в деле преодоления сложившихся в историографии конвенциональных (презентистских, ретроспективных) форм представления прошлого и расширения перспектив исторической реконструкции⁵³, стоит признать, что в современном своем виде она не равна дисциплинарной истории. Интеллектуальная история может рассма-

⁵³ В более широком смысле историография экономической науки должна быть признательна получившей распространение в западной науке «историографии с недисциплинарной точки зрения», т.е. обращению к истории экономической мысли не экономистов, а тех же интеллектуальных историков, экономических историков, историков литературы и др. специалистов, наглядно продемонстрировавших возможности, открывающиеся с использованием исторического/контекстуального подхода (Дин, 2002, с. 46–47).

триваться в качестве своеобразной «предыстории» дисциплины, реконструирующей интеллектуальный фон ее возникновения и бытования, подобно тому, как та же экономическая история может использоваться для реконструкции фона экономического. Поэтому историографии экономической науки суждено оставаться специализированной экономической дисциплиной, если она не намерена остаться «историей науки без науки». Она не должна отказываться от изучения важнейшей составляющей своего предмета — конкретного содержания научного знания, с той лишь разницей, что последнее должно быть осмыслено с учетом условий (в том числе и интеллектуальных) его производства и распространения.

В своем стремлении преодолеть пропасть между контекстом и содержанием знания, между «внешней» и «внутренней» историей, историография науки должна, полагает британский историк науки Н. Джардин, стать проблемно-ориентированной (*question-oriented*), нацеленной на изучение реально стоявших перед учеными прошлого проблем. И как таковая, исследуя возникновение и упадок дисциплин, она неизбежно сместит внимание с теорий и доктрин на научную и образовательную дисциплинарную практику, поместив последнюю в систему знания прошлого, как та предстает на страницах энциклопедий или в учебных планах университетов соответствующей эпохи (*Jardine, 1996*).

Ту же задачу добиться баланса между исторической работой по исследованию дисциплинарных практик и теоретической работой по интерпретации научных экономических текстов ставит в качестве основной историко-научный (*history-of-science, history-as-science-studies*) историографический подход, предложенный в последнем десятилетии минувшего века группой ведущих североамериканских историков экономической мысли (Ф. Мировски, Э.Р. Вайнтрауб, М. Шабас, Д.У. Хэндс и др.). Своеобразным манифестом его сторонников, настаивающим на совпадении дисциплинарных методов и стандартов исследовательской работы и оценки ее результатов с теми, что

выработаны и используются историками науки (естествознания), стала статья М. Шабас (*Schabas, 1992*)⁵⁴.

Историк экономической мысли констатировала факт существования конфликта между дисциплиной, именуемой ею «историей экономической науки» (*history of economics*)⁵⁵, и экономической наукой. «Существует уже целое поколение профессиональных экономистов вероятно никогда не читавших Маршалла или Кейнса и имеющих поверхностное понимание истории экономической науки и экономической истории. Это предполагает, что экономисты, по крайней мере в Соединенных Штатах, склонны развивать свою историческую интуицию не в большей степени, нежели физики или физиологи. Короче говоря, пуговина была перерезана. Экономисты, настаивая на развитии технического инструментария, утратили способность мыслить исторически и, таким образом, больше не будут

⁵⁴ Обсуждению проблем, связанных с историко-научным подходом в историографии экономической науки, был посвящен специальный выпуск журнала «*History of Political Economy*» (см.: *Weintraub, 1992*). Спустя десятилетие автор предприняла новый, более развернутый обзор исследований, выполненных в рамках данного подхода (*Schabas, 2002*), на этот раз опубликованный в ежегодном приложении к журналу, посвященном перспективам истории экономических учений как научной дисциплине в XXI в. (см. также: *Weintraub, 2002*) и ставшем результатом прошедшей годом ранее конференции, обсуждавшей ту же проблему.

⁵⁵ Исследователи нередко вкладывают различный смысл в понятие «история экономической науки» (*history of economics*). Одни полагают, что оно должно обозначать исключительно «господствующую» историю экономической дисциплины (*mainstream history of the economic discipline*), другие — «научный» период ее истории. При этом «история экономической мысли» (*history of economic thought*) рассматривается как название более плюралистического подхода к прошлому дисциплины, изучающего историю «донаучного» периода, взгляды экономистов «второго», «третьего» ряда, неортодоксальные течения. Однако, чаще понятия «история экономической науки» и «история экономических учений» все же используются как синонимы, что демонстрирует, например, М. Блауг на страницах своего учебника. (Между тем, переводчики книги на русский язык, при попустительстве научных редакторов издания, допустили серьезную ошибку переведя «*history of economics*» как историю экономики (*history of economy* или *economic history*) и отождествив тем самым тем самым две разные дисциплины).

стремиться к близости с историей экономической науки или, по крайней мере, с нелиберальной (non-Whiggish) историей экономической науки. Историки должны будут смириться с этим концептуальным барьером, отделяющим их от экономистов. На мой взгляд, им надлежит оформить развод и заключить союз с историками науки» (*Schabas, 1992, p. 197*).

Речь, следовательно, идет не просто о появлении еще одного подхода к изучению истории экономической мысли в рамках дилеммы абсолютизм — релятивизм (интернализм — экстернализм, рациональная реконструкция — историческая реконструкция и т.п.), а о размежевании двух разделов науки как логическом результате процесса преодоления ее презентистско-интерналистской ориентации⁵⁶, поляризации историографических позиций, стремлении к «методологической ясности». Понятия «история экономической мысли» и «история экономической науки» уже не воспринимаются как синонимы, они соотносятся с определенными историографическими подходами, что можно расценивать как свидетельство процесса самоидентификации отдельных историко-экономических субдисциплин.

В отличие от истории экономической мысли, теснейшим образом связанной с современной экономической теорией/наукой, ведущей рассказ об интеллектуальном ее развитии, осуществляющей рациональную реконструкцию старых идей (их (ре)интерпретацию), результаты которой кладутся в основание текущих исследований, история экономической науки преследует собственные дисциплинарные — историко-научные — цели, решает иные задачи. Как замечает в этой связи Э.Р. Вайнтрауб, «...я не думаю, что в мою задачу как историка входит спорить с экономистами о правильном способе производства экономического

⁵⁶ Показательно, что широкое обсуждение основных параметров историко-научного подхода развернулось в рамках дискуссии в Интернете на «форуме» Общества истории экономической мысли (The History of Economics Society Website) в 1996 г. по теме «Либеральная (презентистская) история экономической науки мертва — что теперь?» (Whig History of Economics Dead — Now What?)

знания, или о том, идет ли мейнстрим экономикс в верном или неверном направлении. Моя задача как историка заключается в том, чтобы конструировать истории экономической науки, а не реконструировать дисциплину экономикс. Историческая реконструкция — написание историй экономической науки с учетом непредвиденных обстоятельств времени и места, личности и контекста — является трудной и одновременно важной задачей историка экономической науки» (*Weintraub, 2001, p. 280*).

В решении этой задачи сторонники подхода солидарны, пожалуй, пока лишь в одном — в противопоставлении презентизму объективного, непредвзятого подхода к историографическому материалу. Историки экономической науки предлагают поставить во главу угла оценки создаваемых реконструкций историографические критерии: «...стандарты, по которым должна быть оценена отдельная работа в области истории экономической науки, совпадают с теми, по которым оцениваются исследования в истории физики или истории молекулярной биологии; определено, это стандарты, принятые профессиональными историками для оценки исторических работ» (*Weintraub, 1996*).

Историк экономической науки, оправдывая присутствие слова «история» в названии дисциплины, не должен довольствоваться интерпретацией уже известных текстов, а быть нацелен на архивный поиск, привлечение альтернативных источников исторической информации, демонстрировать своими работами владение исследовательскими навыками и ремеслом историка, умение работать с архивными источниками, «косвенными уликами» и т.д.⁵⁷

⁵⁷ М.-К. Маркуззо как сторонница контекстуального анализа подчеркивает значение архивов не только «в заполнении лакун в знании о личной и интеллектуальной жизни изучаемых экономистов», но и для понимания их теорий: «“рукописи и переписка” дают понимание мотивов, определявших выбор определенного набора вопросов, допущений и инструментов. Последние не всегда эксплицитно присутствуют в опубликованных версиях работ, где отброшенные решения и дефиниции не учтены. Архивы, поэтому, позволяют нам двигаться по дороге к теории, а не оказываться сразу, как это обычно бывает, в пункте конечного назначения» (*Marcuzzo, 2008, p. 112*).

Будучи же историком науки, он не должен рассматривать научные тексты через призму современного знания в поисках у авторов прошлого следов, ведущих к настоящему, его «предвосхищений», переводя их на язык науки наших дней. Тем более что содержательная сторона зафиксированного в тексте знания сама по себе, без реконструкции и описания, превращающего его в историко-научный факт, не интересует историка. Специфика научного текста как источника историко-научного исследования, следовательно, состоит в обнаружении за ним «живых актов познания», реконструкции с его помощью тех «процессов познавательной деятельности, в рамках которых этот текст когда-то формировался и функционировал» (Кузнецова, Розов, 2005, с. 112).

Новый подход в историографии экономической науки не нашел пока широкого отклика у представителей историко-экономического сообщества (Emmett, 2010) поскольку историко-научные исследования и их результаты далеко не всегда повествуют о героической прогрессивной борьбе против «темных сил времени и невежества». Из-за этого представители мейнстрима (как экономического, так и историко-экономического) рассматривают исторические реконструкции как критику, бросающую вызов эпистемологической власти господствующей науки, связывают историю экономической науки с иновением, относят к неортодоксальным научным направлениям. Со всеми вытекающими из этого последствиями в виде сокращения учебных программ, финансирования, ограничения в доступе в профессиональные экономические издания и т.д. (Weintraub, 2007).

Между тем, трудность и важность задачи создания исторических реконструкций определяется, прежде всего, стремлением включить в круг задач истории экономической науки оценку иррациональных моментов в формировании и развитии экономического знания. Социальная история экономической науки рассматривает последнюю как сферу человеческой деятельности в широчайшем историческом, социальном, политическом и экономическом контексте. Интеллектуальная история, полагающая эко-

номические идеи неотъемлемой частью социокультурного ландшафта, делает это преимущественно в контексте соответствующих эпохе политических и философских идей, интеллектуальных и литературных традиций. Историко-научный же подход в историографии экономической науки, также помещающий экономическое знание в исторический контекст, акцентирует внимание на интеллектуальной/когнитивной и социальной стороне процессов производства научного знания, его систематизации, распространения и рецепции научным сообществом экономистов и за его пределами. Вынося, тем самым, на передний план уже не объяснение развития экономической науки внешними факторами, а проблемы внутренней социальности науки, присущих ей способов контекстуализации экономического знания.

Отвергая презентистскую/абсолютистскую установку на построение непрерывности развития экономической науки, достигаемой во многом благодаря «возвратному» движению, реконструирующему прошлое науки с помощью существующих теоретических взглядов, историко-научный подход настаивает на дисконтинуальных представлениях об историческом развитии. Что неизбежно ставит на повестку дня вопрос об оптимальной единице историографического анализа науки (объекте анализа), на уровне которой более отчетливо могут быть выявлены как интеллектуальные, так и социальные аспекты научной деятельности. В свою очередь, выбор такой структурной единицы науки делает актуальной проблему выбора предпочтительного метода (методов), который можно применить для ее, а, следовательно, и науки в целом, исторического изучения.

Обсуждению перечисленных проблем, но уже применительно к истории экономической истории, решение которых одновременно может способствовать развитию собственных методов и стандартов историко-научного подхода в историографии экономической науки, использованию заложенного в нем эвристического потенциала, будет посвящена следующая глава нашей работы.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

...с помощью современной истории науки динамику научных дисциплин можно проанализировать более точно, чем с помощью ... модели разделения труда между экстерналистами и интерналистами.

М. Хагнер

Историко-мыслительный подход в историографии экономической науки, для которого история последней — линейная интеллектуальная генеалогия сменяющих друг друга «школ» и «направлений», может предложить крайне ограниченный набор вербальных моделей, объясняющих факт появления на древе экономической науки ветви с названием «экономическая история». Если не принимать во внимание малозначимых нюансов, таковых обнаруживается три.

Первая из них попросту отождествляет экономическую историю с исторической школой в политической экономии (чаще — со вторым и третьим ее «поколениями», сначала сосредоточившимися на написании историко-экономических монографий, а затем перешедшими к созданию обобщающих работ), нередко даже переименовывая ее в «историко-экономическую» (*Майбурд, 1996, с. 325–328*).

Модель не предусматривает регистрации фактов рефлексии о предмете и проблемных полях экономической истории как самостоятельной дисциплины. В ее рамках реконструируется историцистская критика классического мейнстрима, первоочередное внимание уделяется противостоянию индуктивного и дедуктивного методов, историзма и рационализма, исторической и национальной специфике экономической науки, необходимости детального изучения экономического развития в целях выработки его «за-

конов» и т.д. В чем усматривается влияние немецкой исторической школы, образ которой и задает основные параметры историографического изучения исторических школ в других странах, включая Россию.

Вторая модель, уже не ставит знака равенства между экономической историей и исторической школой в экономической науке, хотя и отводит последней решающую роль в деле ее «ответвления» от ствола политической экономии. На рубеже XIX–XX вв. под влиянием немецкой исторической школы, коего не избежало ни одно из существовавших с пореформенных времен направлений российской экономической мысли, в структуре политической экономии «оформился» целый ряд основанных на принципе историзма направлений, включая и экономическую историю. Ретроспективно, полагает автор этой модели, стремящийся таким путем учесть в ней особенности отечественной науки, эти историцистские направления можно объединить в рамках некой «теории экономического развития», вырабатывавшейся русской экономической мыслью (*Гловели, 2008, с. 11–22; Гловели, 2008б, с. 146–147, 154*).

В рамках третьей модели история исторической школы и вовсе выступает лишь «предысторией» экономической истории как науки. Последняя рассматривается в качестве своеобразного «интеллектуального гетто», куда вынуждены были в результате внутринаучной конкуренции переместиться приверженцы так называемого «исторического», или «реалистического» направления, включавшего в свои ряды не только авторов исторических, но и сравнительных и эмпирических исследований, а также работ, обращавшихся к социальным проблемам и проблемам экономической политики.

Модель эта, широко распространенная в англо-американской историографии, предусматривает не только движение мысли от «политической экономии» к «economics», но и выделение на этом пути периода перехода экономической ортодоксальности от классической к неоклассической. Берущий начало с кризиса классической политической экономии после 1870 г. и завершившийся на исходе 1920-х гг. отделением (в некоторых странах институционально оформленным)

экономической истории от экономической теории, переходный период интересен, главным образом, противостоянием «исторических экономистов» и представителей ранней неоклассической ортодоксии (*Kadish, 1989; Koot, 1987*).

Рождение экономической истории как общепризнанной академической дисциплины вышедшими из этого противостояния «победителями» рассматривается в качестве едва ли не единственного значимого результата, полученного «историческими оппозиционерами», так и не сумевшими предложить аналитической альтернативы неоклассике. Для «проигравших», в большинстве своем пополнивших ряды сторонников неортодоксальных течений экономической мысли, напротив, результат этот малоинтересен. Куда больше их волнует «процесс», в котором ищутся упущенные возможности на пути создания институциональной, эволюционной экономической теории или вышеупомянутой теории экономического развития.

Хотя эта модель много хуже (в отличие от двух других) вписывается в общие схемы, созданные авторами существующих реконструкций истории русской экономической мысли, она, не без некоторых корректив, находит своих приверженцев. Так, например, ей следует М.Г. Покидченко, полагающий, что на рубеже XIX–XX вв. историческая школа в России, вынужденно уступая позиции в конкуренции с другими теоретическими системами и, прежде всего, марксизмом и маржинализмом, «суживала сферу своей деятельности от универсальной экономической теории (где на смену ей приходит институционализм) до истории народного хозяйства» (*Покидченко, 2005, с. 88*).

Первая модель ради демонстрации непрерывности развития науки нередко ищет корни экономической истории в творчестве А. Смита, умевшего успешно сочетать экономическую теорию и историю, изучая причины, которые предопределили экономический прогресс цивилизованных наций. Экономическая история, не утраченная, но «забытая» последователями, вновь обрела законное место в структуре науки после выхода на ее авансцену исторической школы. Третья же модель описывает по существу историю утраты

экономической наукой своей исторической составляющей, сокращения спектра изучаемых ею предметных областей, с дальнейшим ее определением и вовсе «по методу», а не «по предмету», т.е. историю «развода» экономики с историей. Не трудно заметить, что подобно первой схеме, она концентрирует обсуждение в плоскости методологии экономической науки и ее аналитических возможностей. В центре ее внимания в большей мере находятся вопросы о роли истории в экономической теории и теории в истории, связи теории с практикой в контексте противостояния «исторической экономики» уже с неоклассической ортодоксией. Дисциплинарная же история экономической истории, даже начальный ее период, охватываемый моделью, оказывается на периферии исследовательского внимания, превращаясь в малозначимый аспект исследования истории экономической мысли соответствующего периода.

При всех обозначенных выше отличиях моделей становления экономической истории в качестве самостоятельной научной дисциплины стоит обратить внимание и на присущие им сходные черты. Помимо того, что в центре их внимания находится фактически один и тот же период истории экономической мысли (хотя и с крайне неопределенными границами), крайне узок круг имен действующих в ней лиц, зачастую сводящийся к упоминанию одного лишь И.М. Кулишера. Заслуживает упоминания обнаруживающая себя дидактическая детерминированность дисциплинарного оформления экономической истории: неременное упоминание факта разработки и чтения названным экономистом университетского курса по этой дисциплине. И, наконец, все рассмотренные историографические схемы испытывают очевидное влияние западной историографии, пытаются вписать развитие русской экономической науки в выявленные ею «тренды», тем самым, подчеркивая несамоостоятельность последней⁵⁸.

⁵⁸ Г.Д. Гловели в своем учебном пособии называет И.М. Кулишера, с деятельностью которого связывает становление в России «академической экономической истории», даже не последователем, а «российским представителем» немецкой новой исторической школы (Гловели, 2011, с. 294).

Интеллектуальное «гетто», куда фактически в каждом из рассмотренных случаев помещает экономическую историю историко-мыслительный подход, оказывается одновременно историографическим «тупиком», выхода из которого он подсказать не может, поскольку, отслеживая движение идей, в качестве естественной и единственной единицы историографического анализа видит только «школы» и «направления» экономической мысли⁵⁹. Более того, его приверженцы, отстаивающие континуальные представления об историческом развитии науки, демонстрируют в последнее время стремление не столько уйти от «школьных» классификаций, сколько включить их (и тем самым в них «растворить») в рамки еще более широких и абстрактных объективно-идеальных сущностей, таких, например, как дискурс⁶⁰, парадигма или традиция.

Последние две мы не склонны отрывать друг от друга, полагая двумя сторонами одной медали. Парадигма как единица историографического анализа отнюдь не случай-

⁵⁹ Бесплодность подобного подхода демонстрирует автор одной из рассмотренных моделей. Вопреки собственным утверждениям о серьезном влиянии, оказанном на рубеже XIX–XX вв. исторической школой на все существовавшие в отечественной экономической науке направления, включая и «легальный марксизм», он подверг критике точку зрения Б. Ижболдина, который отнес таких видных его представителей как М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, и С.Н. Булгаков к достаточно гетерогенной русской исторической школе в политэкономии (читай — к числу «реалистических» или «исторических» экономистов). Предложив числить первого «зачинателем политэкономической школы русского циклизма», а двух других — «главными фигурантами в экономической мысли веховства» (*Гловели, 2008а, с. 7–8*).

⁶⁰ Если отвлечься от имеющегося в отечественной историографии экономической науки опыта изучения «дискурсивной практики» экономистов, то использовать дискурс в качестве единицы анализа невозможно оставаясь в рамках историографии как науковедческой, а не лингвистической рефлексии — самостоятельного направления изучения научных текстов в единстве их формы и содержания. В отечественной же практике понятие «дискурс» используется исключительно для обозначения единственной объективно-идеальной сущности, «отражающей использование в научном мышлении социально-ценностного подхода» и позволяющей вписать в структуру экономической науки русскую экономическую мысль, несущую печать социального, политического и идеологического контекста (см., например: *Каримова, 2007а, с. 31–42; Каримова, 2007б*).

но демонстрирует возросший к ней интерес со стороны исследователей именно в той ее ипостаси, которую они предпочитают именовать «традицией». Последняя, будучи основана на парадигме, тем не менее, перемещает «акцент с познавательной на нормативную» ее функцию, подчеркивает непрерывный, кумулятивный (а кумулятивизм, заметим, неотъемлемый атрибут историографического презентизма) характер развития науки. И отвечает, в этой связи, скорее целям и задачам традиционной историографии, стремящейся «отыскать в прежней науке непреходящие элементы, которые сохранились до современности», нежели историографии историцистской, ставящей задачу «вскрыть историческую целостность ... науки в тот период, когда она существовала» (Куна, 1975, с. 18).

Стремление поместить в пределы «традиции» школы, направления, теории, концепции, идеи и методы, направленность деятельности научных институций и даже хозяйственную практику, «растворившую» эти идеи и методы в себе, как и дифференцировать традиции по содержанию, функциям, способам существования (тематические и методические, имплицитные и эксплицитные и т.п.), — это не столько развитие концепции Т. Куна, сколько адаптация ее понятийного аппарата к нуждам «старой» докуновской историографии, существовавшей «в рамках антиисторического стереотипа»⁶¹.

Как результат, на более высокий парадигмальный уровень, призванный продемонстрировать непрерывность тех или иных мыслительных традиций, переносится кумулятивность «внутришкольного» развития науки. «Научная школа» как единица анализа попутно избавляется от своего «низкого» социального статуса — корпоративной научной структуры, всего лишь закрепляющей мыслительную общность, и обретает «высокое» когнитивное положение

⁶¹ Впрочем, подход Т. Куна некоторыми специалистами в области философии науки расценивается как направленный против распространения историцизма на историю науки. В грехе же историцистской его интерпретации обвиняются марксистские философы/историки науки советской эпохи (Печенкин, 2005, с. 71).

парадигмы/традиции — вместилища «разума». Другими словами, налицо движение по пути представления науки в качестве когнитивного образования — традиции, вобравшей в себя различные сегменты знания как деперсонифицированные, надысторические структуры, т.е. по пути, противоположному предложенному историцистской куновской историографией.

С этих же позиций следует расценивать факт востребования сторонниками «собирания традиций» в современной отечественной историографии экономической науки такого метода их анализа как «тематический анализ науки» Дж. Холтона (*Гловели, 2009б, с. 9; Ключкин, 2010а, с. 23–24*). Привлекательность тематического подхода, объясняющего динамику науки приверженностью ее творцов к определенной теме (темам), связана не только с ограниченностью (количеством последних) пространства историографического исследования, и, напротив, отсутствием границ на пути полета фантазии (воображения) исследователя. За всеми этими «достоинствами» подхода скрываются другие, куда более важные, его особенности. Во-первых, все та же ориентация на поиск непрерывности в развитии науки, выявление относительно устойчивых в ней структур, которые «объединяют внешне несоизмеримые и конфронтирующие друг с другом теории». Во-вторых, возможность анализа с помощью подхода лишь «той фазы работы ученого, в которой происходит зарождение новых идей». И, в-третьих, создаваемая подобным образом «теория творческого (тематического) воображения в науке», по признанию его автора, фактически независима «от эмпирического или аналитического содержания исследований», находящихся в поле зрения историографа, а также социального контекста, в котором те осуществляются (*Холтон, 1981, с. 7–9, 26*)⁶².

⁶² К сказанному следует добавить и тот факт, что тематический анализ, зарекомендовавший себя с лучшей стороны при изучении истории индивидуальной исследовательской траектории, неприемлем при исторической реконструкции исследовательских направлений. Тематическое подобие в работах разных ученых не может, как нам представляется, служить основой историографического анализа.

Выход из историографического «тупика» способен, на наш взгляд, предложить лишь историко-научный подход, который, являясь историцистским по своей природе, движется в прямо противоположном направлении в поиске оптимальной единицы историографического анализа. Движение это начал уже Т. Кун. В дополнении к своей знаменитой работе он рассмотрел структуру дисциплинарного научного сообщества, особо выделив существующие на самом низком его уровне элементарные структуры — «основатели и зодчие научного знания», члены которых разделяют элементы знания, названные им парадигмой. Впрочем, в этом смысле он предпочел именовать последнюю «дисциплинарной матрицей», с тем, чтобы не только учесть «обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине», но и привлечь внимание к совокупности элементов знания, выступающей организующим началом дисциплинарного сообщества (Кун, 1975, с. 229).

Научная дисциплина является первичной единицей внутренней дифференциации современной науки и в качестве таковой имеет фундаментальное значение для любого анализа развития науки. Она становится основной аналитической единицей в историко-научных исследованиях в силу ряда причин, среди которых с точки зрения последующего изложения следует выделить следующие. Во-первых, дисциплинарный уровень признается оптимальным для выявления как познавательных, когнитивных, так и социальных аспектов научной деятельности. Во-вторых, именно «через посредство научной дисциплины задается предметное и методологическое единство в исследовании некоторой данной области или определенного аспекта реальности» (*Дисциплинарность и взаимодействие наук*, 1986, с. 72). И, в-третьих, обращение к дисциплинарной организации знания оказывается крайне плодотворным с точки зрения изучения генезиса новых научных дисциплин.

Последний момент подчеркнем особо. Дисциплинарная организация может рассматриваться в качестве своеобразного «идеала», к достижению которого направлены усилия научного сообщества, долгое время осуществляющего раз-

розненные, нескоординированные исследования в какой-либо области научного знания. Поэтому через соотнесение с дисциплиной как «эталонной» единицей интеллектуальной и социальной организации науки могут быть представлены и описаны в историографии все прочие единицы анализа науки, выступающие фазами или этапами становления новой научной дисциплины (*Мирский, Юдин, 1980, с. 16*).

Ранжирование структурных единиц науки — будь то этапы становления дисциплины или уровни организации, на которых осуществляются уже внутридисциплинарные процессы — признается одной из самых слабо разработанных в науковедении проблем, к тому же крайне запутанной терминологически. Один из возможных путей ее разрешения усматривается даже в обращении к результатам историко-научных исследований, способных продемонстрировать «на каком этапе развития науки, в каких исторических формах ее организации и самосознания формируются те или иные единицы анализа, когда они превращаются в объект изучения и в одно из важных теоретических средств анализа науки» (*Огурцов, 1988, с. 243*).

Отсутствие исторических реконструкций истории науки, ставящих специальной целью выявление исторических «ликов» структурных единиц науки, заставляет обратиться к результатам преимущественно теоретических разработок (теоретической историографии науки), помимо того или иного видения проблемы дисциплинарной организации науки предлагающим определенный критерий различия между ее уровнями. С этой точки зрения, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности концепция Р. Уитли, отдающая приоритет «анализу микроуровня, более низкого, чем это обычно принято при изучении данного круга проблем, то есть того уровня когнитивной структуры, который находится ниже высокогенерализованных “парадигм”» (*Уитли, 1980, с. 219*)⁶³.

⁶³ Присутствующая здесь критика построений Куна является, на наш взгляд, безосновательной, поскольку тот полагал, что «элементы знания» (парадигма или дисциплинарная матрица) являются общими для всех уровней дисциплинарной организации науки, включая «элементарный».

В соответствии с данной концепцией, в известном смысле развивающей идеи Т. Куна, нижний, «элементарный» уровень организации науки представлен «исследовательской областью», состоящей из совокупности проблемных ситуаций, образующих непосредственную проблематику ученого и складывающихся из того, «что он пытается понять из области неопределенности, существующей в рамках тех когнитивных границ, в которых он работает» (Уитли, 1980, с. 232).

Подобно уровням организации более высокого порядка — специальности/дисциплине — исследовательская область характеризуется определенной степенью когнитивной и социальной институционализации (степенью «когерентности и организованности действий и восприятий»), которая рассматривается в качестве существеннейшего различия между этими научными структурами. Однако, при всех различиях между ними, автор, оттолкнувшись в своих рассуждениях от идеи ортогональности различных уровней организации науки как объектов институционализации, в их результате пришел к выводу о наличии между ними взаимодействия, существовании некоторого числа типов их комбинаций.

Один из таких типов связан с ситуацией низкой степени интеллектуальной и социальной институционализации специальности/дисциплины, в силу чего «уровень исследовательской области может оказаться для ученых более важным в качестве места их когнитивной и социальной идентификации» (Уитли, 1980, с. 247). В этом случае ученые определяют свою работу через совокупности проблемных ситуаций и создают социальные группы, объединенные наличием согласия в их определении, которые нередко оказываются неустойчивыми во времени. Их консолидация в более широкие совокупности (специальности/дисциплины) возможна на основе обретения общего языка научного общения, принятия единой аналитической модели, использования общих методик и т.д.

Предложенный понятийный аппарат, как и указанная типология взаимодействия различных уровней организации

науки, по мысли их автора, могут быть использованы в целях историко-научных изучений с учетом знаний о научном содержании той или иной сферы и ее прошлом, видения историком соответствующих ей интеллектуальных и социальных структур. Интегрируя его в наше исследование, заметим, что экономическая история может служить наглядным примером дисциплины с низкой степенью когнитивной и социальной институционализации и, напротив, сплоченной на уровне исследовательских областей. В настоящее время, не говоря уже об истории, дисциплина экономическая история не существует как замкнутое образование: составляющие ее исследовательские (проблемные) области крайне слабо интеллектуально и социально связаны между собой.

В силу чего в качестве единицы историко-научного изучения экономической истории целесообразно избрать исследовательские области, которые одновременно могут быть рассмотрены в качестве ступеней развития институционально так и не оформившейся научной дисциплины. К тому же, уровень исследовательской области оптимален в качестве места когнитивной и социальной идентификации исследователей, прежде всего, на начальном этапе становления экономической истории, в условиях постоянного «нарушения» дисциплинарных границ учеными, работавшими в прошлом во всем спектре дисциплинарных различий, что крайне затрудняет демаркацию границ новой дисциплины. При рассмотрении же проблемы в ретроспективе невнимание к данному факту чревато еще и модернизацией прошлого.

Избрание в качестве единицы историографического анализа исследовательской (проблемной) области, не позволяет игнорировать прозвучавшее в литературе предупреждение о том, что «проблемная область не совпадает с исследовательской областью, поскольку проблемы могут быть заданы извне и не получить адекватной формулировки на языке науки» (*Дисциплинарность и взаимодействие наук*, 1986, с. 115), обнаружившее еще один аспект обсуждаемой проблемы дисциплинарной организации науки. Не менее актуальной, чем выявление структурных уровней дисциплинарного сообщества или «масштабов» интеллектуальной, ког-

нитивной институционализации, является проблема того, что было определено Т. Куном как «разделяемые научным сообществом элементы знания». Или, другими словами, выяснение того, что скрывается за «совокупностью проблемных ситуаций» исследовательской области, по Р. Уитли.

Историко-мыслительный подход в историографии попросту игнорирует проблему «дисциплинарной матрицы», рассматривая дисциплину всего лишь как одну из многообразных объективно-мыслительных, когнитивных структур (идей, теорий и др.). Для историко-научного подхода вопрос о том, что объединяет членов научного сообщества, является во многом ключевым, поскольку ответ на него определяет предмет и задачи, осуществляемых историком реконструкций исследовательских областей или дисциплины в целом. Дисциплина в рамках данного подхода предстает уже не одной из многообразных объективно-мыслительных, когнитивных структур, неким объемом научного знания, а формой организации познавательной деятельности. Соответственно историко-научный анализ движется не от содержания знания к выстраиваемой вокруг него исследовательской деятельности, а в противоположном направлении (*Мирский, Юдин, 1980, с. 13–14*).

Объединение проблемных ситуаций в совокупности, по мнению Р. Уитли, возможно на основе сходства изучаемых феноменов, анализируемых материалов, а также общности используемых методик и правил получения значимой информации. Т. Кун в качестве основных элементов дисциплинарной матрицы, определяющих когнитивную структуру научного знания, называл систему разделяемых сообществом ученых правил научной деятельности, концептуальные модели, ценностные установки, определяющие выбор направления исследования, и, наконец, образцы конкретного решения проблем.

Согласимся, однако, с точкой зрения М.А. Розова, включившего в контекст анализа науки понятие «научной программы» и полагавшего, что за выделенными Куном (а эту критику можно распространить и на построения Уитли) элементами дисциплинарной матрицы «кроются

очень сложные программы, иногда изоморфные по своей структуре, иногда совпадающие в отдельных своих составляющих». К сожалению, они не получили должной проработки американского историка науки, взявшего «за основу своей типологии не программы и образуемые ими структуры, а ситуативно различные формы вербализации отдельных элементов этих программ» (Розов, 2008, с. 264).

Детализация дисциплинарной матрицы, осуществленная отечественным философом науки⁶⁴, дает в руки исследователей столь недостающий им понятийный аппарат для постановки задач исторической реконструкции науки. Дисциплинарная матрица — это не просто «совокупность элементов различного рода», составляющих целостность, природа которой была оставлена Куном за скобками его исследования, а множество взаимодействующих друг с другом «программ» — способов или механизмов организации и реализации познавательных процедур, частью вербализованных, частью заданных на уровне образцов. Программ, в рамках которых ученый осуществляет свою познавательную деятельность и которые, в конечном итоге, определяют дисциплинарную организацию науки.

Каждая дисциплина или исследовательская область как структурные единицы науки могут быть представлены в виде совокупности конкретных программ, отличающихся друг от друга по своим функциям в их составе. Это, прежде всего, программы получения/производства знания («исследовательские программы» в терминологии автора), а также программы отбора, организации и систематизации знания с целью их последующей трансляции и использования («коллекторские программы»). Программы, задающие способ (методы и средства) получения знания, в свою очередь, включают в себя широчайший спектр методических программ, т.е. программ «построения знания с указанием необходимых процедур», а также программ методологических, носящих

⁶⁴ В наиболее полном виде идеи представлены в: (Степин, Горохов, Розов, 1996, с. 70–190; Розов, 2008, с. 257–302). Подробнее о влиянии, оказанном на методологию историко-научных исследований моделью науки, предложенной М.А. Розовым, см.: (Кузнецова, 2004б, с. 311–355).

эвристический характер и представляющих собой «попытки использования в рамках одной научной дисциплины опыта других научных дисциплин» (Розов, 2008, с. 268).

Несравнимо более важная роль в дисциплинарной матрице отводится программам отбора, организации и систематизации знания или программам построения системы когерентных знаний о какой-либо проблемной/предметной области. В их составе выделяются программы референции, определяющие объект/предмет исследования, программы проблематизации, формулирующие его задачи, а также программы систематизации, трансляции и использования полученного знания. Именно эти программы, «задавая предметную область исследования и унифицируя методы и терминологию, конституируют научную дисциплину и порождают иллюзию ее замкнутости и парадигмальности» (Розов, 2004, с. 137–138).

Обратим внимание на одну из особенностей рассмотренной структуры дисциплинарной матрицы — наличие в ней заметного крена в сторону программ систематизации знания, «дидактической детерминированности» дисциплинарной организации, предполагающей движение от учебной дисциплины к научной. Это нетрудно объяснить той ролью, что возложена на них в авторских построениях: дополняя модель Т. Куна, они не только задают дисциплинарную организацию науки⁶⁵, но служат источником инноваций и решают задачу воспроизводства дисциплинарного сообщества. Столь важная роль, отводимая коллекторским программам, не мешает, однако, усомниться в правомерности включения в их состав программ проблематизации. Тем более что последние на начальных этапах разработки авторской концепции были частью именно исследовательской программы (Розов, 1987).

⁶⁵ Данной точки зрения придерживается подавляющее большинство науковедов. Ср.: «Возникновение дисциплинарного уровня организации науки обуславливается специфическими условиями функционирования знания в системе образования» (*Дисциплинарность и взаимодействие наук*, 1986, с. 122); «Научная дисциплина может быть определена как определенная форма систематизации научного знания» (Огурцов, 1988, с. 244).

Неубедительными следует признать как выдвинутый довод, что наличие сформулированных вопросов и задач может не предусматривать осуществления реальных исследовательских процедур, так и ссылку на необходимость в рамках систематизации знания фиксации вопросов, интересующих ученого. Трудно представить себе исследовательскую программу, которая бы не начиналась с выбора проблемы, постановки задач исследования и формулировки ждущих решения вопросов. Более того, вопросы, фиксируемые в рамках программ систематизации знания, отражают скорее специфические запросы программ, нередко являющихся частью уже сложившихся дисциплин и присваивающих результаты, полученные в самых разнообразных исследовательских областях, чем препятствуют формированию новых дисциплин.

Если программы проблематизации остаются частью программ систематизации знания, историк науки фактически теряет немалую часть аналитических возможностей рассматриваемого подхода. И прежде всего, он утрачивает декларируемую последним возможность определять специфику какой-либо научной области или наблюдать меняющийся вектор ее и, соответственно, дисциплины, развития, отслеживая доминирование на том или ином этапе дисциплинарной истории (и особенно на начальном) исследовательских или коллекторских программ (*Степин, Горохов, Розов, 1996, с. 108–111*). Практически неизбежно в этом случае признание решающей роли программ систематизации знаний в формировании дисциплин как экспериментальных, так теоретических или описательных, безотносительно к наличию или отсутствию в структуре дисциплинарной матрицы исследовательских программ или существованию очевидного конфликта последних с программами систематизации знания.

Исследовательские программы, в структуре которых присутствуют лишь методическая и методологическая составляющие, но отсутствует проблемная, неизбежно становятся программами «космополитами». Вследствие чего, их дисциплинарная принадлежность определяется *post factum* теми программами систематизации знания, которыми были

присвоены их результаты, а историко-научное изучение оказывается в плену презентистского подхода, ретроспективно реконструирующего искаженную траекторию развития дисциплины и отнюдь не только в силу работы историка науки в рамках современных программ систематизации знания.

Отталкиваясь от структуры дисциплинарной матрицы, предлагаемой рассмотренной концепцией с учетом сделанных уточнений, определим основную задачу историко-научного подхода в экономической историографии как реконструкцию исследовательских областей — объективных структур в развитии экономической истории, путем выявления, подробного описания составляющих их исследовательских программ и программ систематизации знания, определения путей формирования, способа функционирования, направлений развития и характера взаимосвязи последних (*Кузнецова, Розов, 1996, с. 7*).

С когнитивной стороны значительный интерес при историко-научном описании программ производства и систематизации знания представляет выяснение источников научной проблематики, предмета исследования, используемых методов и аналитического инструментария, способов теоретизирования, междисциплинарных связей, влияния, оказываемого на развитие других дисциплин и т.д. Социальная сторона указанных программ это: интересы, профессиональные навыки исследователей, кооперация ученых, занятых реализацией программ, формы социальной институционализации их научной и образовательной деятельности и представления результатов, внутринаучная коммуникация, а также социальный заказ, формируемый обществом, финансовое обеспечение исследований, практическое использование результатов и т.д.

Особо подчеркнем тот факт, что выявление и описание программ получения знания преследует, в качестве первоочередной, цель перенести акцент в историко-научном исследовании с анализа продукта науки на деятельность по его производству, изучение решаемых исследователем проблем, рассматриваемых им вопросов. Выявление и описание программ систематизации знания в рамках истори-

ко-научного исследования в противовес современному, во многом искусственному выделению предметной области экономической истории, не отражающему действительных границ внутри науки, позволяет наблюдать конкретную конфигурацию дисциплинарного поля историко-экономического знания в каждый конкретный момент дисциплинарной истории, что можно обозначить в качестве его (историко-научного исследования) предмета.

Потенциал рассмотренного выше подхода не исчерпывается, однако, возможностью определения с его помощью задач и предмета историко-научного изучения. Выделение в структуре дисциплинарной матрицы программ систематизации знания, позволяет получить представление о механизме междисциплинарных взаимодействий и связанной с ним дисциплинарной дифференциации экономической науки. И тем самым очертить контуры дисциплинарного поля историко-экономического знания, нанеся внутренние границы между разделами дисциплины, или, что то же самое, определить его предметную область, обнимающую несколько предметов, которые и поныне обозначаются названиями, несущими разную смысловую нагрузку.

В основе этого механизма лежит феномен «рефлексивного преобразования знания» или смена целевых установок научной деятельности при сохранении характера осуществляемых операций, благодаря которому в процессе развития науки «знания разной рефлексивной ориентации ассимилируют и разные коллекторские программы, представляющие собой разные научные дисциплины или их разделы» (Розов, 2008, с. 277). Картина дисциплинарной дифференциации экономической науки, которую позволяет создать данный подход, выгодно, своей «объемностью» и исторической достоверностью, отличается от традиционно допускаемого существования лишь одной неисторической субдисциплины, изучающей прошлое экономики, чье название, будь то «историческая экономика» или «история экономики» призвано указать на ее принадлежность к числу экономических дисциплин.

Выделение двух типов дисциплин — «предметной» и «методической» рефлексивной ориентации — позволяет го-

ворить, по меньшей мере, о трех элементах предметной области или трех возможных направлениях дисциплинарной организации историко-экономического знания в рамках экономической науки. Первый, называемый нами «историей экономики (хозяйства)», видится как результат предмет-предметной рефлексивной симметрии знания. Не вызывает сомнения тот факт, что интерес истории как науки о прошлой социальной реальности распространяется и на экономическую ее составляющую. Если же экономика изучает ту часть социальной реальности (общественной системы), которую называют хозяйством или экономикой, то в поле зрения этой науки неизбежно оказывается и прошлое этой реальности. Задачей истории экономики и в том и в другом случае является описание объекта, т.е. экономики или хозяйства, путем изучения преимущественно письменных источников от «античности до наших дней» и привлечения данных археологии и этнографии, если описание включает рассказ о «доисторическом хозяйстве». Подчеркнем, что описательная история экономических данных и событий лишь фиксирует факты, предпринимает попытки установления самых элементарных взаимосвязей между ними, но зачастую не демонстрирует даже робких попыток их обобщения.

Появление «истории экономики» в структуре экономической науки объясняется тем, что экономисты, как и историки, имели (и имеют) дело с данными об объекте своего исследования, уже ушедших в прошлое явлениях и завершившихся процессах. Поскольку доступная реальность заключалась в источниках этих данных, различия между ними, наличие навыков и умений работы с источниками, определили, в конечном итоге, разделение труда между историками и экономистами. Й. Шумпетер, напомним, хотя и называл утопичным требование владения экономистом латинской палеографией, не исключал этого, полагая, что техника исторического исследования должна входить в его арсенал. Поэтому нет ничего удивительного в том, что экономистов в истории привлекали темы, относящиеся к недавнему прошлому, а историки занимались отдаленными эпохами.

Стало уже достоянием учебных изданий по историографии исторической науки упоминание о традиционном едва ли не с античных времен преобладающем интересе истории к политическому прошлому и сравнительно недавнем (с середины XIX в.) его пробуждении в отношении прочих частей социальной реальности, в том числе и экономической. Историография экономической науки, в силу крайне незначительного интереса к этому вопросу, противоречива в своих оценках, в лице одних своих представителей отдавая приоритет экономистам, а в лице других — фиксируя факт более позднего, уже на исходе XIX столетия, их обращения к историческим разысканиям. Экономисты последовали по стопам историков, привлекая и подвергая изучению первоисточники, извлекая из них интересующую историческую информацию, а затем объединяя в своих монографиях установленные факты с целью создания картины «действительной хозяйственной жизни» в определенных хронологических и географических рамках.

Работы экономистов, «выступивших в тоге историка», привлекали особо пристальное, зачастую пристрастное, внимание профессиональных историков «реалистического направления», едва ли не обвинявших экономистов в незнании азов исторического ремесла. Приведем лишь один, но весьма характерный в этом отношении пример. В своей рецензии на книгу «К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века» (М., 1894) историк В.Н. Сторожев особо подчеркнул, что ее автор И.Н. Миклашевский, «как экономист, еще только пролагает путь в нашей литературе и, можно сказать, не имеет предшественника». Однако, отметив положительный результат этого вторжения на проблемное поле исторической науки экономиста, выразившийся в расширении круга вопросов заданных прошлому, историк констатировал отсутствие у того в арсенале методов работы с историческими источниками, в результате чего исследование превратилось в «толковый их пересказ» (*Сторожев, 1895, с. 115, 120*).

Историк русской экономической мысли В.В. Святловский на рубеже XIX и XX вв. усматривал причину низкого уровня развития «фактической экономической истории» в отечественной науке как раз в отсутствии интереса к этой области знания со стороны экономистов, которые «тщательно обходят черновую работу архивных разысканий и исторических исследований». За образец, достойный подражания, надлежало, поэтому, взять опыт других стран, в которых ученые, объединенные исторической школой в политической экономии, «дали такой драгоценный и капитальный вклад в науку как восстановление прошлой хозяйственной жизни» (*Святловский, 1904, с. 57–58*).

Впрочем, историческая школа (направление) в политической экономии, на взгляд историка экономической мысли, так и не свившая себе «прочного гнезда» в отечественной экономической науке, породила не только «фактическую экономическую историю», или «историю экономики» в вышеизложенном ее понимании, но и еще один элемент предметной области или направление дисциплинарной организации историко-экономического знания. Являющийся результатом уже предметно-методической рефлексивной симметрии знания, он может быть назван «исторической экономикой». Принципом, конструирующим в рамках экономической науки «историческую экономику», становится в этом случае исторический метод, из исследовательского инструментария превращающийся в начало дисциплинарной организации научного знания⁶⁶.

⁶⁶ На последний момент самое пристальное внимание обратил Й. Шумпетер, полагавший, что исторический метод в экономической науке, лежавший в основе программы исторической школы, не должен отождествляться с «совокупностью технических приемов историка» и «генетическим методом представления материала» (*Шумпетер, 2001, т. 3, с. 1064 (прим.)*). Некоторые исследователи, полагающие исторический метод «самым старым и испытанным из всех методов экономической науки», и вовсе связывают «с исторической рефлексией в отношении экономической реальности» рождение экономической науки, начинавшейся с истории хозяйства, и включают в число творцов последней всех (начиная с А. Смита) экономистов, хорошо владевших историческим материалом» (*Орехов, 2009, с. 140*).

Историческая экономика мыслилась как «синтез» истории хозяйства, достигаемый путем обобщения, построения типологий и классификаций, добытых историей хозяйства эмпирических фактов с целью построения исторических экономических теорий или теорий экономического развития (эволюционных теорий)⁶⁷. Такие теории должны были состоять, из общих понятий, не разорвавших окончательно связей с исторической действительностью, но в силу своей общности «родственных» категориям экономической науки, а также схем, конструируемых с помощью этих понятий и упорядочивающих факты хозяйственной истории. Построение подобных исторических теорий, хотя и не предполагает, но не исключает, проведения «синтезаторами» собственных исторических, основанных на архивных разысканиях, исследований. Поэтому «синтез» был доступен как для экономистов исторической школы, так и для историков, также стремившихся к широким обобщениям.

Й. Шумпетер обнаружил у представителей исторической школы два универсальных типа подобного «синтеза»: общую историю экономики, а также «систематизированную историю с акцентом на систему» (*Шумпетер, 2001, т. 3, с. 1077*). Указанные типы можно рассматривать не только как равнодоступные для представителей «исторической экономики», но и как этапы в развитии применяемого ими исторического метода. В первом случае мы имеем дело всего лишь со стремлением обнаружить единство в

⁶⁷ Сделанное уточнение необходимо в силу того, что разработка теорий, «привязанных» к тому или иному историческому периоду, не всегда связывалась с изучением явлений и процессов, характеризующих историческое развитие экономики. Отталкиваясь от исторического характера теоретической экономической науки, некоторые исследователи полагали оправданным существование теорий определенных исторических «формаций», «стадий» или «эпох». Однако, теоретическая экономия, на их взгляд, должна исследовать хозяйственные явления того или иного «исторического типа хозяйственного устройства» не со стороны «процесса их развития и преобразования одних форм этих явления в другие», а с позиций «сосуществования явлений и отсюда вытекающей связи и закономерности между ними; другими словами, она изучает хозяйственные явления в их статическом состоянии» (*Левитский, 1890, с. 61*).

многообразии исторических фактов, найти явления, которые представляются общими для разных стран, что и позволяет, упорядочив их хронологически или в соответствии с иным принципом, создавать «общую историю экономики». На этом, однако, движение не останавливается и на следующем его этапе истории надлежит уже «пополнить» теорию, объясняющую эти факты, устанавливающую взаимосвязь между ними, сводящую к основным причинам их вызывающим. Рождающаяся из истории схема-классификация представляет собой уже не историческую последовательность ступеней (этапов, периодов) хозяйственного развития, а результат теоретического обобщения, логическую конструкцию. Из методологического подспорья, позволяющего экономической теории использовать результаты исторических исследований о хозяйстве, эти схемы, однако, превращались в основную цель исторической экономики (которую нередко именовали и экономической социологией, понимаемой как стилизованная история экономики) ими оперирующей⁶⁸.

Впрочем, история отечественной экономической науки демонстрирует возможность прямо противоположного движения исследовательской траектории. И.М. Кулишер на начальном этапе своего творчества, строго следуя программе исторической школы, видел в исторических фактах всего лишь рабочий материал, необходимый для изучения «характерных особенностей» исторических эпох, присущих им «форм экономической жизни». В результате подоб-

⁶⁸ Мы игнорируем в данном случае тот факт, что на деле историческим фактам, в лучшем случае, уготована была участь быть «подведенными» под какую-либо априорную схему-теорию, втиснутыми в ее прокрустово ложе, даже ценой некоторого над ними насилия. Соглашась с тем, что экономист может быть как историком, так и теоретиком, А.А. Исаев, тем не менее, предупреждал об опасности «пополнения теории из истории» и стремления «вдвинуть исторические явления в рамки, которые ставит теория». Приверженцам исторической школы рекомендовалось по примеру А. Смита «выделить историческое изложение из теоретического», т.е. обратиться к описательной истории хозяйства способной дать всего лишь «яркую картину развития всех сторон ... хозяйственного быта» (*Исаев, 1887, с. 18*).

ного изучения «выясняется и последовательный ход развития исследуемого экономического института, как во всех отдельных фазисах, так и в его целом, как результат многовекового развития. Получается эволюционная теория» (*Кулишер, 1906, с. XXXI*). Однако, неудача в деле построения «новой эволюционной теории прибыли на капитал» заставила его не просто вернуть «случайные, побочные и второстепенные обстоятельства», отброшенные как мешавшие «строительству», но и приступить к поиску новых, сделав собрание исторических фактов и их упорядочение основным направлением своей последующей научной работы⁶⁹.

Об этом красноречиво свидетельствует программная статья «Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов» (само появление которой можно рассматривать как показатель начавшегося процесса дисциплинарной организации исторической экономики), в которой И.М. Кулишер определяет конечную цель историко-экономической науки как создание «всеобщей истории экономического быта Западной Европы». Лишь данью традиции выглядит присвоение высокого звания «теорий экономической эволюции» историческим схемам и классификациям, проанализированным в статье на предмет их пригодности для целей периодизации, а в дальнейшем и использованным им в качестве способа упорядочения накопленного наукой эмпирического материала, «канвы» для написания «истории хозяйственной жизни» (*Кулишер, 1908*).

Историзм немецкой исторической школы в экономической науке, вершиной которого стала разработка исторических схем как «сознательно-исторических абстракций»,

⁶⁹ «Гораздо сильнее автор в области конкретных фактов экономической жизни. Здесь его мышление движется несомненно тверже и увереннее, здесь он становится интересен и значителен», — отмечал в своей рецензии М.И. Туган-Барановский, предугадывая будущее (в том числе и сегодняшние) комплименты в адрес автора «Истории экономического быта Западной Европы». При этом, однако, предостерегал его от неоправданного желания называть итоги обобщения хотя и огромного, но литературного материала, «результатом самостоятельных исследований в области экономической истории» (*Туган-Барановский, 1908, с. 186–187*).

привлек внимание представителей не только отечественной исторической школы, но и марксизма, также настаивавших на закономерности процесса хозяйственного развития и существовании теорий отдельных исторических формаций. Критикуя эмпиризм исторической школы как главную причину низкой ее научной «производительности», они восторженно встретили появление работ «конструирующих» исторический процесс, сводящих исторические факты и явления в «социальную систему», расценив их как вызов устоям исторической школы и движение в направлении методологии марксистской политической экономии как теории исторического развития экономических отношений (Степанов, 1903; Степанов, 1905).

Преодолевая «методологическую нерешительность» исторической школы, представители марксизма выступали за ретроспективное построение теорий уже исчезнувших хозяйственных форм. Научным способом «овладения историческим материалом» объявлялся «абстрактно-теоретический анализ», понимаемый как обобщение и упрощение исторически наблюдаемых экономических отношений. Соответственно экономическая теория минувших эпох не мыслилась в отрыве от истории их хозяйства и наоборот. «Когда метод одной науки повсюду применим в другой, но дополняется в ней специальными приемами более частного характера, — писал А.А. Богданов, — тогда вторая наука может с полным основанием рассматриваться как частная область первой. Именно в таком отношении находится ... историческая теория познания к другим наукам о жизни» (Богданов, 1901, с. 162). На платформе марксизма шло формирование «марксистской исторической политической экономии» как неотъемлемой части «исторической экономики».

Именно одному из марксистов, некоторое время являвшемуся приверженцем историзма в экономической науке, а в дальнейшем под лозунгом ее «теоретической свободы» выступившему с критикой «исторического предрассудка», довелось заложить основы третьего элемента предметной области или направления дисциплинарной организации историко-экономического знания. «Экономическая исто-

рия», как можно его назвать, также является результатом предметно-методического рефлексивного преобразования, однако конструирующим ее принципом выступает уже абстрактно-логический метод экономической науки. В ее рамках на смену исторической интерпретации экономических явлений или, по словам П.Б. Струве, «оплодотворению политической экономии историей» приходит экономическая интерпретация исторических явлений — «оплодотворение истории политической экономией».

Экономическая история должна в полном объеме использовать аналитический инструментарий экономической науки, переосмысливая исторический материал, интерпретируя факты с помощью выработанных ею понятий и концепций. Экономическими историками могут выступать не только историки, потрудившиеся овладеть экономическими знаниями — «историки, изучающие хозяйственный быт», но и экономисты, «истолковывающие историческую действительность». Освоившие ремесло историка, они с самого начала исследования подходят к исторической реальности как экономисты, формулирующие вопросы и осуществляющие сбор и обработку эмпирического исторического материала в соответствии с подходами, теориями, приемами и понятиями экономической науки.

Основы такого понимания предмета историко-экономической науки были изложены на страницах работы, которая, по словам ее автора П.Б. Струве, выступила «монографической разведкой», торящей путь «в области, где до сих пор все обобщения покоились на зыбком фундаменте мнимо-исторических идей» (*Струве, 1913а, с. XXXV*). Опубликованная вскоре речь на диспуте, посвященном защите этой монографии в качестве магистерской диссертации, озаглавленная «Теория политической экономии и история хозяйственного быта», может считаться манифестом еще одного направления дисциплинизации историко-экономического знания, которое, по мысли автора, способно было обеспечить ему самостоятельный статус, недоступный в рамках «исторической экономики». В отличие от простого описания хозяйства прошлого и «традицион-

ного историзма» экономической науки, использовавшего «сознательно-исторические абстракции», «история хозяйственного быта как самостоятельная научная дисциплина есть обработка исторического материала о хозяйственной жизни при помощи систематических категорий политической экономии, которые сами вовсе не суть “исторические” понятия» (*Струве, 1913в, с. VI–VII*).

В отличие от исторических экономистов, для которых история ставила пределы, оценивала научную «законность» их абстракций, препятствуя построению оторванных от исторической реальности «схоластических» понятий, экономический историк, по мнению П.Б. Струве, напротив, должен стремиться к последовательному использованию всех абстрактных теоретических понятий, выработанных экономической наукой. Высокая степень их абстрактности или «утопичности» выступает залогом научности создаваемой истории, поскольку исключает возможность «насилия теории над историей, идеально-типических понятий над реальным многообразием и многоцветностью действительности» (*Струве, 1913в, с. VIII–IX*)⁷⁰. Предпринимавшиеся (как правило, историками) попытки истолкования хозяйственных отношений прошедших эпох с помощью «абстрактных» понятий, и приводившие к модернизации этих отношений, оказались неудачными именно в силу их недостаточной абстрактности, заимствования их не столько из арсенала экономической теории, сколько из социологии или даже публицистики.

Весьма красноречив вывод, которым П.Б. Струве завершил изложение своего видения проблем экономической истории: «известные основные категории политической экономии конституируют, образуют самое понятие хозяйства и хозяйственной жизни» (*Струве, 1913б, с. 198*). Он свидетельствует, что экономическая история обозначает

⁷⁰ В данном случае, мы отвлекаемся от авторского понимания экономической науки, тем более претерпевавшего со временем изменения. Для нас важнее неприятие им экономических категорий, связанных с породившим их историческим и социальным контекстом, и стремление, вслед за К. Менгером, формулировать понятия «чистой» экономической науки.

границу предметной области историко-экономического знания во многом противоположную той, на которой расположилась «история экономики». В отличие от эмпирических описаний объекта — хозяйства, создаваемых последней, «экономическая история» является дисциплиной, для которой «хозяйство» из объекта науки становится предметом. Экономическая наука предлагает свое видение или понимание данного объекта, используя стандартный для этого времени аналитический инструментарий и понятийный аппарат. Промежуточное положение между ними занимает, соответственно, «историческая экономика» с ее попытками построения исторических моделей, максимально к этой объективной исторической реальности приближенных, которые, однако, чаще использовались ею для упорядочения эмпирического материала.

Определение предметной области, к которой относятся исследовательские (проблемные) области как единицы историографического анализа экономической истории, выступает обязательной предпосылкой использования методов исследования, релевантных дисконтинуальным представлениям об историческом развитии экономической науки. Традиционный историко-мыслительный подход в историографии экономической науки, ретроспективно очерчивающий непрерывную линию развития дисциплины, точно ведущую к заданной цели — современному ее состоянию, проводит дисциплинарные границы, прибегая к модернизации прошлого. Историко-научный подход, с целью преодоления методологии кумулятивизма/презентизма, должен настолько это возможно четко методологически и исторически размежевать дисциплинарное поле, добиваясь предметной привязки исследовательских областей, чем в известном смысле достигается принципиально иная, нежели в традиционной историографии непрерывность историко-научных построений, выполненных в его рамках.

Исследовательской области как микро- уровню дисциплинарной организации науки и требованиям исследовательских задач наиболее соответствует и микроаналитическая стратегия исторического ее изучения, представленная

методом комплексного исторического анализа кейс-стадиес (case studies)⁷¹, или так называемая ситуативная историография. Некогда занимавший самый низший «примитивный» уровень («наивно-реалистическое» направление историографии) в иерархии методов историко-научного исследования, он в настоящее время рассматривается как альтернатива уже не только методу рациональной реконструкции науки, но методам реконструкции исторической, а точнее — макроисторической. Если ученые, изучающие экономическую, социальную или политическую историю, вынуждены нередко осуществлять обобщения на основе малого числа особых случаев, то историки науки, осуществляя макроисторические реконструкции, представляют отдельные события в качестве не более чем иллюстраций «общих тенденций» развития научного знания. Или априорной схемы, накладываемой на конкретную историческую реальность и либо отбрасывающей все не «вписывающиеся» в нее элементы, либо истолковывающей их в ее духе.

Микроисторический метод, напротив, позволяет охватить анализом практически все уровни этой реальности, все аспекты и взаимосвязи «ситуации» или «случая». «Локальная ситуация, — подчеркивает Р. Коллинз, — является отправной, а не конечной точкой анализа. Микроситуация не есть нечто индивидуальное, но проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро-сколь угодно большого масштаба. Вся человеческая история состоит из ситуаций» (Коллинз, 2002, с. 67).

⁷¹ Метод изучения кейс-стадиес является одним из методов качественного (квалитативного) анализа, находящихся в арсенале социальных наук, включая и экономическую. Однако методом недооцененным, нередко даже относимым к числу ненаучных, как и прочие методы качественного анализа, что стало результатом господства в пределах социальных наук представлений приверженцев научного идеала естествознания с их стремлением к открытию универсальных законов. В силу этого, метод гораздо шире применяется в педагогической практике, как обучение на конкретных примерах, нежели в науке. Что крайне негативно сказалось на его разработанности в методологии и логике науки (подробнее см.: *What is a case? 1992; Flyvbjerg, 2011*).

Распространение ситуативных исследований в историографии науки свидетельствует об отказе от кумулятивистских, линейных моделей развития науки и получающем признании взгляде на историю науки как на совокупность индивидуальных ситуаций-случаев, обладающих определенной, хотя и относительной, независимостью. Считается, что переход к историографии науки, в которой главным методом реконструкции выступают ситуативные исследования, позволяет рассматривать ту или иную ситуацию в истории «как некий фокус, средоточие всех проблем историко-научного анализа», которые «перестают быть отдельными самостоятельными предметами изучения, а оказываются сторонами одного события, приобретают эвристическую силу для понимания самих этих событий» (Маркова, 1993, с. 345).

Ситуативная историография преодолевает и презентизм традиционных историко-научных реконструкций, для которых интерес в прошлом представляют лишь те элементы научного знания, что присутствуют в современном его состоянии. История должна регулярно переписываться, подстраиваясь под меняющуюся «современность», что неизбежно, как отмечалось выше, если историк науки работает в рамках современных ему программ систематизации знания. В исторических исследованиях типа кейс-стади «современное историческое состояние научного знания утрачивает свои “привилегии”». Переключки между событиями, взятыми из разных временных точек, предполагает “равноправие” переговаривающихся сторон, даже если одна из временных точек является для историка современностью. ... Дело обстоит, следовательно, таким образом, что не вся история подстраивается под современность, а каждое событие в любой момент времени изучается как средоточие всей истории» (Маркова, 1992, с. 69).

Исследование события в истории науки предполагает рассмотрение совокупности как когнитивных, так и социальных признаков, характеризующих его как эпицентр исследовательских интересов, с учетом исторического их характера, как и исторической природы самого подхода. Поэтому социальность/контекстуальность в рамках ситуа-

ционных исследований интерпретируется иным, нежели в традиционной историографии способом, т.е. не понимается лишь как совокупность внешних по отношению к науке факторов, определяющих направление развития науки, или даже как влияние социальных отношений внутри научного сообщества на содержание научного знания. «В рамках кейс-стади мы наблюдаем существование не только логических, познавательных и нелогических, социальных в самом широком смысле слова характеристик ученых (так было в научном сообществе), но уже пребывание в некоторой единой целостности исторического события наряду с логическими пристрастиями ученых, их личностных характеристик, также целей, намерений, особенностей многих других действующих лиц» (Маркова, 2001, с. 78).

Тенденция социологизировать научное знание в его истории, или рассматривать научное знание как результат социального его конструирования, лежит в основе социологии научного знания — подхода к познанию науки, исследующего ее как социальную реальность и заинтересовавшего историков экономической мысли открывающейся возможностью всесторонней методологической критики традиционных подходов к предмету их изучения. Предприняв достаточно осторожный анализ «плюсов» и «минусов» от использования историками экономической науки методов социального конструктивизма, они увидели в социологии научного знания новые, отличные от предлагаемых философией науки, возможности его исследования (Emmet, 2001)⁷².

⁷² Даже сторонники традиционных историографических подходов полагают, что социологический анализ способен обеспечить связь экономической методологии с историей экономической мысли (Coats, 2003, p. 513–514). Гораздо ближе, однако, «новая парадигма» социальных наук приверженцам дескриптивной методологии, полагающим историографию экономической науки одной из форм последней, которая может базироваться на социологии научного знания, подобно тому, как традиционная нормативная методология экономической науки основывается на философии науки. Только в последние годы обозначились попытки обращения к широкому спектру подходов, предлагаемых социологией научного знания, в отечественной историографии экономической науки (Болдырев, Кирчик, 2011).

Социальный конструктивизм как реформистский подход в историографии науки, подрывающий традиционное понимание науки, открывает возможности для более насыщенного и комплексного обсуждения проблем истории знания, преодолевает оппозицию между его содержанием и контекстом, избегая при этом редукционизма целого ряда версий социологии науки. Перспективы конструктивизма видятся его сторонникам, прежде всего, в утрате историей науки своей нацеленности на изучение «прогресса» научного знания, его кумулятивного накопления на пути движения к современному состоянию, в предоставлении крова представлению истории как дисконтинуального и во многом случайного процесса. Рассматриваемый в качестве прагматической поддержки методологического релятивизма, конструктивизм открывает пути историзации науки и ее категорий, способствует утверждению исторической реконструкции в качестве оппозиции реконструкции рациональной, в распространении взгляда на знание как на исторически, контекстуально обусловленную интерпретацию (*Golinski, 2001; Golinski, 2005; Weintraub, 2001*).

В более широком смысле социология знания расширяет объясняющие возможности историка экономической науки, прежде всего, благодаря: преодолению презентистского (ретроспективного) подхода к истории науки; приверженности контекстуальному анализу, раздвигающему поле историко-научного исследования за счет включения в него не только познавательной, но и социальной составляющей знания; нацеленности на согласование научного/когнитивного и контекстуального/социального в качестве основной задачи исторического объяснения науки, а также сугубо эмпирическому взгляду на научную практику как предмет историко-научного изучения с традиционным описательным его микроанализом. Последний момент подчеркнем особо. Историческая социология знания, привлекая внимание к роли людей как социальных акторов, к факту создания, производства ими научного знания с использованием доступных материальных и интеллектуальных ре-

сурсов, переносит акцент с изучения филиации научных идей, развития мыслительных, когнитивных структур, на исследование научных практик⁷³.

Но, пожалуй, самое главное — это опора социологии научного знания на ситуативные исторические исследования, эти преимущества аккумулирующие. Наличие тесной взаимосвязи между новыми идеями и представлениями в социологии научного знания и методами исследования в историографии экономической науке подчеркнем особо. С точки зрения Л.А. Марковой, именно переход от традиционной историографии науки к ситуативной, в которой социальные моменты становятся составляющими целостного историко-научного события, и позволил, в конечном итоге, говорить «о новом понимании социальности, которое распространяется и на содержательную сторону научного знания» (Маркова, 2010, с. 415)⁷⁴.

Ситуативная историография трансформирует не только понятие контекстуальности/социальности науки, но и характерной для метода комплексного изучения совокупности индивидуальных событий-случаев дисконтинуальности историко-научных построений. Несмотря на то, что новое историографическое направление отказывается от выявления преимущества отдельных событий в развитии науки, специалисты сравнивают их с воронкой, «в которую втягиваются и предшествующие события, и последующие, хотя предмет изучения характеризует насто-

⁷³ Свидетельством возрастающего, в этом смысле, влияния социологии научного знания на сообщество историков экономической мысли можно считать тот факт, что ежегодная конференция Европейского общества истории экономической мысли 2010 г. была посвящена практикам экономистов — «The Practices of Economists in the Past and Today». По ее материалам был подготовлен специальный выпуск журнала «European Journal of the History of Economic Thought» (подробнее см.: Maas, Mata, Davis, 2011).

⁷⁴ Впрочем, существует и другой взгляд на проблему. С точки зрения французского историка науки Д. Пестра, изучение локальных ситуаций в историографии науки, представляющее «собственную версию микроистории», стало откликом на «идейное и методологическое влияние “социальных исследований науки”» (Пестр, 1996, № 4, с. 55).

ящее, “теперь”, пусть даже это “теперь” и относится хронологически к прошлым векам» (Маркова, 1996, с. 425)⁷⁵.

Другие способы взаимодействия событий во многом определяются исследователем, стремящимся обнаружить «всеобщность» каждого исследуемого им случая. Выше мы указали на такой исходный пункт решения данной проблемы как привязка изучаемых локальных ситуаций, в нашем случае — исследовательских областей историко-экономического знания, к определенной части его предметной области. К этому следует добавить еще одно условие — наличие у каждого события-случая одинаковой структуры, в нашем случае соответствующей структуре исследовательской области и включающей программы производства и систематизации научного знания, а также общего понятийного аппарата, пригодного для изучения любого эпизода. Что позволит не только обнаружить «всеобщность» в них, но даже, в известном смысле, наблюдать развитие их во времени как вереницу конкретных и взаимосвязанных исследовательских областей («караван историй»), в каждый его момент демонстрирующую меняющиеся контуры дисциплинарного поля историко-экономического знания.

Взаимодействие событий, таким образом, во многом достигается их стратегическим выбором исследователем. При этом избрание исследовательской области в качестве единицы историографического анализа и установление ее внутренней структуры выступает результатом обращения к теоретической историографии науки и предваряет исто-

⁷⁵ Р. Коллинз, характеризуя анализ локальных ситуаций как исследовательскую технику и эксплицитную эпистемологию, воспринятую ветвью социологии науки, изучающей локальное производство научного знания, также подчеркивает тот факт, что «никакая локальная ситуация не является одиночной; ситуации окружают друг друга во времени и пространстве. Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро- (как если бы он находился в другом месте), но как разворачивание спирали микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом; причинность, — если угодно деятельность (agency) — проистекает извне вовнутрь так же, как и изнутри вовне. То, что случается здесь и теперь, зависит от того, что случилось там и тогда» (Коллинз, 2002, с. 67).

рико-научное исследование. В рамках последнего объекты микроанализа выступают уже не в качестве логической конструкции, а исторической эмпирии — исторически конкретных исследовательских (проблемных) областей историко-экономического знания, получивших хотя бы частичную когнитивную и социальную институционализацию в отечественной науке рассматриваемого периода.

К уже обозначенным особенностям кейс-стадис следует добавить лишь их направленность на глубокое, многостороннее, систематическое и детальное описание научных практик и программ. Рациональные реконструкции, как это уже отмечалось, претендующие на аналитичность своих построений, восстанавливают логику развития науки, ценой утраты исторической достоверности. Макроисторические реконструкции создают «большие» нарративы, рисуящие крупномасштабные картины развития экономической мысли, расставляющие историографические события во временной последовательности, которая, однако, часто оказывается ложной, не учитывающей многообразия причин, их порождающих. Акцентируя внимание на развитии дисциплины во времени, нарративная методология отводит описаниям служебную роль. Ситуативная историография возвращает методам описания самостоятельное значение, в стремлении объяснить конкретные события истории науки, анализируя куда более широкий спектр причин их обуславливающих.

Исследование, единицей историографического анализа которого выступают исследовательские области, в силу методологической необходимости становится микроописанием, охватывающим все уровни изучаемого объекта и все его взаимосвязи. Подобное исследование предполагает интенсивный и по возможности исчерпывающий анализ источников историографической информации, раскрывающий смысл историко-научных фактов, характеризующих программы производства и систематизации историко-экономического знания в рамках той или иной исследовательской области. Появляющееся в результате «плотное» или «насыщенное» описание «синтезирует, соединяя в объяснительную схему, самые разные способы видения данной

ситуации или проблемы, с точки зрения каждого вовлеченного в нее действующего лица или социального агента. Исчерпывающий и плотный анализ “микроисторического пространства” непосредственно подводит историка к горизонту глобальной истории...» (*Рохас, 2008, с. 152*). В получении насыщенных описаний можно, следовательно, усмотреть еще один способ достижения «всеобщности» результатов ситуативных исследований.

Следует также подчеркнуть, что «описательность» ситуативной историографии принципиально отличается от подобной черты традиционной позитивистской историографии, подобно библиографии описывающей и аннотирующей книги или статьи того или иного автора, той или иной «школы» и «направления». Отлична она и от описаний истории экономической мысли, претендующих на аналитичность в силу рассмотрения движения неких абстрактных когнитивных сущностей (идей, теорий, концепций и т.д.) с позиций ныне господствующих научных направлений.

И связаны эти отличия, в первую очередь, с контекстуальностью предлагаемых ситуативной историографией описаний. А также их с организацией при помощи категориального и концептуального аппарата науковедения, теоретической историографии науки, благодаря чему историографические факты обретают силу научного объяснения. Исходя из выделенной единицы историографического анализа — исследовательской (проблемной) области — ситуативная историография, осуществив идеографическую их реконструкцию, позволяет исследовать всю совокупность как когнитивных, так и социальных аспектов развития дисциплины экономической истории.

Метод комплексного исторического анализа кейс стадис, таким образом, имеет все основания для использования в историографии экономической науки, поскольку содержит богатый эвристический потенциал, способный серьезно усилить научно-методологические основания историографического исследования, расставить новые акценты и найти нюансы, меняющие представления о дисциплинарном развитии историко-экономического знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие экономической историографии за более чем полувековую историю этой исследовательской области в нашей стране прошло этапы, характерные для историографии любой научной дисциплины: от регистрации, учета историографических фактов, преимущественно появления книг или иных научных работ историко-экономического содержания, до упорядочения этого библиографического материала при помощи историографических схем. Схем, чаще всего заимствованных у «общей историографии» и истории экономической мысли (политической экономии) и носивших жестко заданный идеологический характер, попытки вырваться за рамки которых приводили к историческому рассмотрению проблематики научных исследований, группируемых в соответствии с марксистской же периодизацией экономической истории. Фиксируя поверхностное сходство историографического (библиографического) материала, создавая иллюзию целостности дисциплины, подобные схемы во многом препятствовали формированию раздела историографии, ответственного за создание специфического облика экономической истории как науки и изучение дисциплинарного ее бытия, или вступлению экономической историографии в этап дисциплинарной истории.

В историографической практике господствующим оказался подход, усматривавший основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом. Позитивная разработка проблем, содержащихся в концепции экономической интерпретации истории, регулярно расширяла границы экономической историографии, вводила исследователей за пределы собственно историко-научных изучений, блокировала дисциплинарную рефлексию. Господство марксистской теории исторического развития заставляло исследователей исходить при изучении истории дисциплины из факта свершившегося «синтеза», слияния

истории и экономики в единую науку, игнорировать дисциплинарную принадлежность экономической истории, наличие, как у исторической, так и у экономической науки собственных областей исследования, связанных с изучением прошлого экономики. Во многом вследствие этого проблемы экономической историографии не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки, в рамках которой не произошло становления особого исследовательского направления — истории экономической истории как науки, или ее дисциплинарной истории. Направления, предлагающего принципиально «внешний» взгляд на предмет историко-научного изучения, формулирующего и решающего собственные исследовательские задачи, не связанные с решением исключительно внутринаучных проблем.

Немалая доля вины за это должна быть возложена на историографию экономической науки, выработавшую собственные методологические подходы историко-научного исследования, но, по существу сводившуюся к предыстории марксизма, с акцентом на историю научных идей и преемственности в их развитии — прогрессивном, непрерывном и кумулятивном. Движение в сторону презентистского/абсолютистского рассмотрения прошлого истории экономической науки продолжилось в постсоветский период в связи с освоением опыта западной историографии экономической науки, с присущим ей методологическим анахронизмом ретроспективного прочтения текстов, (ре)конструированием истории с использованием современного категориального и понятийного аппарата, и шире — аналитического инструментария, современного «стиля мышления». Презентизм лишил историю экономической мысли собственного предмета, отличного от предмета современной экономической теории, функции производителя нового историко-научного знания. Рациональные/презентистские реконструкции потому и оказались приоритетным историографическим направлением, что обеспечивают современное понимание старых идей и теорий, создают основание для новой теоретической работы.

Обретение историей экономической мысли собственного предмета связано, в первую очередь, с преодолением презентизма. Освобождение от интеллектуальной зависимости от развития предмета экономической теории, отказ от выполнения роли поставщика «новых» аналитических достижений или интерпретатора «старых», неизбежно ведет к противоположному полюсу оппозиции презентизм — историцизм, к необходимости определения предметной области дисциплины, нацеленной на изучение собственной истории мысли, с неизбежной же оценкой иррациональных моментов в ней.

Помещение экономического знания в контекст, равнозначное признанию факта его создания в режиме реального времени, смещает центр исследовательского внимания от научных идей к процессам их производства, т.е. к экономистам и их интересам, конкретным научным сообществам и характерной для них практике, научным институтам или месту, где знание было произведено. Объект исследования уже не ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста, или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Объект, будь то дисциплинарная практика, механизмы рождения и распространения идей или знакомая по учебникам «борьба и смена экономических теорий», рассматривается как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов.

Результатом процесса преодоления презентистской ориентации историографии экономической науки стала поляризация историографических позиций, ведущая к размежеванию двух разделов дисциплины. Понятия «история экономической мысли» и «история экономической науки» уже не воспринимаются как синонимы, они соотносятся с определенными историографическими подходами — презентистским и историцистским соответственно, что можно расценивать как свидетельство начавшегося процесса самоидентификации отдельных историко-научных субдисциплин.

История экономической мысли (историко-мыслительный подход в историографии), теснейшим образом связана с современной экономической наукой, ведет рассказ об интеллектуальном ее развитии, осуществляет рациональную реконструкцию старых идей. История экономической науки (историко-научный подход в историографии) преследует собственные дисциплинарные — историко-научные — цели. Исследуя возникновение и упадок дисциплин, она не просто смещает внимание с теорий и доктрин на научную и образовательную дисциплинарную практику, но пытается добиться баланса между исторической работой по изучению последней и теоретической работой по интерпретации научных экономических текстов.

Историко-научный подход в историографии экономической науки первичной аналитической единицей историографического исследования избирает научную дисциплину, а в случае с экономической историей — дисциплиной с низкой степенью когнитивной и социальной институционализацией — исследовательскую область, выступающую этапом становления научной дисциплины. Последняя предстает уже не одной из многообразных объективно-мыслительных, когнитивных структур, неким объемом научного знания, а формой организации познавательной деятельности. Соответственно историко-научный анализ движется не от содержания знания к выстраиваемой вокруг него исследовательской деятельности, а в противоположном направлении. Используя категориальный и концептуальный аппарат современной философии и социологии науки, историко-научный подход представляет исследовательскую область как совокупность конкретных программ производства знания («исследовательских программ»), а также программ отбора, организации и систематизации знания с целью их последующей трансляции и использования («коллекторских программ»).

Основной задачей историко-научного подхода становится реконструкция исследовательских областей как объективных структур в развитии науки/дисциплины, путем выявления, подробного описания составляющих их иссле-

довательских программ и программ систематизации знания, определения путей формирования, способа функционирования, направлений развития и характера взаимосвязи последних. Выявление и описание программ систематизации знания в рамках историко-научного исследования в противовес современному, во многом искусственному выделению предметной области экономической истории, не отражающему действительных границ внутри науки, позволит наблюдать конкретную конфигурацию дисциплинарного поля научного знания в каждый конкретный момент дисциплинарной истории.

Историко-научный подход в историографии экономической науки при изучении проблемы начала экономической истории как экономической дисциплины обнаруживает на дисциплинарном поле историко-экономического знания несколько самостоятельных субдисциплин, ныне обозначаемых общим «дисциплинарным именем». Это не только заставляет историка, реконструирующего дисциплинарное прошлое, самое пристальное внимание обратить на историю их конкуренции, завершившуюся «пирровой» победой одной, приведшей дисциплину к упадку, но и ставит перед необходимостью учитывать их предметную специфику. Определение предметной области, к которой относятся исследовательские области как единицы историографического анализа экономической истории, выступает обязательной предпосылкой использования методов исследования, релевантных дисконтинуальным представлениям об историческом развитии экономической науки. Предметной привязкой исследовательских областей подход добивается принципиально иной, нежели в традиционной историографии непрерывности историко-научных построений, выполненных в его рамках.

Исследовательской области как микроуровню дисциплинарной организации науки и требованиям исследовательских задач наиболее соответствует и микроаналитическая стратегия исторического ее изучения, представленная методом комплексного исторического анализа кейс-стадиес (case studies), или так называемая ситуативная историо-

ография. Некогда занимавший самый низший «примитивный» уровень («наивно-реалистическое» направление историографии) в иерархии методов историко-научного исследования, он в настоящее время рассматривается как альтернатива уже не только методу рациональной реконструкции науки, но методам реконструкции исторической (макроисторической).

Распространение ситуативных исследований в историографии науки свидетельствует об отказе от кумулятивистских, линейных моделей развития науки, стремлении преодолеть презентизм традиционных историко-научных реконструкций, приверженности контекстуальному анализу, раздвигающему поле историко-научного исследования за счет включения в него не только познавательной, но и социальной составляющей знания; нацеленности на согласование научного/когнитивного и контекстуального/социального в качестве основной задачи исторического объяснения науки, а также сугубо эмпирическому взгляду на научную практику как предмет историко-научного изучения с традиционным описательным его микроанализом.

Исследование, единицей историографического анализа которого выступают исследовательские области, в силу методологической необходимости становится микроописанием, охватывающим все уровни изучаемого объекта и все его взаимосвязи — программы производства и систематизации историко-экономического знания. Наличие у каждой исследовательской области одинаковой структуры, а также общего понятийного аппарата, пригодного для изучения ее элементов, позволяет не только обнаружить «всеобщность» в них, но и наблюдать развитие дисциплины во времени как вереницу конкретных и взаимосвязанных исследовательских областей, в каждый его момент демонстрирующую меняющиеся контуры дисциплинарного поля историко-экономического знания.

Избрание исследовательской области в качестве единицы историографического анализа и установление ее внутренней структуры, ставшие результатом обращения к те-

оретической историографии науки, лишь предваряют собственно историко-научное исследование. В рамках последнего объекты микроанализа выступают уже не в качестве логической конструкции, а исторической эмпирии — исторически конкретных исследовательских областей историко-экономического знания, получивших хотя бы частичную когнитивную и социальную институционализацию в отечественной науке рассматриваемого периода.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абалкин Л. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения / Л. Абалкин // Вопросы экономики. — 2001. — № 2. — С. 4–18.

Авдаков Ю. К. К вопросу о предмете истории народного хозяйства / Ю. К. Авдаков // Научные записки / Всесоюз. заоч. экон. ин-т, кафедра полит. экономии. — М., 1958. — Вып. 4. — С. 156–174.

Автономов В. История экономической мысли и экономического анализа: место России / В. Автономов // Вопросы экономики. — 2001. — № 2. — С. 42–48.

Автономов В. Предисловие к русскому изданию / В. Автономов // Негиши Т. История экономической теории : учебник : пер. с англ. / под ред. Л. Л. Любимова, В. С. Автономова. — М., 1995. — С. 6–7.

Автономов В. С. История от Шумпетера : (Предисловие к русскому изданию) / В. С. Автономов // Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. : пер с англ. / под ред. В. С. Автономова. — СПб. : Экон. школа, 2001а. — Т. 1. — С. IX–XII.

Автономов В. С. Предисловие к русскому изданию / В. С. Автономов // Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. — 4-е изд. — М., 1994. — С. XIX–XXII.

Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? / О. Ананьин // Вопросы экономики. — 2001. — № 2. — С. 48–63.

Ананьин О. И. Развитие экономической мысли: исторический контекст / О. И. Ананьин // История экономической мысли : учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М., 2000. — С. 7–9.

Архив РАН (АРАН). Ф. 1639 (В.К. Яцунский). Оп. 1. Д. 115, 116, 120, 127, 665.

Баканов С. А. Институционализация научного направления «Экономическая история России» : крат. обзор / С. А. Баканов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 34. — С. 182–187.

Бахтадзе В. Книга по историографии экономической истории / В. Бахтадзе // Научные доклады высшей школы. Экономические науки. — 1966. — № 2. — С. 129–131.

Берк П. Историческая антропология и новая культурная история : пер. с англ. / П. Берк // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 5 (75). — С. 64–91.

Благих И. Петербургско-ленинградская историко-экономическая школа / И. Благих // Экономист. — 2009. — № 6. — С. 81–93.

Блауг М. Мы прежде всего экономисты! / М. Блауг // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика : реф. журн. / ИНИОН. — М., 2003. — С. 7–13.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. / М. Блауг. — 4-е изд. — М. : Дело Лтд, 1994. — 720 с.

Бовыкин В. И. Актуальные проблемы экономической истории / В. И. Бовыкин // Новая и новейшая история. — 1996. — № 4. — С. 11–27.

Богданов А. Познание с исторической точки зрения / А. Богданов. — СПб. : Богданов, 1901. — 217 с.

Богомазов Г. Г. О философско-методологических основаниях историко-экономических исследований / Г. Г. Богомазов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5, Экономика. — 2006. — Вып. 2. — С. 51–62.

Богомазов Г. Г. Философия истории как методологическая база историко-экономических исследований [Электронный ресурс] / Г. Г. Богомазов // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 4 (32). — Режим доступа: www.m-economy.ru/art.php3?artid=26468. — (02.02.2010).

Богомазов Г. Г. Предмет и методология экономической истории / Г. Г. Богомазов, Н. П. Дроздова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5, Экономика. — 2000. — Вып. 2. — С. 109–126.

Бокарев Ю. П. Сектор экономической истории Института экономики РАН / Ю. П. Бокарев // Информационно-аналитический бюллетень Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. — 2007а. — № 5. — С. 54–55.

Бокарев Ю. П. Экономическая история / Ю. П. Бокарев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. — М., 2004. — С. 594–619.

Бокарев Ю. П. Экономическая история и экономическая теория [Электронный ресурс]: (науч. доклад) / Ю. П. Бокарев. — М.: ИЭ РАН, 2007б. — 55 с. — Режим доступа: http://ineson.ru/tmp/Bokarev_doklad.pdf. — (30.11.2007).

Болдырев И. А. История теории общего равновесия в 1960–1990-е годы и экономико-математического направления в советской экономической науке [Электронный ресурс] / И. А. Болдырев, О. И. Кирчик // Экономическая социоло-

гия. — 2011. — Т. 12, № 5. — С. 115–122. — Режим доступа: www.ecsoc.hse.ru. — (15.02.2012).

Бычков С. П. Введение в историографию отечественной истории XX века : учеб. пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. — Омск : ОмГУ, 2001. — 359 с.

Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии : пер. с фр. / П. Вен. — М. : Науч. мир, 2003. — 394 с.

Винарчик П. Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий / П. Винарчик // Вопросы экономики. — 2003. — № 11. — С. 15–26.

Виноградов В. А. Экономическая история и современность / В. А. Виноградов, Л. И. Бородкин // Новая и новейшая история. — 2008. — № 6. — С. 3–23.

Виноградов С. М. И. И. Иванюков — представитель исторической школы в российской экономической науке / С. М. Виноградов. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007а. — 99 с.

Виноградов С. М. И. И. Иванюков и русский катедер-социализм / С. М. Виноградов // Известия СПбГУЭФ. — 2007б. — № 2. — С. 99–112.

Виноградов С. М. И. М. Кулишер как историк-экономист / С. М. Виноградов // Русская наука в биографических очерках / отв. ред. Э. И. Колчинский, И. П. Медведев. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — С. 221–235.

Виноградов С. М. Историко-экономические воззрения И. М. Кулишера : монография / С. М. Виноградов. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002а. — 133 с.

Виноградов С. М. Историко-экономические произведения И. М. Кулишера / С. М. Виноградов // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения : ежегодник. — Волгоград : ВолГУ, 2002б. — Вып. 4. — С. 79–91.

Виноградов С. М. М. М. Ковалевский — основоположник российской школы экономической истории / С. М. Виноградов // Экономика и политика России в переходный период : сб докл. науч. сессии проф.-преп. состава науч. сотр. и асп. по итогам НИР 2006 г. / под ред. В. А. Грошева, А. В. Лабудина ; СПбГУЭФ, ф-т экон. теории и политики. — СПб., 2007в. — С. 72–80.

Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России. От дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.) / Г. Д. Гловели. — СПб. : Алетейя, 2009а. — 204 с.

Гловели Г. Д. Геополитическая экономия как традиция российской экономической мысли : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Г. Д. Гловели ; Ин-т экономики РАН. — М., 2009б. — 31 с.

Гловели Г. Д. Историко-стадиальные и эволюционные концепции в российской экономической мысли: вековая ретроспектива / Г. Д. Гловели. — М. : ИЭ РАН, 2008а. — 80 с.

Гловели Г. Д. История экономических учений : учеб. пособие / Г. Д. Гловели. — М. : Юрайт : ИД Юрайт, 2011. — 742 с.

Гловели Г. Д. Одна из возможных историй экономической мысли в России: (о книге Й. Цвайнерта «История экономической мысли в России») / Г. Д. Гловели // Вопросы экономики. — 2008б. — № 9. — С. 140–154.

Голубничий И. С. Связь предметов экономической истории и политической экономии / И. С. Голубничий // Тезисы докладов на научно-методическом совещании по экономической истории / редкол. Е. Ф. Борисов [и др.]. — Киев, 1965. — С. 80–86.

Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа : (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 2007. — № 8. — С. 57–82.

Гурова И. П. История метода историко-экономической науки : монография / И. П. Гурова. — Ульяновск : УлГУ, 1999. — 95 с.

Гурова И. П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке / И. П. Гурова // Историко-экономический альманах / ред.-сост. Д. Н. Платонов. — М., 2007а. — Вып. 2. — С. 28–51.

Гурова И. П. Методологический поиск в историко-экономической литературе XIX — первой половины XX веков / И. П. Гурова // Историко-экономический альманах / сост. и предисл. Д. Н. Платонова. — М., 2004. — Вып. 1. — С. 34–49.

Гурова И. П. Особенности методологии истории экономических учений / И. П. Гурова // Экономический журнал. — 2001. — № 3. — С. 130–140.

Гурова И. П. Сравнительный анализ методологии истории экономических учений : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук : 08.00.02 / И. П. Гурова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2000. — 43 с.

Гурова И. П. Философские концепции науки / И. П. Гурова // Историко-экономический альманах / ред.-сост. Д. Н. Платонов. — М., 2007б. — Вып. 2. — С. 7–27.

Гусейнов Р. М. Вопросы истории советского хозяйства в экономической литературе 1917–1937 годов : автореф. ... дис. канд. экон. наук : 08.00.03 / Р. М. Гусейнов. — М., 1977а. — 24 с.

Гусейнов Р. М. Первые опыты научного освещения советской экономической истории / Р. М. Гусейнов // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. — 1977б. — № 1, вып. 1. — С. 142–151.

Гусейнов Р. М. Первые шаги советской экономической истории / Р. М. Гусейнов // Экономические науки. — 1990. — № 7. — С. 66–73.

Гутнова Е. В. Т. Роджерс и возникновение историко-экономического направления в английской медиевистике второй половины XIX в. (60–90-е годы) / Е. В. Гутнова // Средние века. — М., 1960. — Вып. XVII. — С. 349–373.

Дин Ф. Роль истории экономической мысли / Ф. Дин // Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. : пер. с англ. / ред. Д. Гринзэуэй, М. Блини, И. Стюарт. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 28–58.

Дисциплинарность и взаимодействие наук / отв. ред. Б. М. Кедров, Б. Г. Юдин. — М. : Наука, 1986. — 280 с.

Дмитриев А. Контекст и метод : (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) / А. Дмитриев // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 2 (66). — С. 6–16.

Дроздов В. В. История народного хозяйства / В. В. Дроздов // Всемирная история экономической мысли. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период / гл. ред. В. Н. Черковец. — М. : Мысль, 1990. — С. 286–292.

Дроздов В. В. История народного хозяйства / В. В. Дроздов // Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е — первая половина 90-х годов) / гл. ред. В. Н. Черковец. — М., 1997. — С. 495–501.

Дроздов В. В. Современная зарубежная историография экономической политики СССР в 1946–1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук : 08.00.02 / В. В. Дроздов. — М., 1998а.

Дроздов В. В. Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е гг. / В. В. Дроздов. — М. : Диалог-МГУ, 1998б. — 98 с.

Дроздов В. В. Современные буржуазные концепции истории советской экономики / В. В. Дроздов. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 158 с.

Дроздов В. В. Экономические реформы в СССР (1953–1985). Взгляды зарубежных ученых / В. В. Дроздов. — М. : ТЕИС, 1998в. — 136 с.

Егоров Ю. Н. К вопросу об историографии российской экономической науки / Ю. Н. Егоров // Финансовый журнал Академии бюджета и казначейства Минфина России. — 2011. — № 1. — С. 157–164.

Ефимов В. М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки / В. М. Ефимов // Journal of Economic Regulation = Вопросы регулирования экономики. — 2011. — Т. 2, № 3. — С. 5–79.

Жамин В. А. Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки / В. А. Жамин, Я. И. Кузьминов // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. / редкол.: В. А. Жамин (гл. ред.) [и др.]. — М., 1989. — Вып. 1. — С. 6–23.

Жамин В. А. Предмет и метод курса истории экономических учений / В. А. Жамин, Т. П. Субботина // История экономических учений : учеб. пособие / под ред. В. А. Жамина, Е. Г. Василевского. — М., 1989. — Ч. 1. — С. 5–10.

Исаев А. А. Составные части и методы политической экономики / А. А. Исаев. — Ярославль, 1887. — 56 с.

Карамова О. В. История и философия экономической науки — теоретико-методологические проблемы курса / О. В. Карамова // Вестник Финансовой академии. — 2007а. — № 3. — С. 31–42.

Карамова О. В. Философия, методология и история экономической науки : монография / О. В. Карамова. — М., 2007б. — 208 с.

Кареев Н. И. Экономическая история / Н. И. Кареев // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : репринт. воспроизведение издания 1890 г. — М., 1993. — Т. 79. — С. 256.

Кареев Н. И. Экономический материализм в истории / Н. И. Кареев // Вестник Европы. — 1894. — Т. 4, № 7. — С. 5–35.

Квасов А. С. Введение в предмет истории экономических учений / А. С. Квасов // История экономических учений : учебник / под ред. А. С. Квасова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2011. — С. 3–10.

Клюкин П. Н. Генетический принцип в исследовании наследия Е. Е. Слуцкого и его основные результаты / П. Н. Клюкин // Слуцкий Е. Е. Экономические и статистические произведения : избранное / Е. Е. Слуцкий ; предисл. П. Н. Ключина. — М., 2010а. — С. 17–90.

Клюкин П. Н. Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие / П. Н. Клюкин // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения : избранное / Д. Рикардо. — М., 2007а. — С. 8–75.

Клюкин П. Н. И.Г. Блюмин как историк экономической мысли: несколько слов в связи с публикацией фрагментов из «Субъективной школы в политической экономии» 1928 г. / П. Н. Клюкин // Бём-Баверк, Ойген фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале / Бём-Баверк, Ойген фон ; предисл. Й. А. Шумпетера ; пер с нем. Л. И. Форберта, А. Санина ; пер с англ. Н. В. Автономовой ; пер с лат. А. А. Россиуса. — М., 2009а. — С. 813–816.

Клюкин П. Н. Конъюнктурный институт в новых исторических координатах («экономическая мысль–хозяйственная система») / П. Н. Клюкин // Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института / науч. ред. и сост. П. Н. Клюкин. — М., 2010б. — С. 11–32.

Клюкин П. Н. Кругооборот общественного продукта в русскоязычной «традиции Туган-Барановского»: Н. И. Бернштейн и Л. В. Курской / П. Н. Клюкин // Финансы и бизнес. — 2009б. — № 4. — С. 200–219.

Клюкин П. Н. Поворот к физиократической метафизике : (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ) / П. Н. Клюкин // Кенэ Ф., Тюрго А. Р. Ж., де Немур П. С. Физиократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. де Немур. — М., 2008а. — С. 13–42.

Клюкин П. Н. Ревизия неорикардиянской теории ценности и распределения : новые свидетельства и горизонты / П. Н. Клюкин // Вопросы экономики. — 2007б. — № 5. — С. 117–137.

Клюкин П. Н. Серия «Антология экономической мысли» и новое издание «Капитала» К. Маркса / П. Н. Клюкин // Вопросы экономики. — 2010в. — № 11. — С. 155–158.

Клюкин П. Н. Творческое наследие Г.А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства / П. Н. Клюкин // Вопросы экономики. — 2008б. — № 2. — С. 133–149.

Козлов С. История филологии с прагматической точки зрения / С. Козлов, А. Дмитриев // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 6 (82). — С. 7–12.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения : пер. с англ. / Р. Коллинз. — Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. — 1282 с.

Корзун В. П. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Мир историка : историограф. сб. / под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. — Омск, 2006. — Вып. 2. — С. 199–224.

Крандиевский С. Политическая экономия и экономическая история / С. Крандиевский // Экономические науки. — 1974. — № 12. — С. 11–15.

Крандиевский С. И. Изучай свой завод: (в помощь фабрично-заводским ячейкам в монографическом изучении своего предприятия) / С. И. Крандиевский. — М., 1932.

Крандиевский С. И. Изучение промышленного предприятия: учебник для заоч. краевед. курсов / С. И. Крандиевский. — М., 1933.

Крандиевский С. И. Изучение экономической истории в СССР за 40 лет» / С. И. Крандиевский // Ученые записки / Харьков. ун-т. — Харьков, 1957. — Т. ХСII. — С. 319–346. — (Труды / Экон. фак., каф. политэкон. ; Т. 3).

Крандиевский С. И. Историческая школа в политической экономии и буржуазная экономическая история / С. И. Крандиевский // Научные записки / Харьков. ин-т сов. торг. — Харьков, 1959. — Вып. 9 (11). — С. 217–234.

Крандиевский С. И. К критике методологии буржуазной экономической истории конца XIX века / С. И. Крандиевский // Ученые записки / Харьков. ун-т. — Харьков, 1962. — Т. 129. — С. 70–84. — (Труды / Ист. фак. ; Т. 10).

Крандиевский С. И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.): монография / С. И. Крандиевский. — Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1964. — 305 с.

Крандиевский С. И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.03 / С. И. Крандиевский. — Киев, 1966. — 40 с.

Крандиевский С. И. Проблемы экономической историографии / С. И. Крандиевский // Экономические науки. — 1972. — № 2. — С. 60–64.

Крандиевский С. И. Экономическая история в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса / С. И. Крандиевский // Сб. науч. работ кафедр полит. экономии вузов г. Харькова. — Харьков, 1960. — Вып. 2. — С. 197–212.

Крафтс Н. Ф. Р. Экономическая теория и история / Н. Ф. Р. Крафтс // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т.: пер. с англ / ред. Д. Гринзуэй, М. Блини, И. Стюарт. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 991–1013.

Кузнецова Н. Научный текст как источник в историко-научном исследовании / Н. Кузнецова, М. Розов // Высшее образование в России. — 2005. — № 5. — С. 109–112.

Кузнецова Н. Возможна ли дисциплинарная история науки? / Н. Кузнецова // Высшее образование в России. — 2004а. — № 11. — С. 99–113.

Кузнецова Н. И. Историко-научные исследования и теория социальных эстафет / Н. И. Кузнецова // На теневой стороне : материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. — Новосибирск, 2004б. — С. 311–355.

Кузнецова Н. И. История естествознания в контексте естественнонаучных и гуманитарных дисциплин / Н. И. Кузнецова // Науковедение. — 2002. — № 4. — С. 84–120.

Кузнецова Н. И. История науки на распутье / Н. И. Кузнецова, М. А. Розов // Вопросы истории естествознания и техники. — 1996. — № 1. — С. 3–18.

Кузьминов Я. И. Возвращение к «Истокам». О теоретическом запасе сообщества российских экономистов / Я. Кузьминов // Истоки / редкол.: Я. И. Кузьминов [и др.]. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 3–22.

Кулишер И. Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. — 1908. — Кн. 7. — С. 53–79.

Кулишер И. М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе / И. М. Кулишер. — СПб., 1906. — Т. 1 : Период до восемнадцатого века. — 676 с.

Кун Т. Структура научных революций : пер. с англ. / Т. Кун. — М. : Прогресс, 1975. — 288 с.

Курц Х. Д. Куда идет история экономических учений: медленно двигается никуда? / Х. Д. Курц // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5, Экономика. — 2008. — № 3. — С. 3–25.

Ланской Г. Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX века : монография / Г. Н. Ланской. — М. : Изд-во РГГУ, 2010. — 504 с.

Левитский В. Задачи и методы науки о народном хозяйстве / В. Левитский. — Ярославль, 1890. — 254 с.

Лойберг М. Я. История экономики : учеб. пособие / М. Я. Лойберг. — М. : Экономика, 1997. — 128 с.

Ломова С. А. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направления в России и за рубежом / С. А. Ломова // Новая и новейшая история. — 1997. — № 5. — С. 3–20.

Лузан П. П. Василий Осипович Ключевский как историк экономики России / П. П. Лузан // ЭКО. — 2001. — № 9. — С. 156–164.

Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е. М. Майбурд. — М. : Дело : Вита-Пресс, 1996. — 544 с.

Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х–1990-е гг.): революция и рост научного знания / Н. Макашева // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я. И. Кузьминов [и др.]. — 2-е изд. — М., 2007. — С. 400–426.

Мамедов О. Ю. Самые сложные проблемы — внутринаучные! / О. Ю. Мамедов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5, № 1. — С. 5–8.

Маркова А. О фундаментальных экономических науках, или История с экономической историей и системой высшего образования / А. Маркова, Ю. Федулов // Вестник Института экономики. — 2008. — № 4. — С. 30–42.

Маркова А. Н. О фундаментальном значении экономической истории / А. Н. Маркова // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения : ежегодник / под ред. М. М. Загоруйко ; ВолГУ. — Волгоград, 2000. — Вып. 2. — С. 11–29.

Маркова Л. А. Социальные аспекты истории науки / Л. А. Маркова // Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. — М., 1996. — С. 362–426.

Маркова Л. А. Конец века — конец науки? / Л. А. Маркова. — М. : Наука, 1992. — 134 с.

Маркова Л. А. Новые формы историко-научных исследований и их перспективы / Л. А. Маркова // Принципы историографии естествознания. Теория и история / отв. ред. А. П. Огурцов, И. С. Тимофеев, В. С. Черняк. — М. : Наука, 1993. — С. 342–357.

Маркова Л. А. Понятие ситуационных исследований (case studies) / Л. А. Маркова // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. — М., 2010. — С. 392–416.

Маркова Л. А. Трансформация оснований историографии науки / Л. А. Маркова // Принципы историографии естествознания: XX век / отв. ред. И. С. Тимофеев. — СПб., 2001. — С. 69–124.

Мегилл А. Историческая эпистемология : пер. с англ. / А. Мегилл ; пер. пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. — М. : Канон+РООИ : Реабилитация, 2007. — 480 с.

Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. — М. : Наука, 1980. — 304 с.

Мирский Э. М. Дисциплинарное строение науки / Э. М. Мирский, Б. Г. Юдин // Научная деятельность: структура и институты : сб. переводов / сост., общ. ред. и вступ. статья Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. — М. : Прогресс, 1980.

Нейман А. М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж. М. Кейнса / А. М. Нейман // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / под ред. Л. П. Репиной. — М., 2002. — Вып. 8. — С. 11–31.

Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма : (историограф. очерк) / М. В. Нечкина. — Казань : ГИЗ, 1922. — 204 с.

Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология / А. Л. Никифоров. — М. : Дом интелект. книги, 1998. — 280 с.

Нужно ли оглядываться назад? К осмыслению исторических, институциональных и интеллектуальных предпосылок экономической науки // Истоки / ред. Я. И. Кузьминов [и др.]. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 466–468.

Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование / А. П. Огурцов. — М. : Наука, 1988. — 256 с.

Ольсевич Ю. К релятивистской экономической теории / Ю. Ольсевич // Вопросы экономики. — 1995. — № 6. — С. 4–14.

Орехов А. М. Методы экономических исследований : учеб. пособие / А. М. Орехов. — М. : ИНФРА-М, 2009. — 392 с.

Перлман М. Предисловие / М. Перлман // Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. : пер с англ. / Й. Шумпетер ; под ред. В. С. Автономова. — СПб., 2001. — Т. 1. — С. XIII–XLIII.

Перлов А. М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания : курс лекций / А. М. Перлов. — М. : РГГУ, 2007. — 312 с.

Пестр Д. Социальная и культурологическая история науки: новые определения, новые объекты, новые практики / Д. Пестр // Вопросы истории естествознания и техники. — 1996. — № 3. — С. 42–55; № 4. — С. 40–59.

Печенкин А. А. Философия науки и история науки: проблемы взаимодействия / А. А. Печенкин // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А. Г. Аллаhverдяна [и др.]. — М. : Логос, 2005. — С. 59–73.

Погребинская В. А. «Новое направление» как школа российского институционализма / В. А. Погребинская // Экономический журнал. — 2001. — № 1. — С. 164–178.

Погребинская В. А. Новое экономическое направление (методы исследования российского типа экономики) / В. А. Погребинская // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». — М., 2000. — С. 178–187.

Подоль Р. Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века : монография / Р. Я. Подоль. — М. : Наука, 2008. — 436 с.

Покидченко М. Г. Социально-экономическая мысль России середины XVIII–начала XX в. / М. Г. Покидченко // Покидченко М. Г., Сперанская Л. Н., Дробышевская Т. А. Пути развития экономики России: теория и практика : учеб. пособие / М. Г. Подкидченко, Л. Н. Сперанская, Т. А. Дробышевская. — М., 2005. — С. 9–128.

Полетаев А. В. Классика в общественных науках / А. В. Полетаев // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М., 2009. — С. 11–49.

Полянский Ф. Я. Критика буржуазных и реформистских концепций экономической истории / Ф. Я. Полянский // Тезисы докладов на научно-методическом совещании по экономической истории / редкол. Е. Ф. Борисов [и др.]. — Киев, 1965. — С. 59–71.

Попова Т. Н. Историография в контексте дисциплинарной истории / Т. Н. Попова // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. — М., 2011. — С. 474–490.

Порус В. Н. К вопросу о «рациональной реконструкции истории науки» / В. Н. Порус // Высшее образование в России. — 2009. — № 7. — С. 139–146.

Предисловие к изданию // Всемирная история экономической мысли. Т. 1. От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической экономии / гл. ред. В. Н. Черковец. — М., 1987. — С. 8–17.

Репина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Историческая наука на рубеже веков / отв. ред. А. А. Фурсенко. — М. : Наука, 2001а. — С. 175–192.

Репина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. — 2006. — № 1. — С. 12–22.

Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Диалог со временем : альманах интеллек-

туальной истории / под ред. Л. П. Репиной. — М., 2008. — Вып. 25-1. — С. 5–11.

Репина Л. П. Современная историческая культура и интеллектуальная история / Л. П. Репина // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / под ред. Л. П. Репиной. — М., 20016. — Вып. 6. — С. 5–10.

Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? / Л. П. Репина // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. — М., 1999. — Вып. 1. — С. 5–12.

Рогалина Н. Л. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России : монография / Н. Л. Рогалина. — М. : Моск. учебники, 1998. — 192 с.

Рогалина Н. Л. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства СССР / Н. Л. Рогалина // Экономическая история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. — М., 2001. — Вып. 6. — С. 107–109.

Розов М. А. «Парадигма», «дисциплина», «коллекторская программа» / М. А. Розов // Высшее образование в России. — 2004. — № 9. — С. 136–141.

Розов М. А. Понятие исследовательской программы / М. А. Розов // Исследовательские программы в современной науке / отв. ред. А. Н. Кочергин. — Новосибирск, 1987. — С. 7–26.

Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / М. А. Розов. — М. : Новый хронограф, 2008. — 352 с.

Романов И. О понятии «экономическая история» / И. Романов // Экономические науки. — 1972. — № 2. — С. 65–69.

Рохас К. А. А. Историография в 20 веке. История и истории между 1848 и 2025 годами / К. А. А. Рохас. — М. : Кругъ, 2008. — 164 с.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. — М. : Госполитиздат, 1941. — 660 с.

Рязанов В. Т. Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное / В. Т. Рязанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5, Экономика. — 2010. — Вып. 3. — С. 66–84.

Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — СПб. : Наука, 2003. — 632 с.

Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 2. Образы прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — СПб. : Наука, 2006. — 751 с.

Савельева И. М. История в пространстве социальных наук / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Новая и новейшая история. — 2007. — № 6. — С. 3–15.

Савельева И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М. : Языки рус. культуры, 1997. — 800 с.

Савельева И. М. История как знание о социальном мире / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Социальная история : ежегодник : 2001/2002. — М., 2004. — С. 7–24.

Святловский В. В. К истории русской идеологии. Развитие взглядов на сущность экономической эволюции / В. В. Святловский // Народное хозяйство. — 1904. — Кн. 3. — С. 1–58.

Соколов Б. И. История мировой экономической науки: нужны ли новые подходы? / Б. И. Соколов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5, Экономика. — 1998. — Вып. 2. — С. 52–60.

Солодкина М. М. История народного хозяйства / М. М. Солодкина // Всемирная история экономической мысли. Т. 3. Начало ленинского этапа марксистской экономической мысли. Эволюция буржуазной политической экономии (конец XIX–начало XX в.) / гл. ред. В. Н. Черковец. — М., 1989а. — С. 295–298.

Солодкина М. М. Об историко-экономическом познании / М. М. Солодкина // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. — М., 1989б. — Вып. 1. — С. 24–36.

Степанов И. И. Предисловие к русскому изданию (1904) / И. И. Степанов // Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. Генезис капитализма : пер. с нем. / под ред. В. Базарова, И. Степанова. — М. : [1905]. — С. I–XL.

Степанов И. И. Современный капитализм / И. И. Степанов // Образование. — 1903. — № 6. — С. 55–78.

Степин В. С. Философия науки и техники : учеб. пособие / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. — М. : Гардарики, 1996. — 400 с.

Сторожев В. [Рецензия] / В. Сторожев // Сборник правоповедения и общественных знаний : Труды / Юрид. об-во ; сост. при Имп. Моск. ун-те и его стат. отд-нии. — СПб., 1895. — Т. 4. — С. 113–129. — Рец. на кн.: К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века / И. Н. Миклашевский. — М., 1894.

Струве П. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 1 / П. Струве. — СПб. ; М., 1913а. — 358 с.

Струве П. Б. Из лекций по истории хозяйственного быта / П. Б. Струве // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. — 1913б. — Т. 19. — С. 167–198.

Струве П. Б. Теория политической экономии и история хозяйственного быта : речь на диспуте 10 ноября 1913 г. / П. Б. Струве // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. — 1913в. — Т. 20. — С. I–X.

Тарле Е. В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. — 1903. — № 17. — Стб. 739–743.

Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма / К. Н. Тарновский. — М. : Наука, 1964. — 206 с.

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка : пер с англ / Д. Тош. — М. : Весь мир, 2000. — 296 с.

Туган-Барановский М. И. [Рецензия] / М. И. Туган-Барановский // Журнал министерства народного просвещения. — 1908. — № 1. — С. 186–187. — Рец. на кн.: Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 1. Период до восемнадцатого века / И. М. Кулишер. — СПб., 1906.

Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования / Р. Уитли // Научная деятельность: структура и институты : сб. переводов / сост., общ. ред. и вступ. статья Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. — М., 1980. — С. 218–256.

Фролов Д. П. «Институциональная оттепель» в экономической истории и политической экономии СССР / Д. П. Фролов // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения : ежегодник / ВолГУ. — Волгоград, 2002. — Вып. 4. — С. 108–118.

Хагнер М. История науки / М. Хагнер // Наука и научность в исторической перспективе / под общ. ред. Д. Александрова, М. Хагнера. — СПб., 2007. — С. 8–36.

Холтон Дж. Тематический анализ науки : пер. с англ / Дж. Холтон. — М. : Прогресс, 1981. — 384 с.

Худокормов А. Г. Введение / А. Г. Худокормов // История экономических учений: (современный этап) : учебник / под общ. ред. А. Г. Худокормова. — М., 1998. — С. 3–6.

Худокормов А. Г. Существуют ли законы истории экономической мысли? / А. Г. Худокормов // Вестник Московского университета. Сер. 5, Экономика. — 2005. — № 1. — С. 82–95.

Чунтулов В. Т. Экономическая история зарубежных стран : (курс лекций). Ч. 1. С древнейших времен до 70-х годов XIX в. / В. Т. Чунтулов. — Киев, 1959.

Шемакин И. Н. О предмете экономической истории / И. Н. Шемакин // Тезисы докладов на научно-методическом совещании по экономической истории / редкол. Е. Ф. Борисов [и др.]. — Киев, 1965. — С. 19–26.

Шпигель-Резинг И. Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса / И. Шпигель-Резинг // Научная деятельность: структура и институты : сб. переводов / под ред. Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. — М., 1980. — С. 107–158.

Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. : пер с англ / Й. Шумпетер ; под ред. В. С. Автономова. — СПб.: Экон. школа, 2001. — Т. 1. — LVI+494 с.; Т. 2. — VIII+494 с.; Т. 3. — X+678 с.

Экономическая история капиталистических стран / под ред. В. Т. Чунтулова. — М. : Высш. школа, 1973. — 376 с.

Яцунский В. К. Изучение экономической истории / В. К. Яцунский // Очерки истории исторической науки. — М., 1955а. — Т. 1. — С. 578–597.

Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках / В. К. Яцунский. — М. : Изд-во АН СССР, 1955б. — 330 с.

Biddle J. Research Styles in the History of Economic Thought / J. Biddle // A Companion to the History of Economic Thought / ed. by W.J. Samuels, J.E. Biddle, J.B. Davis. — Oxford : Blackwell, 2003. — P. 1–8.

Blaug M. Economic Theory in Retrospect; 5-th ed. / M. Blaug. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997.

Blaug M. Misunderstanding Classical Economics : The Sraffian Interpretation of the Surplus Approach / M. Blaug // History of Political Economy. — 1999. Vol. 31, issue 2. — Pp. 213–236.

Blaug M. No History of Ideas, Please, We Are Economists [Electronic resource] / M. Blaug // Journal of Economic Perspectives. — 2001. — Vol. 15, № 1. — P. 145–164. — Mode of access: <http://www.e-jep.org/archive/1501/15010145.pdf>. — (10.06.2011).

Blaug M. Not only an Economist. Recent Essays / M. Blaug. — Cheltenham: Edward Elgar, 1997.

Blaug M. On the Historiography of Economics / M. Blaug // Journal of the History of Economic Thought. — 1990. — Vol. 12. — P. 27–37.

Blaug M. Rational vs. historical reconstruction — a counter-note on Signorino's note on Blaug / M. Blaug // European Journal of the History of Economic Thought. — 2003. — Vol. 10, issue 4. — P. 607–608.

Boettke P. J. Why Read the Classics in Economics? [Electronic resource] / P. J. Boettke // The Library of Economics and Liberty. February 24, 2000. — Mode of access : <http://www.econlib.org/library/Features/feature2.html>. — (30.04.2008).

Coats A. W. The Sociology of Economics and Scientific Knowledge, and the History of Economic Thought / A. W. Coats // A Companion to the History of Economic Thought / ed. by W. J. Samuels, J. E. Biddle, J. B. Davis. — Oxford: Blackwell, 2003. — P. 507–522.

Economics in Russia: Studies in Intellectual History. Burlington, VT: Ashgate, 2008. 198 pp. / ed. by V. Barnett, J. Zweynert (2009) // Reviewed for EH.NET by W. J. Samuels. — Mode of access : <http://eh.net/content/samuels-barnett-and-zweynert-eds-economics-russia-studies-intellectual-history>. — (27.05.2009).

Economists' Lives: Biography and Autobiography in the History of Economics / ed. by E. R. Weintraub, E. L. Forget. Durham: Duke University Press, 2007.

Emmett R. B. Exegesis, Hermeneutics, and Interpretation // A Companion to the History of Economic Thought / ed. by W. J. Samuels, J. E. Biddle, J. B. Davis. — Oxford: Blackwell, 2003. — P. 523–537.

Emmet R. B. Where Else Would You Look? Constructivism and the Historiography of Economics / R. B. Emmet // Journal of the History of Economic Thought. — 2001. — Vol. 23, № 2. — P. 262–265.

Emmett R. B. History of Economics and History of Science. A Comparative Look at Recent Work in Both Fields / R. B. Emmett // Research in the History of Economic Thought & Methodology / ed. by J. E. Biddl, R. B. Emmett. — 2010. — Vol. 28-A. — P. 71–94.

Flyvbjerg B. Case Study / B. Flyvbjerg // The Sage Handbook of Qualitative Research / ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln; 4th ed. — Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. — P. 301–316.

Golinski J. Introduction: Challenges to the Classical View of Science [Electronic resource] / J. Golinski // Making Natural Knowledge: Constructivism and the History of Science / 2nd ed. — Chicago: University of Chicago Press, 2005. — Mode of access : <http://www.unh.edu/history/golinski/paper4.htm>. — (17.05.2012).

Golinski J. Making National Knowledge: Constructivism and the History of Science: Comment / J. Golinski // Journal of the History of Economic Thought. — 2001. — Vol. 23, № 2. — P. 283–285.

Jardine N. Intellectual History and Philosophy of Science [Electronic resource] / N. Jardine // Intellectual News. — 1996. —

№ 1. — P. 33–34. — Электронная версия печат. публ. — Mode of access : <http://www.idih.org/pdf/IN-gesamt.pdf>. — (12.03.2012).

Kadish A. Historians, Economists, and Economic History / A. Kadish. — L.; N.Y.: Routledge, 1989. — xii, 297 p.

Klaes M. Historiography / M. Klaes // *A Companion to the History of Economic Thought* / ed. by W. J. Samuels, J. E. Biddle, J. B. Davis. — Oxford: Blackwell, 2003. — P. 491–506.

Koot G.M. English Historical Economics, 1870–1926: The Rise of Economic History and Neomercantilism / G.M. Koot. — N.Y.: Cambridge University Press, 1987. — viii, 277 p.

Kurz H. Whither the history of economic thought? Going nowhere rather slowly? / H. Kurz // *European Journal of the History of Economic Thought*. — 2006. — Vol. 13, issue 4. — P. 463–488.

Kurz H. Whither the history of economic thought? Going nowhere rather slowly? (2006) [Electronic resource] / H. Kurz. — Mode of access : http://www.eshet.net/src/Presidential_address_Kurz.pdf. — (11.04.2008).

Maas H., Mata T., Davis J. Introduction: The history of economics as a history of practice / H. Maas, T. Mata, J. Davis [Electronic resource] // *European Journal of History of Economic Thought*. — 2011. — Vol. 18, issue 5. — P. 635–642. — Электронная версия печат. публ. — Mode of access : http://tmata.com/papers/Maas-Mata-Davis_2011.pdf. — (18.05.2012).

Marcuzzo M. C. Is history of Economic Thought a «serious» subject? [Electronic resource] / M.C. Marcuzzo // *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*. — 2008. — Vol. 1, issue 1. — P. 107–123. — Электрон. версия печат. публ. — Mode of access : <http://ejpe.org/pdf/1-1-art-5.pdf>. — (18.12.2008).

Moggridge D. E. Biography and the History of Economics / D. E. Moggridge // *A Companion to the History of Economic Thought* / ed. by W. J. Samuels, J. E. Biddle, J. B. Davis. — Oxford: Blackwell, 2003. — P. 588–605.

Pearlman M. Perceptions of Our Discipline: Three Magisterial Interpretations of the History of Economic Thought [Electronic resource] / M. Pearlman // *History of Economics Society Bulletin*. — 1986. Vol. 7, issue 2. — P. 9–28. — Электрон. версия печат. публ. — Mode of access: <http://208.106.171.85/bulletin/vol7/No2/>. — (11.05.2008).

Pearlman M. Schumpeter as a Historian of Economic Thought / M. Pearlman // *Research in History of Economic Thought and Methodology: A Research Annual*. Vol. 1 / ed. by W. J. Samuels. Greenwich, CT: JAI Press, 1983. — P. 113–130.

Samuelson P. A. Out of the Closet: A Program for the Whig History of Economic Science [Electronic resource] / P.A. Samuelson // History of Economics Society Bulletin. — 1987. — Vol. 9, issue 1. — P. 51–60. — Электрон. версия печат. публ. — Mode of access : <http://208.106.171.85/bulletin/vol9/No1/samuelson.pdf>. — (30.04.2008).

Schabas M. Breaking Away: History of Economics as History of Science / M. Schabas // History of Political Economy. — 1992. — Vol. 24, issue 1. — P. 187–203.

Schabas M. Coming Together: History of Economics as History of Science [Electronic resource] / M. Schabas // History of Political Economy. — 2002. — Vol. 34, Annual Supplement. — P. 208–225. — Mode of access: http://economix.u-paris10.fr/pdf/journees/hpe/2006-12-21_Schabas.pdf. — (11.12.2007).

Signorino R. A rejoinder / R. Signorino // European Journal of the History of Economic Thought. — 2003a. — Vol. 10, issue 4. — P. 609–610.

Signorino R. Rational vs. historical reconstructions. A note on Blaug / R. Signorino // European Journal of the History of Economic Thought. — 2003b. — Vol. 10, issue 2. — P. 329–338.

Weintraub E.R. 2004 HES Presidential Address: Autobiographical Memory and the Historiography of Economics / E.R. Weintraub // Journal of the History of Economic Thought. — 2005. — Vol. 27, № 1. — P. 1–10.

Weintraub E. R. Archiving the History of Economics / E. R. Weintraub, J. M. Stephen, T. Gayer, H. S. Banzhaf // Journal of Economic Literature. — 1998. — Vol. 36, issue 3. — P. 1496–1501.

Weintraub E. R. Economic Science Wars / E. R. Weintraub // Journal of the History of Economic Thought. — 2007. — Vol. 29, № 3. — P. 267–282.

Weintraub E. R. Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science / E. R. Weintraub // Journal of the History of Economic Thought. — 2001. — Vol. 23, № 2. — P. 277–282.

Weintraub E. R. Methodology doesn't matter, but the history of thought might / E. R. Weintraub // Scandinavian Journal of Economics. — 1989. — № 91 (2). — P. 477–493.

Weintraub E. R. The History of Economics and the History of Science: Editor's Introduction / E. R. Weintraub // History of Political Economy. — 1992. — Vol. 24, issue 1. — P. 185–186.

Weintraub E. R. What Defines a Legitimate Contribution to the Subdiscipline «History of Economics?» [Electronic resource] / E. R. Weintraub // History of Economics Society Mail List

(1996). — Mode of access: http://www.eh.net/HE/hes_list/Editorials/weintraub.php. — (12.12.2010).

Weintraub E. R. Will Economics Ever have a Past Again? / E. R. Weintraub // The Future of the History of Economics: Annual Supplement to Vol. 34 «History of Political Economy» / ed. by E. R. Weintraub. — Durham, NC and London: Duke University Press, 2002. — P. 1–14.

Whaples R. Is Economic History a Neglected Field of Study? / R. Whaples // Historically Speaking. — 2010. — Vol. 11, № 2. — P. 17–20.

What is a case? Exploring the foundations of social inquiry / ed. by C. C. Ragin, H. S. Becker. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Предметная область экономической историографии: история формирования и уроки развития.....	10
Глава 2. Экономическая наука: историографические традиции и новации	47
Глава 3. Экономическая историография: дисциплинарная история историко-экономического знания	89
Заключение	124
Использованная литература	131

Научное издание

Майдачевский Дмитрий Ярославович

**МЕНЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОТ «РАСШИРЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ»
К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИСТОРИИ**

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 23.05.12. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 300 экз. Заказ 4800.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.